

Мишель БЮССИ

Детективщик № 1
во Франции

СЛЕДЫ НА ПЕСКЕ

Мишель Бюсси

Следы на песке

MICHEL BUSSI
GRAVÉ DANS LE SABLE
Copyright © Presses de la Cité, 2014

© Елена Клокова, перевод, 2020

© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2020

Такси в ад – и обратно – смерти в пасть^[1]

Смерть челюсти сыто свела

Этот роман родился из иллюзии

Моей матери

Этот роман впервые выходит под названием «*Следы на песке*», но написан он давно. Больше двадцати лет назад.

Мои книги не объединены общим героем, и те, кого они интересуют, могут читать их в произвольном порядке, – но первое произведение всегда занимает особое место в биографии писателя, даже если было написано в тридцать лет.

Сочиняя роман, я не знал (да и не очень верил), что однажды он увидит свет. Со следующими моими книгами все складывалось иначе.

Тогда я работал, не имея ни малейшего понятия о законах детективного жанра, и потому изобретал и менял их по ходу дела. Возможно, описание места действия длинновато, частный детектив излишне романтичен, наемный убийца неловок, но такова уж моя манера повествования.

Этот роман полон намеков, кивков, ссылок, наваждений и даже навязчивых идей, некоторые из которых перешли в следующие книги и были дополнены и развернуты. Надеюсь, внимательные читатели получат немалое удовольствие, подмечая и разгадывая мои коды.

В 1994 году в распоряжении писателей не было интернета, Гугла, онлайн-энциклопедий. Они не могли кликнуть мышкой и увидеть фотографии ста револьверов или полный список наград американской армии со времен Джорджа Вашингтона. Альтернатива была проста: надолго закопаться в исследованиях или... все выдумать! В следующих романах я тщательно выверял детали (почти всегда), а за мной текст вылизывали бдительные редакторы. Книга «*Следы на песке*» миновала сито реальности, так что читатели могут развлечься, отделяя правду от вымысла, факты от выдумок автора, который дал волю фантазии, но правдоподобности повествования не навредил. Честно говоря, я иногда жалею, что литераторы сегодня так хорошо оснащены, и мечтаю писать, руководствуясь собственным воображением, а не подсказками всезнающего интернета.

Было бы здорово придумывать марки автомобилей, бренды одежды и названия спиртных напитков, изображать судебные процедуры так, как я их вижу, забыв о законах, постановлениях и указах. Вы можете спросить:

«А что вам мешает?» – и будете правы. Именно так я однажды и сделаю. Вообще-то я уже сейчас так поступаю. Иногда. Втихаря. Пишу о полиции, ни разу не побывав в комиссариате.

У этого романа было несколько жизней. Три – если быть точным. В первой он десять лет «спал» в ящике письменного стола, а потом увидел свет под названием «Грифельная доска». Во второй был переименован в *Omaha Crimes* и ввел меня в мир детективной литературы. Теперь под названием «Следы на песке» книга благополучно перекочевала в третью жизнь, а четвертую – чем черт не шутит! – возможно, обретет на экране.

Идею романа мне подал кинематограф. По воспоминаниям о фильме «Самый длинный день»^[2] я был уверен, что американские рейнджеры бежали на приступ бетонной стены по команде лейтенанта. Первый, второй, третий, четвертый... Посмотрев картину еще раз, я убедился, что сцены фатального отсчета в ней нет и в помине. Правда, ни один историк и не утверждал, что ничего подобного не происходило. За отсутствием Истины я ее выдумал.

Желаю вам приятного чтения в компании Алисы, Лизон, Ника, Ральфа, Эмилии, Лаки, Теда... Всем им отведено особое место в моем сердце – как друзьям детства, которых мы помним всю жизнь.

Я знаю, что те, кто держал в руках томик *Omaha Crimes* в черно-белой обложке с изображением десантных катеров, воспринимали роман как военные мемуары. Для них он имел особую остроту, ему они до сих пор отдают предпочтение и могут слегка приревновать к изданию под другим названием. Точно так же взрослый напутствует уходящего в «большую» жизнь мальчишку, советуя не забывать о корнях.

Я считаю чудом, что мой первый роман, напечатанный провинциальным издателем, через несколько лет стал известен не только во Франции, но и в других странах. Меня восхищает, что книге суждены тысячи новых жизней, которые подарят ей читатели.

Мишель Бюсси

Первая эпоха

1944

Умереть в Нормандии

1

Штурм

6 июня 1944

Омаха-Бич^[3], Пуэнт-Гийом

Чрево десантного катера разверзлось. Сто восемьдесят восемь рейнджеров прыгнули в холодную воду и мгновенно рассыпались в разные стороны. Сверху они напоминали муравьев на мятой скатерти.

Удобные мишени.

Лаки Мэрри первым выбрался на пляж и даже не запыхался. Он растянулся на влажном песке под защитой небольшого гранитного валуна. За спиной раздался быстрый топот и тяжелое дыхание. Рядом упал Ральф Финн. Жив!

Ральф посмотрел на окутанные туманом скалы Пуэнт-Гийома, на бетонную стену впереди, на Лаки и расплылся в улыбке славного малого, застигнутого вселенской бурей, но готового стоять до конца.

Метрах в десяти громыхнул взрыв, взметнув тучи мокрого песка. Никто не вскрикнул. Из тумана вылетел Алан Ву и плюхнулся рядом с Лаки и Ральфом.

Тоже жив!

Взгляд Алана был спокойным и мудрым. Человечным.

Благородное качество – человечность, но уместно ли оно на войне?

– Первый! – выкрикнул лейтенант Дин.

Лаки, Ральф и Алан открыли огонь по скалам. В воздухе засвистели пули. Целясь, Лаки старался думать об Алисе. Он выберется – как всегда, благодаря ей.

Истошный вопль перекрыл грохот взрывов. Бедолага Бенджамин Йес закончил свой земной путь.

– Второй! – заорал Дин.

Уже?

Лаки обернулся, не прекращая стрелять. В грязной воде прибоя лежали раненые, убитые и те, кто так и не заставил себя выскочить из моря и рвануть через открытое пространство.

Среди последних был и Оскар Арлингтон. Но вот и он добрался до пляжа и медленно пополз по песку. Его била дрожь, глаза налились кровью, руки не справлялись с карабином.

Лаки перехватил его растерянный взгляд.

– Третий!

Ответом на пальбу рейнджеров стал оглушительный взрыв, их накрыло комьями мокрой охристой земли. Оскара Арлингтона трудно было узнать.

Лаки отвернулся. Ему ни до кого нет дела, нужно только представить лицо красавицы Алисы, и тогда он победит, выиграет – так или иначе – у всех Арлингтонов на свете.

– Четвертый!

Лаки охватил сладостный озноб. Он улыбнулся. За игрой в покер он никогда так не возбуждался, даже если делал немислимые ставки. Жизнь – невероятная игра стоимостью в 1 миллион 440 тысяч долларов! Он зажмурился и тут же снова открыл глаза: нежный образ Алисы заслонил пороховой дым.

Он бессмертен.

Влажная рука Оскара Арлингтона вцепилась в рукав его полевой куртки.

Слишком поздно.

Не время колебаться.

Сейчас он получит ответ, правильно ли поступил, ввязавшись три дня назад в безумную авантюру. Выяснит, кто он – самый безголовый или самый гениальный из всех рейнджеров, участвующих в операции «Оверлорд».

2

Мрачная лотерея

3 июня 1944

Порт Дентона, Англия

Они ушли на небо под проливным дождем... Эта фраза не давала покоя Оскару. Скорее всего, где-то вычитал ее недавно. Или эти слова произнес какой-то придурок. На их десантном катере придурков было предостаточно. Придурков, возомнивших себя пророками. Придурков, ставших мистиками за несколько дней до Страшного суда.

Оскар упирался большим выпуклым лбом в иллюминатор и смотрел на падающие с неба струи, пеленой закрывавшие акваторию порта, серый брезент маскировочных чехлов, проблески маяка.

Никто и не сомневался, что в предстоящий проклятый день 6 июня над этим проклятым пляжем развернутся небеса. Дождь будет ледяным, и тяжелый мокрый песок налипнет на сапоги – если они доберутся до пляжа... Все знали, что в такую гнилую погоду они покинут землю без всяких сожалений.

Он ни за что не удержится на веревке!

Оскар вспомнил, что у него никогда не получалось взобраться по канату – ни в школе, ни в тренировочном отряде. Он вечно зависал в метре от земли, как кабанья туша.

Арлингтон криво усмехнулся. Ему не место на этом катере среди героев-безумцев.

Героев было сто восемьдесят восемь, нет – сто восемьдесят семь плюс Оскар Арлингтон. Сто восемьдесят восемь молодых американцев, бойцов штурмового батальона рейнджеров, погрузились на десантный катер, чтобы выполнить одну из самых сложных миссий высадки в Нормандии: занять казематы и блокаузы на скалах Пуэнт-Гийома.

Утес нависал над обрывистым берегом, и венчало его «гнездо сопротивления», ощерившееся орудиями. Штабисты считали его одной из ключевых точек операции «Оверлорд». Сто восемьдесят восемь добровольцев месяц провели в Англии, карабкаясь на скалы, чтобы натренировать руки и головы, по вечерам сидели в баре, шумели, смеялись. Они верили в свою счастливую звезду и звезды на флаге, который

предстояло водрузить на вершине утеса.

В самом большом помещении десантного катера, где еще совсем недавно располагался бар, стояла гробовая тишина. Исчезло все, что помогало убить время, – карты, пиво, кости. Сто восемьдесят восемь рейнджеров сидели кто на чем – на полу, на табуретках, на столах, некоторые сгрудились у иллюминаторов. Сто восемьдесят восемь молодых бритоголовых парней устрашающего вида, всегда готовых рассказать похабный анекдот или отпустить сальную шутку, молчали и переглядывались. Воняло потом, сыростью, несвежим дыханием – совсем как в раздевалке футбольной команды после матча. Никто не произносил ни слова. Команда проиграла, каждый ждал наказания и надеялся, что кара падет на голову товарища. Сто восемьдесят восемь пар глаз смотрели на низенькую табуретку, на которой стояла перевернутая каска.

Обычная каска завораживала всех, пугала, как статуя Сатаны.

Какого черта я здесь делаю? – думал Оскар.

Он потел сильнее товарищей. Ему нечего делать среди этих бритоголовых атлетов. Этих десантников. Они высокие, сильные, загорелые, им нипочем английский дождь, а он – жирный коротышка.

Что я здесь делаю?

Что я буду делать на этом пляже?

Они сразу меня ухлопают. Я даже не успею укрыться за чьей-нибудь спиной. В такого жирдяя, как я, не промахнется даже самый близорукий фриц.

И все это по вине одного человека.

Оскар Арлингтон на мгновение зажмурился.

Виновата Эмилия Арлингтон, его мать. Это она возжелала, чтобы сын стал героем, и настояла, чтобы он отправился совершать невозможное вместе с другими рейнджерами.

Спасибо, мамуля. Сука проклятая! Идиотка! Я – герой... Ха-ха-ха! Лезть вверх по веревке! Да я с детства боюсь спускаться с верхнего яруса кровати или по лестнице с чердака. До сих пор боюсь. А рядом молодые придурки мечтают о славе и свято верят, что немцы разбегутся, как только увидят десантные катера. Кретины! Мы все сдохнем на пляже, глядя на меловые скалы.

Оскар с сожалением обвел взглядом парней.

Молодые дураки. Если бы вы знали... Я-то знаю, потому что долго беседовал с Тедди Бауром, одним из немногих на этом плавающем гробу, у

кого есть мозги. Он тоже не понимает, зачем тут оказался, но знает, что нас ждет. Тедди бывал во Франции до войны, приезжал писать пейзажи и как свои пять пальцев знает нормандское побережье. Потому его и зачислили в отряд. Тедди не альпинист, а художник. Он часами смотрел на скалы, примеривался к утесам, рисовал Пуэнт-Гийом при разном освещении. Этот меловой пик такой мощный, что ни море, ни ветер, ни другие стихии не смогли его выветрить или хотя бы изъязвить, и людям остался донжон, с которого так удобно наблюдать за природной цитаделью, которой является побережье Нормандии.

Если верить легенде, еще в детстве будущий Вильгельм Завоеватель поднялся на эти скалы и поклялся, что покорит Англию. Тедди сказал Оскару: «Здесь Бастард перевоплотился в Завоевателя, потому утесу дали его имя. У его отца Роберта Великолепного по прозвищу Дьявол был небольшой замок в километре от моря, где Вильгельм проводил много времени. По сей день существует деревня Шато-ле-Дьябль^[4]».

Шато-ле-Дьябль.

Цель номер два после блокгауза на утесе.

Встретимся в Шато-ле-Дьябль.

Ну что же, план понятен. А молодые психи верят, что их ждут райские кущи! Тедди Баур считает задачу невыполнимой – что сверху, что снизу. Меловая стена, длинный, абсолютно открытый пляж, а за ним еще одна, неприступная стена. Мы разобьемся о скалы, как волны прибоя, останется несколько потеков крови, которые смоем следующая высокая волна.

О бетонной стене сержанты сообщили позавчера. Даже Тедди Баур не знал. Немцы возвели ее посреди пляжа уже во время войны.

Решили усложнить дело, думал Оскар, придать ему завершенность. Мало этим садистам шестидесятиметровой отвесной скалы с тобуками^[5] на склонах и казематами на вершине^[6], они не поленились защитить подножие бетоном! Стена мешает подобраться к утесу поближе, чтобы точнее прицелиться из ракетницы для запуска крюков штурмовых «кошек» с канатами, но при этом она ниже дотов, так что укрыться за ней невозможно. А поверху еще и колючая проволока идет, зацепишься – и тебя добьют.

Вот лейтенант Дин, главный садюга среди командиров-янки, объяснил: прежде чем штурмовать, придется подорвать стену.

– Будет бойня, – сквозь зубы процедил Дин. – Настоящая бойня.

Он сделал паузу, чтобы сто восемьдесят восемь десантников – почти

все пошли на войну добровольцами – прочувствовали ситуацию. Люди ждали продолжения, они не поверили в бойню: никто не посылает на убой штурмовую группу десантников. Хотя... история со стеной тоже не шутка. Рейнджеры вслушивались в каждое слово своего командира, надеясь услышать хитрый план нейтрализации немецкой ловушки, который наверняка разработали в штабах. Молчание все длилось, потом Дин закончил:

– Но мы не дадим проклятым немцам уничтожить нас, так, парни? Не попадем в их чертову западню, верно? Мы придумали, как свести к минимуму потери личного состава.

Свести к минимуму потери личного состава.

Попахивает авантюрой, подумал Оскар Арлингтон. И не ошибся.

Командование решило не посылать на убой всех рейнджеров. Разумнее будет отправить лишь некоторых, одного за другим, вдруг кто-нибудь доберется живым и заложит взрывчатку. Стену взорвут, сделают брешь.

Некоторых...

Кого конкретно?

Тех, кому не повезет.

Им всем предстоит тянуть жребий. В каску положат бумажки с номерами от 1 до 188. Тот, кому достанется листок с № 1, пойдет первым, далее по порядку.

– Это самое справедливое решение, – сказал Дин.

Сам он, естественно, в орлянку с судьбой играть не собирался.

Оскар поговорил с Тедди Бауром, и тот заявил, как отрезал: номера с первого по двадцатый уже покойники! Расстояние слишком велико, взрывчатка тяжелая, так что первых тут же подстрелят как кроликов. Придется двигаться короткими перебежками, метр за метром, от трупа к трупу. «Двадцать первых приговорены», – заключил Тедди. Значит, чтобы сохранить надежду выжить, нужно ставить на № 30, а еще лучше – на № 41.

Оскар думал и потел. Чем дольше думал, тем сильнее потел. Он один из ста восьмидесяти восьми несчастных, собравшихся вокруг каски, и ему придется тянуть жребий. Оскар дрожал от ужаса, пытаясь представить, как будет там – на свету, на пляже. «Я в любом случае утону, даже если воды будет по пояс, и на берег не выберусь, так что номер очереди значения не имеет».

Все верно, так почему он не сводит глаз с судьбоносной каски?

Тишина была почти невыносимой. Никто не решался первым шагнуть к табуретке. Каждый думал о своей висящей на ниточке жизни.

Но что делаю тут я, Оскар Арлингтон? Мамаша могла раз двадцать меня перевести, если бы захотела. Она лично знакома с половиной командного состава нашей армии. Ей ничего не стоило найти мне спокойное место в штабе – отвечать на звонки, клеить марки. Да, я был бы уклонистом, но ведь полезным! А она решила, что ее сын должен стать героем, пусть даже мертвым. Престиж семьи важнее всего. Престиж и карьера Эмилии Арлингтон. В Америке наберется не больше десяти женщин-политиков, и одна из них – моя мать.

Гребаная семейка!

Сволочные Арлингтоны! Все, с самого первого, покинувшего Англию, и кончая Эмилией. А я как последний идиот молчал и не протестовал. Испугался и не попросил: мама, я не хочу на фронт, не хочу умирать молодым на чужой войне. Давай немного подождем... Мне не хватает навыков, а в нашей благословенной стране полно парней, которые мечтают повоевать и покрыть себя славой. Ну же, мама, Арлингтоны достаточно трудились и рисковали с 1787-го, пусть теперь другие исполнят свой долг. Нет, Арлингтоны подобных разговоров не ведут! Но чувствуют-то они как все люди, и мать должна понимать все без слов. Мать должна рыдать вослед уходящему сыну – он ведь может не вернуться. Эмилия Арлингтон прекрасно знала, что ее взрослый ребенок не хочет, чтобы ему продырявили шкуру в Нормандии. Да и кто бы захотел? Любая женщина попыталась бы спасти свое дитя, но только не Эмилия, железная леди из Вирджинии, несгибаемая госпожа Арлингтон, любимица американской прессы. Гадина! Наверняка надеется, что я сдохну, как отец, превратившийся в живого мертвеца. Он не вылезал из пижамы, кашлял, отхаркивался и умер в тридцать один год. Мне было шесть. Его убил газ. Иприт, который немцы пустили в 1918 году, постепенно разъедал его внутренности. И убил. Но Эмилии Арлингтон мало одного героя в семье. У нее разыгрался аппетит.

Оскар смотрел на каску, к которой никто так и не осмелился подойти.

Нет, это было бы слишком просто! Я найду выход! Не лягу здесь во имя героического и трагического предназначения Арлингтонов. Твой сын станет героем, мама, но не мертвым. Я еще попользуюсь твоим положением и состоянием, можешь не сомневаться!

Убийственная лотерея стартовала.

Несколько рейнджеров решились: одни были безрассудно отважны, другие до мозга костей суеверны. Первый вытащил № 123 и громко объявил об этом – так родился ритуал.

Человек пятнадцать вытащили из каски бумажки. Оскар не торопился.

Необходимо ждать, ждать, ждать. И не паниковать! На пляже ты превратишься в тупого десантника, но здесь, в стаде бизонов, думай головой, употреби мозги на дело...

Молодому застенчивому официанту из Денвера – Оскар не знал его имени – достался № 3. Парень окаменел. Никто не смел встретиться с ним взглядом, чтобы не увидеть его слез.

Уф, пронесло, подумал Оскар. Пока пронесло.

К каске подошел Барри Монро, самый болтливый и громогласный в команде. Оскар терпеть его не мог – уж больно тот был вульгарен и слишком любил войну. Барри вел себя на катере как туземный царек: считал, что может делать что заблагорассудится, используя свои главные «достоинства» – злобность и склонность к насилию. Война дала Монро невероятный шанс блеснуть – хотя бы раз в жизни. Это уводило его от обыденности, на войне он мстил своему боссу, преподавателям, родителям, а возможно, жене – всем, кто его унижал.

Хуже войны для Оскара была необходимость спать рядом со скотами, которые рыгают, бздят и припиливают к стенам фотографии голых красоток.

Барри Монро вытянул № 5.

Отлично! – возликовал Оскар. Если так пойдет, я, пожалуй, поверю в Бога!

Монро зарычал, глядя в потолок, потом ударил кулаком в стену и заорал. Все опустили глаза, а он разрыдался.

Оскар выжидал. Он решил тянуть жребий в числе последних, цеплялся за безумную надежду, что номера с 1-го по 20-й выйдут раньше. Художнику Тедди Бауру достался № 19.

Он сегодня не заснет, подумал Оскар. Будет прикидывать в голове размеры пляжа и расстояние до стены, рассчитает, сколько метров сможет пройти рейнджер с грузом взрывчатки, умножит на 19. Ему не повезло, так пусть не портит настроение остальным!

Настал черед Лаки Мэрри. Оскар и его не любил. Лаки был амулетом отряда, красивым, неглупым, веселым и заводным. Он напоминал героя Эррола Флинна, потерявшегося в реальной жизни, но продолжающего играть роль под градом пуль^[7]. Холостых... Лаки олицетворял собой идеальную Америку *по версии* миссис Арлингтон. За все это Оскар и не

любил Лаки Мэрри. А еще – за невероятную, легендарную удачливость: ему дьявольски везло во всем, особенно в покере. Он обчистил всех матросов, выиграл полкатора и жребий тянул с улыбкой победителя. № 148! Парень почувствовал неловкость и быстро отошел.

Прохиндей! – озлился Оскар. Это какой-то трюк!

Ирония судьбы – следом за Лаки студент-правовед Бенджамин Йес достал № 1. Он закрыл глаза – наверное, думал о семье, о том, что у него есть от силы два дня, потом рампу десантного катера откинут, и через несколько минут его жизнь закончится. Вот что такое № 1.

Осталась бумажка с № 4, следом по опасности номера с 31-го по 39-й.

Если я не ошибся, не тянули пятнадцать человек. Терпение, еще чуть-чуть терпения, не паникуй и не теряй головы, уговаривал себя Оскар.

Молодой рейнджер вытащил № 121. Следующий – его прозвали Дрочилой – дрожащей рукой взял со дна бумажку. 69! Все заржали.

Может, лучше остаться лежать мертвым на пляже, чем терпеть этих вонючих тупиц до самого Парижа... Чтоб вы все сдохли, завтра или послезавтра! Сколько их осталось? Двенадцать? Меньше? А номер 4 до сих пор не вышел!

У Оскара было все больше шансов стать Четвертым.

Этого я не знаю наверняка, подумал он, глядя, как очередной рейнджер с обреченным видом разворачивает бумажку. Ну же, приятель, постарайся, пусть это будет четверка!

98.

Ублюдок! Один шанс из одиннадцати.

Следующий... Давай, Джонни, порадууй Оскара.

59.

Дерьмо! Один шанс из десяти. Оскар понял: пора. Сейчас идеальный момент. Он не мог шевельнуться.

Ну давай же, остались только тусы вроде тебя. Вперед!

Тело Оскара отказывалось повиноваться.

Тощий сгорбленный парень взял бумажку. Таким вечно не везет. У него будет четверка. № 4. Он приговорен.

Господь милосердный, клянусь святым семейством Арлингтонов, что больше никогда не буду думать в храме о разных гнусностях!

«Приговоренному» достался № 113 – к его собственному изумлению.

Дьявольщина, один шанс из девяти.

Оскар потащился к каске, чувствуя спиной взгляды солдат. Его не любили – за то, что был другим, за мать, богатство, спесь, презрение к остальным и нежелание умирать в Нормандии.

Он коснулся пальцами холодной стали, взял бумажку, заколебался, бросил ее, достал другую.

Развернул.

№ 4.

3

Дезертир в деревне

6 июня 1944

Шато-ле-Дьябль, Омаха-Бич

Весь день 6 июня 1944 года Лизон Мюнье и ее родители укрывались от бомбежки в подвале маленького каменного дома, стоящего в самом центре Шато-ле-Дьябль. Девушке казалось, что она вернулась в детство, когда в дождливое воскресенье все дети играли на улице, а ей не разрешали выходить за дверь. Вечером самолеты улетели, взрывы прекратились, словно гроза отгремела и отправилась пугать других. Мюнье первыми выбрались во двор, чтобы взглянуть на небо.

– Нужно поискать раненых американцев! – с трудом сдерживая возбуждение, сказала Лизон.

– О чем ты?

– От нас до пляжа всего пятьсот метров, мы не можем просто сидеть и ждать. Пошли!

– Не горячись, девочка, янки своих не бросают. Они заберут раненых и отправят в госпиталь.

– Да неужели?! У них только и забот, что проверять под огнем, кто жив, а кто нет! О раненых должны позаботиться гражданские!

Отец Лизон пожал плечами, мать промолчала, не желая вмешиваться.

Девушка ничего другого и не ждала и, не говоря ни слова, оседлала велосипед.

Двадцатилетняя Лизон была красива и знала это. Девушка мчалась к скалам, встречный ветер раздувал подол простенького платья, и она чувствовала себя героиней романа. Случай превратил их дыру, Шато-ле-Дьябль, в место, где решаются судьбы человечества. Герои-освободители высадились на берег в двух шагах от ее дома, и она ни за что не упустит шанс поучаствовать в великих событиях.

– Вернись немедленно, Лизон! – закричал отец в спину дочери, осознав

серьезность ее намерений. – Там мины! Слышишь меня, я запрещаю! Мы не для того пережили пять лет войны, чтобы ты погибла в день освобождения!

Лизон резко затормозила.

Велосипед упал в грязь, забрызгав ее сказочный наряд – простое платье из грубого полотна. Слова отца подействовали как оплеуха. Никакая она не принцесса и не романтическая героиня. Ее отец – Жан Мюнье, простой каменщик, настолько трусливый, что не только не примкнул к Сопротивлению, но даже в коллаборационисты не подался. Лизон почти ненавидела отца и клялась, что ее жизнь будет совсем другой.

Она подняла велосипед, обернулась и крикнула:

– Ты мне отвратителен! Американцы приплыли умереть за тебя... эти солдаты – мои ровесники, мы им тысячу лет не нужны, они знают, что почти наверняка не выживут, но карабкаются наверх, лезут и лезут. А люди отсиживаются в погребах, не бегут подбирать раненых. Прости, я так не могу!

– Лизон!

Девушка села на велосипед и уехала, Мюнье посмотрел на жену, рассчитывая на помощь и сочувствие, но она ответила негодующим взглядом.

Яблоко от яблони.

Жан Мюнье схватил свой велосипед и поехал догонять дочь, кляня обеих женщин.

Жители деревни сокрушенно качали головами, мадам Мюнье горделиво смотрела вслед мужу и дочери, те мчались к скалам, и люди удивлялись: «Каков наш Жан, не поджал хвост, не прячется за женскую юбку, молодец! Да и то – подвиги совершают в исключительных обстоятельствах, когда рушится мир. Герои сбрасывают маски обывателей и спасают человечество...»

Каменщик между тем никак не мог догнать Лизон и клял про себя «чертовы ланды и чертову дорогу», не предполагая, что незапланированный подвиг обеспечит ему славу местного героя. Через несколько лет он станет членом муниципального совета Шато-ле-Дьябль, а с 1958-го по 1977-й будет мэром. На кантональный уровень ему помешают выйти настоящие участники Сопротивления.

Лизон объезжала воронки, глядя вперед, туда, где на песке валялись каски. Американские каски. И пять тел. Господи, один шевельнулся. Неужели показалось? Нет, это не ветер и не воображение разыгралось!

Придавленный труппами четырех товарищей, пятый солдат вздрагивал и... хрипло дышал!

Окажись Лизон и американский десантник совершенно разными людьми, даже будь один из них кошмарным уродом, они были обречены на любовь. Обстоятельства предопределили будущее.

Лизон осторожно напоила рейнджера, обтерла ему лицо, он открыл голубые глаза и улыбнулся.

Парень в эту минуту уверовал в чудеса. Он умирал в вонючей воронке, и его спас ангел. Любовь вспыхнула с первого взгляда.

Отдуваясь, Жан Мюнье соскочил с велосипеда, и они с Лизон потащили раненного в спину солдата к себе домой – нужно было поскорее остановить кровотечение.

Днем из соседнего городка приехал доктор, прооперировал рейнджера, сказал, что ему необходим покой, и велел связаться с американцами: в пятнадцати километрах от Шато-ле-Дьябль, в Кальвиле, янки разместили полевой госпиталь. Лизон согласно кивала – и ничего не сделала. Оставила *своего* солдата при себе, а он и не думал возражать.

Довольно скоро рейнджер назвал спасителям свое имя – Алан Ву, рассказал, что родных у него нет и оплакивать его на родине некому. Сослуживцы наверняка сочли его погибшим, а сам он больше не хочет воевать. Забинтованный Алан напоминал мумию и был прикован к постели в маленьком доме в нормандской деревушке. Днем и ночью за ним ухаживала юная красавица, так что причин дезертировать оказалось более чем достаточно. Алан Ву остался в деревне.

После войны он занимался чем придется: таскал камни, рубил деревья, строил дома. Алан был не только крепким, но и сообразительным парнем, французский выучил быстро (как и Лизон английский) и скоро стал в деревне своим.

4

И мел снова становится скалой

19 ноября 1944

Нормандия

Сидя в автобусе, неторопливо катившем из Кана в Шато-ле-Дьябль, Алиса читала про себя стихотворение Жака Превера, написанное во время войны. Мисс Порси прочла его в классе и велела выучить наизусть. Оно было о птице-лире и скале. Алиса никогда не слышала ни об этом поэте, ни о лирохвосте, но стихотворение ей понравилось.

*...А птица-лира играет,
а ученик все поет,
а учитель горло свое дерет:
«Прекратите сейчас же дурачиться!»
Однако почти все дети
слушают музыку птицы,
и рушатся стены класса.
В песок превращаются окон стекла,
а парты – снова в деревья,
чернила водой становятся,
мел – снова скалой прибрежной.
А школьная ручка с пером
становится птицей, как прежде^[8].*

Она закрыла глаза, чтобы отгородиться от пейзажа за окном и разбитой дороги, не гадать, что ее ждет за полем, и думать только о стихотворении...

*В песок превращаются окон стекла,
а парты – снова в деревья,
чернила водой становятся,
мел – снова скалой прибрежной.
А школьная ручка с пером
становится птицей, как прежде.*

– Повторите! – говорила учительница. – Пока не появится птица-лира...
Повторяйте за мной!

Алиса еще крепче зажмурилась и перенеслась мыслями в

Вашингтонскую школу, в кабинет с белыми стенами, к одноклассницам и улыбчивой мисс Порси.

– Повторите!

*«Повторите!» – говорит учитель.
Два плюс два – четыре,
четыре и четыре – восемь,
восемь и восемь дают шестнадцать.
Но вот птица-лира
пролетает по синему небу.
Видит ее малыш,
слышит ее малыш,
и мальчик ее зовет:
«Спаси меня,
поиграй со мной, птица!»*

– Повторите!

Алиса повторяла. Повторяла про себя в пятнадцатый раз, строки давно отложились в памяти и не мешали думать о другом. Например, о разбитой нормандской дороге. Алиса сидела «на колесе», через два ряда от водителя. Место она не выбирала – не подумала, что будет так сильно трясти на ухабах и у нее разболится спина. Франция... Нормандия... Импрессионисты... Свет, травы, цветы, море, ветер смешивает краски, зеленый цвет сливается с желтым и синим. Она прекрасно знает все это по пейзажам, висящим в вашингтонской Национальной галерее искусства. Пастельная Нормандия – гармония изумрудных полей, белых парусов, желтых соломенных шляпок и кружев.

Автобус подпрыгнул на очередном камне. До Шато-ле-Дьябль оставалось полчаса пути. Алисе хотелось думать об Америке, о своей деревне Личфилд, о прежних временах и Лаки. Живом Лаки. Нужно закрыть глаза, не смотреть на жуткие дымящиеся развалины и представлять хижину, пруд, одинокий тополь и родную деревню.

Алиса оказалась в Огайо, когда ей исполнилось пятнадцать, она вытянула билет в ад – худший, чем сиротский дом, где она росла. Алиса работала в бакалейной лавке, ночевала на крошечном чердаке и смертельно, до слез, скучала по своему приюту. А потом появился Лаки Мэрри и все изменилось. Они были ровесниками.

Сначала она наблюдала, как он носится по единственной улице Личфилда и весело хохочет. Не паренек – торнадо! Лаки улыбался

девушке, та влюблялась, а он исчезал, как Чеширский кот, словно его и не было. И конечно, он неизбежно обратил внимание на единственную в деревне чужачку и... пропал. Любимец деревни, капитан бейсбольной команды влюбился в девушку из чужой страны. Пошли разговоры. Но жители Личфилда были людьми незлыми, без повода никого не гнобили, а Алиса, душечка и сирота, работала не покладая рук и никогда не жаловалась. Девочка перебралась в дом родителей Лаки, те приняли ее как родную, она снова пошла учиться, много занималась французским. Личфилд оказался не каторгой, а деревней фей, родиной Белоснежки – без гномов, но с прекрасным принцем.

То было чудесное время. Красавица Алиса умела корчить жуткие гримасы, чем очень веселила всех вокруг, а Лаки восхищалась ее красотой. Она не теряла привлекательности ни в лавке, ни на пыльной улице, ни на беговой дорожке стадиона, в промокшей от пота футболке. Даже строя рожи, Алиса оставалась красивой в глазах Лаки.

Глаза Лаки...

Автобус трясло все сильнее, и водитель сбросил скорость. Алиса нахмурилась. Лаки вечно говорил: «До чего же ты хороша!» – а теперь его нет. Она больше никогда не будет красивой и ни одной рожи не состроит. Незачем. Без него она станет невидимкой.

Они что, никогда не доедут? Так и будут тащиться черепашьям ходом? В памяти Алисы яркими вспышками мелькали картины жизни в деревне: вот она танцует на балу по случаю Четвертого июля, а вот подпрыгивает, вскидывает руки, кричит, подбадривая Лаки, и он снова приносит команде победу. В 1941-м вся деревня несет его на руках после завоевания бейсбольного кубка. Алиса очень гордилась, что всеобщий кумир любит только ее. Герой маленькой деревни в штате Огайо. Главный человек в ее мире.

Автобус остановился, и Алиса открыла глаза. По ступенькам поднялась толстая краснолицая женщина. Она пыхтела, тяжело отдувалась и с трудом уместилась на сиденье за спиной водителя. Платье в цветах было не первой свежести, простые чулки обтягивали отечные ноги.

Алиса почувствовала раздражение. Что, это и есть Франция?

Неужели все ее любимые авторы эпохи Просвещения – Золя, Гюго, Мопассан и Флобер, – так увлекательно писавшие о нормандах, сознательно умалчивали о жалких слезливых старухах и тоскливых деревнях, населенных уродливыми крестьянами? Это их хотели освободить молодые американцы?

Не смей так думать, сказала себе Алиса, не смей... Да, от этой фермерши воняет навозом, как от личфилдских коров. Нервная, дерганая, говорит не закрывая рта, переругивается с водителем. Нужно отстраниться, думать о своем. Лаки не мог погибнуть! Ему всегда все удавалось, он был настоящим счастливым, любимцем фортуны.

– Высадишь меня в Де-Жюмо, – крикнула нормандка водителю. – Будь она проклята, эта дорога!

Корова, думала Алиса, эта фермерша – корова. Куда подевались девушки в длинных платьях с кружевными зонтиками, любившие завтракать на траве и купаться нагишом?

Когда парни Личфилда уплыли в Англию, чтобы участвовать в высадке на побережье Нормандии, девушки горько плакали. Все – кроме Алисы.

– Говорят, они и в Кальвиле размялись?

Лаки тоже не плакал, прощаясь с Алисой, он знал, что неуязвим. И Алиса знала: Лаки не такой, как все, и разлуки не будет.

Они молоды и любят друг друга! Что им война? Далекая война на другом континенте... Невозможно представить Лаки мертвым.

Они расстались, но Лаки не сомневался, что вернется, и Алиса была спокойна.

– Де-Жюмо тоже досталось! И не только от бошей.

Алиса заткнула уши.

В Нормандии не погибают!

Заткнуть уши, закрыть глаза, чтобы не видеть эту – реальную – Нормандию и помнить только живописные изображения домов старого Онфлера, Руанского собора на закате и скал Этрета.

– Скажи-ка, Марго, вас и правда разбомбили? – спросил водитель.

– Чистая правда, – ответила фермерша. – От деревни почти ничего не осталось. Жандармы сказали, что разрушено девяносто девять процентов! Уж и не знаю, как они считали, лично я оставшегося одного процента что-то не замечаю. Разве что подвалы да колодцы... Семнадцать человек убило. На войне это, может, и не великие потери, а вот для деревни, где всего сто тридцать жителей, очень даже много! Я живу одна и никого не потеряла. Только собаку... Врать не стану – горюю по ней ужасно, но другим тяжелее моего. Англичане не церемонятся.

В Нормандии не умирают, убеждала себя Алиса. Не слушай других, думай о Лаки как о живом!

– Уверена, что это сделали англичане?

– Еще бы! Мы успели разглядеть, когда бежали прятаться, а жандармы

потом все разъяснили. Держись крепче за руль, Реми. Знаешь, зачем они сбросили бомбы?

– Конечно. Из-за бошей. Чтобы уничтожить их. С самолета целиться трудно, вот тебе и сопутствующие потери, чего уж там.

– Чушь! В деревне не было ни боша, ни полбоша, и англичане это точно знали, но... сровняли деревню с землей, чтобы перекрыть немцам дорогу.

– Перекрыть дорогу?

– Вот именно! Из обломков наших домов вышла отличная баррикада.

Господи, когда же они заткнутся? Алиса никак не могла сосредоточиться. Нечего выставлять свои беды напоказ. Настоящая печаль прячется от людей. Печаль заразна!

– Они хотели превратить наши фермы в заслон, – продолжала Марго. – Отрезать Изиньи от Кана. Немцы из гарнизона в Изиньи не должны были успеть на пляж к моменту высадки десанта. Поэтому Де-Жюмо забросали бомбами.

– Да бошей в Изиньи уже не было, они ушли третьего июня, – возразил водитель.

– Ну-у...

– Хочешь сказать, англичане кидали бомбы, чтобы не пропустить бошей, которые ушли за два дня до того? Проклятье! Выходит, все умерли ни за что? Папаша Дюваль... Леонар де Корневиль и его малыш... Сестры Карруж... Семнадцать погибших... И все зазря?!

В автобусе стало совсем тихо, только двигатель урчал да погромыхивал ржавый кузов. Алиса так и не смогла сосредоточиться на воспоминаниях.

Она вслушивалась в тишину.

Реми яростно погудел трем курицам, они неторопливо переходили через дорогу, равнодушные к человеческим несчастьям.

– Вот ведь ужас. – Водитель покачал головой. – И вы все равно устроили англичанам торжественную встречу?

– А как же. Война, она война и есть... Паренек, который шел на приступ наших скал, не бросал на нас бомбы. Да и тот, что сидел в кабине самолета, выполнял приказ командира, укрывшегося в бункере посреди Лондона... На большом столе перед ним разложена большая карта Нормандии с маленькой черной точкой – деревней Де-Жюмо. Посмотрел он на нее и подумал: «Сбросим-ка мы бомбы вот сюда и задержим бошей!» Он сделал свою работу. Даже немцы и те выполняли приказы, их солдатики тоже люди подневольные. Во время войны все верят, что поступают правильно. Такая вот дурость.

Алисе расхотелось закрывать глаза. Нормандка вдруг перестала вонять.

Обе они – одинокие женщины среди мужчин, играющих в героев. А фермы с пасущимися на полях безучастными коровами ничем не отличаются от Личфилда. Центр земли для их обитателей. Крошечные черные точки на огромной карте для всех остальных.

Алиса думала о письме, которое три месяца назад получили родители Лаки: «Ваш сын пал смертью храбрых в Нормандии, пойдя на приступ Пуэнт-Гийома...» Алиса отказалась поверить в смерть Лаки.

Только не он!

В Нормандии никто не умирает. Тем более Лаки! Как только представилась возможность, Алиса отправилась во Францию, чтобы найти Лаки. Его родители оплатили дорогу. «Поезжай, девочка, и привези нам хорошие новости!»

Она смотрела в окно и видела только одно. Торжество смерти.

Автобус въехал в Де-Жюмо. Деревня лежала в развалинах, на немногих уцелевших домах не было крыш.

Марго вышла на «остановке», обозначенной картонкой на палке. Вдалеке угадывались темные согбенные силуэты с тележками и тачками: люди разбирали завалы, растаскивали камни.

Водитель обернулся к Алисе:

– Здесь была церковная площадь. Сам-то я редко ходил в мессе, но деревня без церкви... Нет, так не годится!

– Люди построят новую, современную, – попыталась утешить его Алиса.

– Скажете тоже – современную! Настоящая церковь должна быть старинной, старше всех домов. А новая – так, вроде безделушки на камине. Церковь – она как родовая память, передается от поколения к поколению. И новая, которую собираются построить, станет вечным укором, напоминанием о случившемся, памятником павшим.

Автобус тронулся с места. До моря оставалось несколько километров. Разъезженная дорога шла через ланды, заросшие дикими травами. В конце ее Реми и высадил Алису.

– Приехали, мисс. Желаю удачи.

Шато-ле-Дьябль оказалась местечком на двадцать домов, стоящих вокруг перекрестка. Напротив остановки находилось маленькое кафе с громким названием «Завоеватель». Цветы на окнах, занавески в красную клетку – веселый контрапункт в пейзаже цвета пыли. Все остальное выглядело тоскливым и пустынным. Оно и понятно – восемь утра.

Из подъехавшего джипа вылез американский офицер:

– Вы Алиса?

Его настойчивый взгляд она наивно приняла за солдатскую прямоту.

– Да.

– Я лейтенант Дин, командир отряда рейнджеров, штурмовавших Пуэнт-Гийом. Соболезную насчет Лаки, понимаю и одобряю ваш приезд. Сидя дома, ничего не поймешь. Если хотите, я отвезу вас на пляж, где разворачивались события.

Алиса села в машину.

– Я... не могу поверить в смерть Лаки... – После секундной паузы она произнесла «не могу» вместо «не могла».

Лейтенант кивнул:

– Конечно... Понимаю. Я недолго общался с Лаки, но успел понять его характер. Он был как ребенок и никак не мог погибнуть на войне. Жестокие игры не для таких людей. Мне очень жаль, мадемуазель, но Лаки мертв, его убили одним из первых. Товарищи оплакали геройскую гибель вашего жениха.

Лейтенант припарковал джип на земляной площадке, они обошли блокгауз и оказались на крутом шестидесятиметровом утесе. Внизу лежал бесконечный пляж, серый и грязный. Начался отлив. Похожие на зеленых букашек военные занимались разминированием, растаскивали тонны ставших ненужными железяк.

Ну почему так случилось, что солдатам пришлось штурмовать стену? – горестно размышляла Алиса. Пляж казался бескрайним, скалы – запредельно высокими. Сколько людей отдали жизнь за проклятый блокгауз? Где взять мужество, чтобы подняться и рвануть вперед, молясь об одном: пусть вражеский солдат целится в другого?

Здесь она поверила в смерть Лаки, ощутила ее внутри себя. Удача отвернулась от своего любимца.

– Лаки всегда везло, лейтенант. В Личфилде – это наша деревня – он был героем, ему все удавалось. И...

– И этот весельчак приплыл в Нормандию, чтобы умереть рядом с тысячами других молодых американцев, счастливых и везунчиков. Война не выбирает! – закончил за нее лейтенант.

– Рядом с тысячами других... – повторила Алиса.

Они помолчали. Дин искал слова утешения. И нашел:

– Надеюсь, вам станет легче, если я скажу, что Лаки был всеобщим любимцем.

Заметив, что девушка удивилась, он пояснил:

– Вы единственная, скажу мягче – первая подруга погибшего рейнджера, приехавшая сюда. Родители нескольких парней были в этом месяце, невест – ни одной. Лаки и впрямь повезло.

– Можно мне побыть тут немного?

– Конечно. Спуститесь на пляж, если хотите, но будьте осторожны, не сходите с тропинки. Вокруг полно мин.

Лейтенант Дин смотрел вслед Алисе. Он, конечно, необъективен, все-таки полтора года в исключительно мужской компании, но Алиса Куин – настоящая красавица. Дин видел ее изящный силуэт на фоне вересковых зарослей, вспоминал большие голубые глаза и изящный изгиб бровей, таких тонких, как будто их сначала выщипали, а потом нарисовали карандашом.

Алиса спускалась по выбитым в скале ступеням, и лейтенант любовался ее длинными золотистыми волосами, пока она не скрылась из виду.

Лаки мертв. Погиб как герой. Его память будут чтить, но разве это имеет значение?

Алиса долго ходила по пляжу, разговаривала с военными и смотрела по сторонам, чтобы сохранить увиденное в навечно окаменевшем сердце. У меловой стены ей вспомнились строки Превера:

*В песок превращаются окон стекла —
а парты – снова в деревья,
чернила водой становятся,
мел – снова скалой прибрежной.*

Она придумала продолжение:

*И плоть в песок превращается —
а кровь становится морем...*

Природа вечна, она сильнее всех и всегда берет свое. Солдаты расчистят пляж, море сотрет следы, напоминающие о бойне, как мел с грифельной доски. Дети снова будут играть на солнце, купаться, бегать среди разноцветных зонтиков и весело смеяться. Когда люди простят себя и друг друга (они всегда прощают – самое ужасное, что только так можно забыть), на пляже зазвучат разные языки и отец немецкого семейства с улыбкой отпасует мяч молодому американцу.

Вода прибывала. Нет, ни о какой удаче и речи тут не шло. Лаки погиб, а волны уничтожили все следы. В 12:45 Алиса вернулась в Шато-ле-Дьябль.

Автобус опаздывал. Рядом с остановкой шумно дышала дряхлая лошадь, запряженная в тележку-развалюху, груженную узкими деревянными брусками. Хозяин, усатый нормандец, поглаживал животное по гриве, искоса поглядывая на незнакомую девушку.

Жизнь в Нормандии продолжается, думала Алиса. Все наладится, появятся новые дома за белыми заборами, вырастут сады.

Солнце робко касалось лучами хрупкого квадрата голубого неба. На другой стороне дороги веселая темноволосая девушка отмывала пыльные окна кафе «Завоеватель».

Ее звали Лизон Мюнье. Аппетитное тело, сильные руки и ноги, миткалевая красная клетчатая юбка (шторы в заведении были из того же материала). Прошло десять минут. Автобуса все не было, и хозяин повозки ушел в кафе. Лизон обернулась, и Алиса увидела, что она очень хороша собой, похожа на румяную куклу с огромными светлыми глазами. Ее победная красота бросала вызов хаосу, утверждала торжество жизни над смертью. Лизон улыбнулась Алисе, та ответила грустным взглядом. Мадонна нормандских развалин сразу все поняла и смутилась.

Американка... Приехала в Шато-ле-Дьябль, чтобы почтить память любимого человека.

Подошедший автобус отвлек молодую нормандку от печальных мыслей, отгородив ее от безысходной стороны улицы. Алиса поднялась в салон, но водитель, не Реми, не тронулся с места, он ждал усача-лошадника. Тот прибежал, и они начали грузить бруски на багажник.

На пороге «Завоевателя» появился Алан Ву. Он слегка прихрамывал, загипсованная левая рука висела на перевязи из шарфа, пол-лица скрывали бинты. Алиса не могла отвести глаз от покалеченного нормандца. Надо же, какая у парня выправка! Он похож на американского солдата. Или канадского. Да нет, показалось. Здоровой рукой Алан обнял Лизон за талию.

Прекрати! – прикрикнула на себя Алиса. Некоторые французы, в том числе нормандцы, тоже воевали, но остались живы и вернулись к любимым женам!

Она отвернулась, чтобы не захлебнуться злостью. Водитель автобуса и усатый мужичок заканчивали разговор.

– Выгрузишь в Кальвиле. Америкашки сообразят, как и что. Там у меня на каждом бруске есть метки – всего и делов-то, что пару гвоздей вколотить.

– Богатейший тебе достался заказ, – сказал водитель. – Тут заготовок на сотню крестов, не меньше.

– Да это так, на пробу, – ответил столяр. – Понравится моя работа, буду делать тридцать тысяч!

– Сколько?!

– Тридцать тысяч одинаковых крестов! Чертовская удача, так что уж будь поаккуратней.

– Не бойся, доставлю в лучшем виде...

Двери автобуса закрылись.

Тридцать тысяч крестов, ужаснулась Алиса. Ее Лаки был одним из деревянных крестов...

Она обернулась, чтобы в последний раз посмотреть на Шато-ле-Дьябль, и встретила взглядом с раненым нормандцем. Он глядел так, словно пытался что-то вспомнить, надеялся узнать ее. Это смутило Алису сильнее, чем любовь этой пары. На ее счастье, автобус наконец тронулся с места.

Из-под задних колес летела пыль. Она не заметила, что мужчина, тяжело припадая на одну ногу, бежит следом и отчаянно машет рукой. Водитель его тоже не видел, автобус продолжил свой путь в Кан через Кальвиль.

На колдобинах и в ямах плохо закрепленные бруски летели на землю, десятки заготовок усеяли дорогу, которую союзники окрестили дорогой Свободы.

Метров через сто американец выдохся, тяжело закашлялся и остановился. Он наконец понял, почему грустное лицо девушки из автобуса показалось ему знакомым. Но поздно. Он упустил ее.

Упустил.

– Алан! Алан! Кто это? – крикнула Лизон с порога «Завоевателя».

– Никто, я ошибся...

– Она американка, точно тебе говорю! Вы знакомы? Ты ее узнал?

– Да нет же, показалось...

– Она славная, – не успокаивалась Лизон. – Грустная, но красивая. Скажи мне, кто она, Алан?

– Я принял ее за жену друга. Или невесту. Товарища по отряду. Почудилось, но я не уверен – видел только на фотографии, так что... Возможно, это не она... Точно не она!

– Что за товарищ? Как его зовут?

– Он погиб. За нее!

Лизон и Алан еще долго стояли на улице перед кафе, а автобус с Алисой ехал в Кан.

– Так как его звали? – настаивала Лизон.

– Ты его не знала, – ответил Алан. – Перед самой высадкой он показал мне снимок.

– И ты запомнил? Ничего удивительного, такая красавица.

– Думаю, я ошибся. Теперь это не имеет значения.

Он пожал плечами, судорожно ища другую тему для разговора, но Лизон и не собиралась сдаваться.

– Ты впервые проявляешь такой интерес к человеку из прошлого. Поклянись, что она ничего для тебя не значит.

– Клянусь! Прошлое осталось в прошлом.

– А ее жених?

– Он тоже.

– Я ничего о тебе не знаю, только имя. Расскажи об этом друге, ну пожалуйста...

– Он погиб!

– Ты не должен оставаться один на один с военными кошмарами! Как звали твоего друга?

Алан сдался.

– Лаки. Его звали Лаки. Он был моим лучшим, нет – единственным другом на десантном катере.

– И дальше?..

– Лаки был самым безумным парнем из всех, кого я встречал. Ему всегда и во всем везло. Он всех ребят ободрал как липку в покер.

– Ага, ты играл в покер! – наигранно возмутилась Лизон.

– Лаки был для нас образцом во всем. Его девушку мы видели только на фотографии, но каждый мечтал заполучить такую же.

Лизон покачала головой.

– Я тоже – до встречи с тобой, – поспешил исправиться Алан. – У Лаки был договор с Богом и персональный ангел-хранитель.

– Ангел? – Лизон пожалала плечами. – Ну, значит, ангел погиб под обстрелом до шестого июня! Умереть на пляже, какое уж тут везение? – Она обвила шею Алана руками. – Ты вдесятеро везучей Лаки, любимый... потому что остался жив! И женщина твоя намного красивее, разве нет?

Алан не ответил, и Лизон скорчила недовольную гримаску.

– Лаки всегда держал судьбу в узде. Он сам выбрал свою смерть. – Алан помолчал. – Даже ангел-хранитель не может помешать человеку

продать душу дьяволу.

– О чем ты?

– Это мужские дела, Лизон. Американские истории. Прошлое... Лучше тебе ничего о них не знать.

– Но я хочу! Я должна!

Лизон так и не узнала. Алан умел хранить секреты.

5

В Сидней или куда угодно...

20 ноября 1944

Аэропорт Ле Бурже, Париж

Из Кана в Париж Алиса добралась поездом и на вокзале взяла такси до аэропорта. Самолет вылетал в 18:59. Она обвела рассеянным взглядом зал ожидания, думая о Нью-Йорке.

Нью-Йорк без Лаки.

Личфилд без Лаки.

Но с его родителями, друзьями и близкими, десятками сочувствующих, готовых утешать, задавать вопросы, приставать с советами, заставлять быть счастливой через силу. Нет, жители Личфилда не бросят на произвол судьбы молодую вдову, не такие они люди.

А ей – вот ведь беда – хотелось забиться в угол и не думать. Не изображать по заказу веселость или грусть. Она хотела стать невидимкой.

Нью-Йорк, 18:59.

Единственный рейс. Аэропорт только-только начал возвращаться к гражданской жизни.

Лондон, 17:13.

Стокгольм, 19:24.

Сидней, через Лондон, 17:13.

Стать невидимкой.

Алиса посмотрела на табло и как сомнамбула побрела к кассе. В Сидней или куда угодно...

Какая, в конце концов, разница? Нужно просто уехать подальше от всего и от всех, пока не утихнет боль.

Навсегда, подумала она.

На деле вышло иначе.

6

Секрет Алана

*Декабрь 1944 – январь 1964
Шато-ле-Дьябль, Нормандия*

В 1945 году дядя Лизон, Виктор Мюнье, хозяин бара «Завоеватель», уехал в Прованс, на родину жены, которая за много лет так и не привыкла к соленым шуткам нормандцев. Между последним стаканчиком кальвадоса и первой рюмкой пастиса Виктор предложил племяннице принять бразды правления, и она согласилась. И скоро «Завоеватель» стал одним из популярнейших заведений кантона: посетителей радушно встречал американец и с улыбкой обслуживала Лизон.

Кстати сказать, многих американец интересовал больше красавицы.

Каждому хотелось посмотреть, как Алан разливает белое вино и кальвадос, послушать, как говорит на местном наречии, веселя крестьян и разбивая сердца девушкам под бдительным присмотром Лизон. Об Алане говорили «наш американец», а близкие друзья в шутку называли его «дезертиром».

Завсегдатаи бара любили этого надежного, слегка застенчивого, улыбчивого верзилу и гордились, что он остался с ними, очарованный первой красавицей Шато-ле-Дьябль. В некоторых нормандских деревнях был военный музей или кладбище, памятник или новая церковь. А в Шато-ле-Дьябль – собственный американец!

Лизон и мечтать не могла о таком счастье. Юная легкомысленная девчонка, бродившая по ландам, превратилась в прелестную женщину, жизнерадостную, но благоразумную. Ей было хорошо, ничто не омрачало ее отношений с Аланом, разве что два-три маленьких облачка на бескрайнем голубом небе.

Единственным камнем преткновения был вопрос о ребенке. Лизон настаивала, Алан не сдавался.

– Каждые двадцать лет случается война, – говорил он. – Я не хочу заводить малыша и растить его до совершеннолетия, чтобы он потом оказался в каком-нибудь незнакомом краю и стал там убийцей... или трупом. Или тем и другим одновременно.

На все возражения Лизон Алан отвечал:

– Ты не поймешь, тебя не призывали в армию, не сажали на десантный катер, не выбрасывали в шторм на побережье чужой страны. Ты не бежала под пулями по пляжу и не стреляла в ровесников только потому, что они говорят на другом языке.

Крыть такие аргументы было нечем, но Лизон не теряла надежду, что Алан со временем передумает. Они молоды, так что успеется.

Лизон ошиблась – Алан продолжал упорствовать. Она недоумевала: он ведь любит детей, ловко обращается с чужими – а своих не хочет? Может, есть какая-то причина – американская, с довоенных времен?

Алан не любил вспоминать прошлое. В самом начале их отношений он сказал Лизон, что дома у него не осталось ни родных, ни друзей, и ей пришлось довольствоваться этим, хотя в голове гвоздем засел неприятный вопрос: что, если Алан Ву – ненастоящее имя? Вдруг у него есть семья в Америке? Жена? Дети? Это бы все объяснило... Лизон гнала подозрения прочь – в конце концов, это лишь крошечная туча на ярко-синем небосклоне ее счастья.

Впрочем, было и кое-что еще – письма.

Алан регулярно получал из Америки письма в надушенных конвертах, надписанные одним и тем же женским почерком. Он садился сочинять ответ подальше от Лизон и всегда сам относил письмо на почту. Сначала она дулась, любопытничала, изображала ревнивую досаду, но Алан отвечал всегда одно и то же:

– Ничего интересного тут нет, уверяю тебя!

Через несколько лет Лизон сдалась и перестала задавать вопросы, но, когда приходило очередное письмо из Америки, не могла не думать о плохом.

В январе 1964 года все нормандское побережье готовилось отмечать двадцатилетие высадки союзников. А в Шато-ле-Дьябль решили устроить праздник в честь юбилея встречи Лизон и Алана. Они так и не поженились из-за проблем с его гражданским статусом.

10 января, обычным зимним утром, Алан вышел на кухню, и вид у него был странный. Он не спал всю ночь – впервые после 1945 года, когда его мучили кошмары. Накануне они провели вечер с друзьями. Пришли Шавантре, кузен Лизон; ее детский воздыхатель Тетрион; Поль Тесье, которого все называли Учителем, хотя никто не знал, работал ли он когда-нибудь в школе; Фернан Приер, архивист из Кана. Все веселились, вспоминали юные годы, и бар закрыли позже обычного.

Алан и Лизон сидели за столиком в холодной кухне, она смотрела на любимого и предчувствовала дурное.

– Я должен вернуться в Штаты, – мягко сказал он.

Она молчала.

– Ненадолго. Улажу одно дело и вернусь.

В последнее время Алан не получал писем, его никто не навещал, так почему он выглядит столь потрясенным?

– Что случилось? – спросила Лизон.

– Прости, милая, не могу сказать. Тебе лучше ничего не знать.

Двадцать лет Лизон мучил страх, что Алан однажды заскучает, покинет ее и вернется на родину, к прежним привязанностям. Поэтому она так боялась писем из Штатов. Но зачем уезжать сейчас?

Он решил, что двух десятков лет изгнания более чем достаточно?

– Устал от Франции?! – взорвалась Лизон. – И от маленькой француженки? Решил, если не сможешь сейчас, потом будет поздно, придется доживать свой век на чужбине?

– Нет, Лизон, клянусь, ты ошибаешься! – Алан изо всех сил пытался сохранять спокойствие.

– Дело в женщине? Той, что пишет тебе? Она твоя любовница? Твоя невеста? – Лизон задохнулась от негодования и замолчала. – Или жена? Может, у тебя и ребенок есть?

– Нет, Лизон.

– Тогда объясни, почему ты решил уехать именно сейчас? Расскажи наконец, от кого эти письма!

– Успокойся, Лизон, я вернусь через несколько недель.

– Возьми меня с собой!

– Не могу, я должен поехать один.

– Америка далеко...

– Но время пролетит быстро.

Бушевавшая в душе Лизон гроза сменилась мелким печальным дождиком, какой часто подолгу идет в Нормандии.

– Я буду ждать тебя, Алан, – сказала она, – вернешься ты или нет. Мне все равно, есть у тебя другая женщина или нет, я не перестану ждать. Никогда.

– Верь мне, очень тебя прошу. Да, я еду из-за женщины – той, что писала мне двадцать лет. Но не потому что люблю ее, все ровным счетом наоборот!

Алан замолчал. Слезы текли по щекам Лизон, капали на клеенку.

Не слишком щедрый на нежности Алан попытался утешить ее.

– Я вернусь, и, если не передумаешь, мы заведем ребенка... Еще не поздно, нам с тобой нет и сорока. Может, ему повезет: он будет слишком юным и его не возьмут на ближайшую войну, а на следующую он не попадет по возрасту. Но прежде я должен сдержать данное давным-давно слово.

Лизон еще долго сидела за столом и плакала. Потом снова плакала, глядя вслед автобусу, который увозил Алана в Кан.

– Я буду ждать тебя, – прошептала она, обращаясь к облаку пыли.

Лизон сдержала слово.

Она ждала его. И больше никогда не видела.

Серый дождик навсегда поселился в ее душе.

Вторая эпоха

1964

Кровь предателя

7

Окончание уроков

Май 1964

Блю-Хилл, Оклахома

Дождь обрушился на городскую школу в Блю-Хилл за несколько секунд до того, как дети высыпали во двор. Зонтики раскрывались синхронно, выростали над головами, точно грибы после дождя. Мамочки оказались в таком импровизированном разноцветном шапито и продолжили болтать, не обращая внимания на стук капель.

Стоявший чуть поодаль Алан Ву был одним из немногих мужчин.

Как бы меня не приняли за педофила, подумал он. Торчу в тридцати метрах от школьных ворот, наблюдаю за женщинами и детьми. Глупо.

Впрочем, Алан не очень беспокоился, здесь его никто не знал, разве что миссис Парк, управляющая гостиницей «У озера». За несколько последних недель он только с ней и перебросился парой слов.

Дождь усилился. По шоссе 108 мчались машины, из-под колес летели брызги. Никто не обращал внимания на чужака. Его охота подходила к концу, рыжеволосая женщина была здесь, она тоже пришла забрать ребенка после уроков.

Рыжеволосая?

Все матери были в шапочках, капюшонах или под зонтами. Которая из них – призрак, за которым он гоняется?

Учительница Мэри Таннер дунула в свисток, и дети устремились во двор наперегонки с дождевыми каплями. Алан искал глазами рыжеволосых. Каждый ребенок подбежал к матери или отцу и укрылся под зонтом. Крыша шапито распалась на части.

Рыжеволосый паренек и девочка с такими же яркими кудряшками нырнули под один из зонтов.

Она!

Алан следовал за ними вдоль шоссе 108, держа дистанцию. Женщина и дети перешли на другую сторону и свернули на перекрестке. Алан ускорил шаг.

У него за спиной зажглись фары. Включились дворники, разгоняя по стеклу воду. Заработал двигатель, и автомобиль тронулся с места. Алан побежал через дорогу, не глядя по сторонам, и не заметил находившуюся метрах в ста машину.

Она ехала медленно. Угрожающе медленно.

8

Вдова и солдаты

Июнь 1964

Шато-ле-Дьябль, Нормандия

Природе, как известно, нет дела до планов людей. Они готовились праздновать двадцатую годовщину Высадки, а погода хмурилась, хотя была и не настолько ужасной, чтобы напомнить ветеранам весну 1944-го.

В автобусе Алиса села сзади. Она долго колебалась, прежде чем решила поучаствовать в праздновании. По пути из Кана в Изиньи через Пуэнт-Гийом ее одолевали воспоминания. Это путешествие разительно отличалось от первого: автобус был намного удобнее, а на шоссе недавно положили новый асфальт. Флаги и гирлянды украшали деревенские площади и дома, дети пели и смеялись.

Похоже, все забыли войну, думала Алиса. По крайней мере, пытаются забыть.

Она помнила почти все. В группе кроме нее было несколько старушек – скорее, дам в возрасте, – они приехали оплакать сыновей, не успевших подарить им внуков. Две солдатские жены откровенно скучали и явно жалели, что согласились сопровождать мужей в Нормандию. Мужчины развлекались, рассказывая похабные анекдоты. Их послушать, так вся эта война – не более чем развеселая шуточная кампания. Встречи ветеранов-рейнджеров были похуже попойки болельщиков после бейсбольного матча, куда не допускаются женщины.

Алиса ни с кем не вступала в разговоры – не любила делиться воспоминаниями, но прониклась симпатией к Кристине Адамс из

Вайоминга. Женщина чем-то напоминала мать Лаки. Кристина воспитывала сына одна, и его гибель у Пуэнт-Гийома лишила ее жизнь смысла. Миссис Адамс знала, что такое долгие годы одиночества. Они сблизились, и Алиса впервые рассказала свою жизнь чужому человеку.

Она провела в Австралии пятнадцать лет. Преподавала французский. Замены Лаки не нашла – ни в своем сердце, ни в постели. В начале 1950-х, после пяти лет молчания, написала родителям Лаки. В Личфилде все считали, что она покончила с собой в ту первую поездку во Францию. Переписка стала регулярной, родные покойного жениха настаивали на ее возвращении, и в 1959-м Алиса сдалась. В личфилдском колледже открылась вакансия, и она переехала. У нее началась *почти* нормальная жизнь, в которой было все, кроме любви. Она не раз отвергала предложения руки и сердца от коллег, сраженных красотой молодой вдовы. Алиса отреклась от любви и не жалела об этом. Многие женщины жили без любви: одних мужья считали уродками, другие слишком рано вступили в брак и обзавелись ребенком. Да мало ли причин... Сорокалетняя Алиса не думала, что заслуживает больше жалости, чем все остальные, ведь двадцать лет назад она узнала настоящую любовь, которая и теперь согревала ее сердце.

Деревню Де-Жюмо автобус проехал без остановки. Алиса успела заметить большую стоянку рядом с новой бетонной церковью странной геометрической формы и без колокольни. Она подумала о фермерше, которая жила здесь двадцать лет назад. Кажется, ее звали Марго... Интересно, что с ней случилось?

Через несколько минут автобус въехал на центральную площадь Шатоле-Дьябль. Кафе «Завоеватель» стояло на прежнем месте, на окнах висели занавески в красную клетку. Группа задержалась в ресторане, ветераны выпили лишнего, размякли от воспоминаний. Захмелевший капитан вскочил с сиденья и затянул «Пять свинок».

Алиса думала о молодой паре, которую двадцать лет назад видела на пороге «Завоевателя». Они казались нереально счастливыми в самом сердце трагедии. Девушка была очень красива.

В тот момент, когда автобус свернул на узкую дорогу, ведущую к скалам, Алиса заметила лицо в окне третьего этажа.

Женщина с печалью смотрела на веселую компанию американцев. Алиса мгновенно узнала в ней девушку из прошлого и как будто увидела себя в зеркале. Ей захотелось выйти, поговорить, может быть, утешить незнакомку. Их судьбы странным образом переплелись. Когда-то они были

веселы и беззаботны, потом судьба нанесла им удар.

Автобус въехал на грунтовую стоянку перед блокгаузом, напротив только что установленной мемориальной доски в память о павших героях. Ее вмуровали в памятник – современный, причудливой формы. Скульптор хотел изобразить летящие к скале штурмовые «кошки», но вышло не то паучье гнездо, не то заросли крапивы. Капитан дирижировал хором, изображал свинок, других животных с фермы и первым увидел блокгауз, памятник и утес. Все мгновенно замолчали.

Рейнджеры вышли на бескрайний пляж, ставший еще шире из-за отлива. Каждый оказался наедине с воспоминаниями и позабытыми страхами, никто не решился развеять наваждение шуткой, хотя некоторые только тем и занимались последние двадцать лет. Женщины брали мужей за руку, обнимали за талию.

Только у Кристины Адамс и Алисы не оказалось пары, и один из ветеранов сообразил, что эта красивая женщина – не солдатская жена, значит, можно с ней поболтать и на время забыть своих демонов.

– Выходит, вы ничья не жена?

Вопрос прозвучал неуклюже, и Алиса растрогалась.

– Я не одна. Тот, кого я люблю, здесь.

Он удивленно вздернул брови, Алиса улыбнулась и пояснила:

– Здесь я чувствую, что он рядом.

– Какой же я идиот! – Мужчина стукнул себя кулаком по лбу, развеселив Алису, и постарался сформулировать следующую реплику не так коряво. – Думаю, он бы гордился, что вы помните его и двадцать лет спустя.

– Благодарю вас.

– У большинства парней, которые тут полегли, не было ни жен, ни подружек, которые стали бы оплакивать их так долго.

Алиса промолчала, и рейнджер осмелел.

– Вот ведь невезуха – умереть здесь, когда дома ждет такая красавица! Могу я узнать имя несчастного?

– Лаки Мэрри.

– Алиса! – воскликнул рейнджер. – Вы Алиса! А я болван! – Он снова постучал кулаком по лбу. – Должен был догадаться.

На этот раз изумилась Алиса.

– Не понимаете, откуда я знаю ваше имя? Некоторые вещи помнишь всю жизнь. Ваше лицо я бы не узнал – Лаки показывал мне фотографию раз или два, но имя... Знаете, Лаки был звездой. Всем нравился. Он рассказывал о себе, и мы думали: «Складно врет!» Лаки называл вас своей

великой любовью, и каждый раз, выигрывая в покер, целовал вашу карточку. Вы стали легендой, ребята спрашивали друг друга: «Как думаешь, она настоящая?» Вы были такой красивой... – Он покраснел, сообразив, что это прозвучало обидно, и поспешил исправиться: – Вы и сейчас прекрасны, но на той фотографии выглядели еще и веселой, и счастливой. Что и говорить, мы завидовали прохоже Лаки. – Рейнджер спохватился, что зашел слишком далеко, и пробормотал: – Не сердитесь, мисс, я не мастак говорить комплименты.

– Все в порядке, – улыбнулась Алиса. – Предпочитаю, чтобы его вспоминали весело.

Он успокоился.

– Поверить не могу – вы существуете, Лаки вас не выдумал! Никто не имеет права умирать, когда дома его ждет такая женщина. Нельзя дразнить смерть, если тебя любит первейшая красавица.

– Дразнить смерть, – повторила Алиса. – Лаки был как все, он не выбирал эту войну.

– Конечно, нет, но ему не стоило так рисковать...

– О чем вы? – удивилась Алиса.

– Да вы и сами все знаете, – ухмыльнулся ветеран, – фортель он выкинул тот еще, зато теперь вы не только самая красивая, но и самая богатая вдова в Америке.

– Вы что-то путаете, – удивилась Алиса. – У Лаки не было денег. Его отец рабочий, мать официантка.

– Издеваетесь? – рассердился он. – Все же знают эту историю.

– Какую историю?!

– Хотите сказать, что вы не получили денег?

– Да мы даже женаты не были, какая уж тут пенсия!

– Я о другом... Значит, вы и правда никаких денег не видели? Точно?

Он со злостью стукнул костяшками пальцев по многострадальному лбу.

– Проклятье... Сволочь! Бесстыжий мерзавец!

У Алисы закаменели скулы.

– Это вы о Лаки?

– Господи, нет, Лаки был святой и самый большой дурак, судя по вашим словам!

– Я требую объяснений! – Алиса повысила голос.

– Будь оно неладно, Лаки провели, обманули, надули! Подождите, я позову Барри, пусть все расскажет. Этот кретин остался жить благодаря Лаки. Даже не знаю, что будет, когда он узнает, что вам и доллара не досталось... Барри!

На зов обернулся лысый пузатый мужик, который всю дорогу потешал попутчиков анекдотами и непристойными песенками.

– Чего тебе, Джимми?

– Иди сюда, толстяк. Не поверишь, кто тут у нас!

– Эйзенхауэр? – Барри посмотрел на Алису. – Вот те на, дочка Эйзенхауэра.

– Заткнись, кретин... Представляю тебе невесту Лаки. Это Алиса!

Рейнджер кашлянул, покраснел, протянул толстую лапищу и пробормотал:

– Барри Монро... уж извините... счастлив познакомиться...

– Она не знает! – сообщил товарищу Джимми. – Историю с Оскаром Арлингтоном. Девушка Лаки не получила ни цента!

До Барри не сразу дошел смысл сказанного, но затем он разразился ругательствами.

– Ублюдок! Подлая скотина! Его счастье, что не поехал с нами! Попадись он мне...

Ветер еще долго разносил по округе возмущенные крики отставного рейнджера.

9

Памятная церемония

Июнь 1964

«Шератон-Сити-Центр», Вашингтон

Самый большой зал «Шератон-Сити-Центра» был заполнен до отказа. С потолка свисали звездно-полосатые флаги. Оскар Арлингтон пересчитывал их, надеясь, что это занятие придает ему задумчивый, сосредоточенный вид.

Подсчет знамен займет некоторое время – сказать, что здесь их много, значит ничего не сказать.

Интересно, кто-нибудь удосужился сосчитать все флаги, вывешенные в Вашингтоне в обычный день? Число наверняка поражает воображение. Почему Америке так сильно хочется самоутвердиться, особенно после убийства Джона Кеннеди? На каждой крыше полотнище, совсем как в банановой республике после государственного переворота.

Считать Оскар бросил, но взгляд не опустил – на людей смотреть не

хотелось. Ему было неуютно в глубоком кресле, обитом зеленой кожей, на виду у полутысячи ветеранов Высадки, которые по тем или иным причинам не смогли поехать в Нормандию. Он знал, что через несколько минут, во время награждения, почувствует себя еще хуже. Оскар пришел, чтобы получить медаль. Какую? Он не знал и знать не хотел. Медаль за то, что служил народу.

Спасибо, мама...

Арлингтон наклонился к соседу. Несмотря на молодость, на мундире у того сверкало штук шесть наград. Наверное, и ему повесят на грудь одну из таких вот красивых побрякушек. Они очень нравятся девушкам, а военные на редкость изобретательны по части всяческих цацек.

Мой геройский сосед собрал не всю коллекцию, подумал Оскар, иначе не находился бы здесь. Слава выжившим! Вам обещали персональную медаль, если будете выполнять приказы и, не дрогнув, побежите на приступ. Чего разнюнились, выжившие? Долго ждали? Двадцать лет? Ликуйте, час вашей славы настал! Не стоит расстраиваться, парни, выиграли все. Даже меня решили отметить. Даже я сорву джекпот! Снимаю шляпу, мама. Интересно, какими глазами будут смотреть на меня присутствующие, когда я поднимусь на сцену за медалью, а, мамуля? Кто-то из пятисот героев в курсе моей истории, один или двое знают, что мои кости сейчас должны лежать в песках Нормандии, и не откажут себе в удовольствии распусть язык. Веселятся втихаря, глядя, как я сижу тут, надуваю щеки, изображая героя. Какого черта матери пришла в голову идея с награждением? Мне двадцать лет не было дела до кретинов в форме цвета хаки. Да, я поступил как последний негодяй, и мне было все равно: я знал, что больше никогда не увижу парней из отряда, потому что мы живем в разных мирах. Но я не учел одного – маму с ее гениальными идеями. «Иди и получи свою медаль, сын мой!» Сколько пафоса, мама. Ты, может, и не подозреваешь, какой гад твой сын, но не можешь не сознавать, что он совсем не герой. Ты держала меня в коконе, я остался личинкой и увял в твоей тени. Конечно, все могло быть еще хуже, захоти мамочка послать меня в Нормандию, по местам боевой славы, так сказать. Оргкомитет собрал целый автобус бывших рейнджеров и отправил ветеранов в Пуэнт-Гийом, на открытие мемориальной доски с именами павших. *Моего там не будет!* Черт, черт, черт, я ни за что не приму эту награду. Сколько их, знающих правду? Десять человек, двадцать, пятьдесят, еще больше? Вряд ли я единственный дезертир в славном собрании. Ау, уклонисты, вставайте!

– Оскар Арлингтон, – звучным голосом произнес генерал с седыми

висками.

Оскар медленно поднялся. Он так и смотрел в потолок на звездно-полосатые флаги.

Они смеются, все надо мной смеются. И всем все известно.

Понимающая улыбка генерала окончательно лишила Оскара самообладания. Он узнал этого человека, хотя имени его не вспомнил, – генерал был частым гостем на обедах, которые устраивала Эмилия Арлингтон. Бриллианты уродливой генеральской жены сверкали ярче наград мужа, которого она все время перебивала. Как мог подкаблучник сделать карьеру в армии?

– Оскар, Оскар...

Он наконец взглянул на зависшую в пустоте руку в перчатке и пожал ее.

– Поздравляю, Оскар.

Хорошо хоть не добавил: «Мать будет тобой гордиться».

Несколько часов спустя медаль красовалась на шее Оскара, а шампанское готовилось ударить в голову. Он знал, что уже выпил лишнего, но и не думал останавливаться.

Я должен был погибнуть в Нормандии, так зачем лишать себя удовольствий? Напьюсь – и будет проще свести счеты. Чем я владею заслуженно из того, что имею? Медаль краденая, она меня душит. Деньги, дом, «плимут», пластинки Чака Берри... все это мне подарили. Спасибо, мама! Ничего этого я не заслужил. Как обстоят дела с женщинами? Внесем успокоение в души угнетенного человечества: деньги и крутая тачка делу не помогают. Можно водить «плимут» и оставаться сорокалетним девственником. Да-да, мамочка, а ты не знала? Кстати, я забыл включить маму в список имущества. Но я и ее не достоин.

Оскар бросил взгляд на отставных военных, толпившихся у столов с закусками: они предавались воспоминаниям и громко хохотали. В нынешнем собрании смешались все классы американского общества, все расы и вероисповедания, их объединил великий идеал и возвышенные воспоминания.

Армия Свободы!

Все американцы, даже дебилы-уголовники и тупые фермеры, проявили беспримерное мужество. Все – кроме него. Паршивая овца армии освободителей. Ни на что не годный слабак. Черт, какая же она тяжелая, это сволочная медаль.

Оскар выпил еще, и пол вдруг ушел у него из-под ног. Он сделал

отчаянную попытку уцепиться за скатерть, но только стащил ее на пол вместе с дюжиной бокалов и двумя блюдами птифуров – к счастью, почти пустыми.

В зале стало тихо. Люди оборачивались. Генерал подошел к Оскару и шепнул ему на ухо:

– Арлингтон, старина, вы слишком много выпили. Пусть вас отвезут домой, подумайте о матушке...

Придурок! – вскипел Оскар.

– Я не Арлингтон! – завопил он. – Я номер четыре! Слышите? Я – четвертый! Живой мертвец!

Генерал и его верный адъютант практически силой вывели Оскара в сад и усадили у фонтана.

– Подышите воздухом, дружище, – сказал генерал, смочил платок и вытер с рукава слюну сенаторского сынка. – Подышите и придите в себя! Вы теперь герой Америки. С сегодняшнего вечера вы обручены этой медалью. У вас есть долг перед родиной, понимаете? Взбодритесь!

Оскар сорвал с шеи медаль и швырнул в фонтан.

– Я ходячий мертвец, генерал. Номер четыре – живой мертвец.

Генерал пожал плечами и бросил помощнику:

– Вот ведь жалость. Такое оскорбление для его матушки. Проследите за ним, только аккуратно. Не хочу, чтобы он в таком состоянии сел за руль.

Адъютант обернулся и не обнаружил порученного его заботам героя. Нет, в фонтан тот не упал: на другом конце аллеи сорвался с места «плимут» бутылочно-зеленого цвета, каким-то чудом не задев официальные лимузины с флажками у лобового стекла.

10

Договор

Июнь 1964

Пуэнт-Гийом, Нормандия

Барри Монро твердил охрипшим басом:

– Выходит, вы ничего не знаете, мисс? Так? Вот скотство! Если бы Лаки меня послушался... Вы должны знать, Алиса, что я остался жив только благодаря вашему Лаки! Веская причина расцеловать вас.

– Эй, эй, осади назад, старый развратник! – прикрикнул Джимми. – Я не

для того тебя позвал... Хватит трепаться, лучше расскажи всю историю с самого начала, в деталях.

– Я к тому и вел. За три дня до высадки на катере состоялась та чертова жеребьевка. Насчет этого вы в курсе, Алиса?

– Да. Официальные лица объяснили. Лаки достался номер четыре.

– Вот, значит, как вам преподнесли эту историю. И вы поверили, что везунчик Лаки вытянул четверку? Лаки стал номером сто сорок восьмым, он был спасен, а я – номер пятый – мог считать себя покойником. И скулил до самой высадки. Вот глядите...

Барри показал Алисе сжатый кулак со старыми шрамами.

– Я дубасил в переборку до крови на костяшках, а хотел разбить голову! Потом придурок Арлингтон вытащил номер четыре, и никто ему не посочувствовал, тем более я. Дрянной человечиска, трус, богатей, маменькин сынок. Конгрессмен Эмилия Арлингтон, знаете такую?

Алиса покачала головой – она никогда не интересовалась политикой.

– Я знал, что мерзавец не станет изображать героя. Вытянув четвертый номер, он обделался – чистая правда! – но мы не злорадствовали. Судьба приговорила Оскара Арлингтона к смертной казни с отсрочкой исполнения наказания, и мы с ним оказались товарищами по несчастью, номер четыре и номер пять. Многие ребята вздохнули с облегчением.

Алиса слушала, слегка приоткрыв рот, напряженно хмурилась, стараясь все запомнить, то и дело убирала за ухо непослушную белокурую прядь. Двадцать лет назад она была недостижимой мечтой рейнджеров, плывших к берегам Нормандии, и вот теперь, в середине жизни, обрела плоть и кровь, и реальность превзошла все ожидания. Сама Алиса, похоже, не подозревала, как действует на мужчин.

– Кончай трепаться, переходи к фактам, – велел приятелю Джимми.

– Тебе не понять, у тебя был номер сто двадцать семь, – огрызнулся Барри. – Ладно, давай поговорим о чувствах бесчувственного ублюдка Арлингтона. В тот же вечер он пустил слух, что заплатит по десять тысяч за единицу счета. Ребята решили, что это гнусно и глупо, и были уверены: никто не согласится, а Оскар в очередной раз выставил себя дураком. Даже умереть не может по-мужски! Все хранили благоговейное молчание, а он пытался склонить чашу весов на свою сторону, бросив на нее миллионы.

– А Лаки согласился, – едва слышно произнесла Алиса.

– Да, вы правы, этот дурак принял предложение. У него был номер сто сорок восемь. И он обменял его на миллион четыреста сорок тысяч долларов. Полтора миллиона! Целое состояние. Офицеры были не в курсе – они бы не позволили. Лаки заключил безумный контракт – жизнь в обмен

на деньги, и Оскар должен был выплатить всю сумму сразу после возвращения в Штаты.

– Выплатить... мертвецу, – тихо пробормотала Алиса. – Лаки не был наивным простаком и прекрасно понимал, как сильно рискует.

– Ну, не знаю... Мы говорили ему: «Подумай о скалах, фрицах, пулеметах...» – а он пожимал плечами и просто отмахивался. «Вдруг тебя убьют?» – спрашивали некоторые. «Тогда деньги получит моя невеста!» – отвечал он. Клянусь, Алиса, именно так и было. «Все мы рискуем жизнью, – говорил Лаки. – За что? За жратву, курево и потому что приказали генералы. Никто ни черта не понимает и не хочет разбираться: а вдруг поймешь, ужаснешься и дезертируешь? Я обменяю свою шкуру на полтора миллиона долларов. Добавлю остроты героическому заданию. Это окрыляет...»

Джимми нетерпеливо переступал с ноги на ногу, пытаясь вклинить в разговор, но перебить Барри было не так-то просто.

– Ему говорили: «Ты псих, Лаки!» Он отвечал: «Мы останемся лежать на этом треклятом пляже, а что получают наши родители и подружки? Продырявленную форму в пятнах засохшей крови, жестяной сундучок, цепочку, сломанные часы? Ничего! Вы сдохнете в двадцать лет как полные придурки. Родились – умерли – забыты... В моем завещании будет прописана кругленькая сумма – миллион четыреста сорок тысяч долларов! Все мы – крысы в клетке, но мне достался выигрышный билет, я сорву джекпот!»

– И вы его не остановили, – онемевшими губами произнесла Алиса.

– Я предупреждал: «Берегись, Лаки. Не верь Оскару, он сволочь!»

Все, достаточно, подумал Джимми и сказал примирительным тоном:

– Да ладно тебе, Барри, это уж слишком.

– Ничего не слишком! Сказал, что думал, по-честному. Лаки успокаивал парней – мол, все прописано в договоре, если погибну, Алиса получит полтора миллиона. Клянусь вам, Алиса, в договоре были ваши имя, фотография и адрес, а еще личфилдский адрес родителей Лаки. Он все предусмотрел. Арлингтон тоже высказал последнюю волю, собственноручно записав, что если погибнет, то обязательства исполнит его мать.

– И что же стало с договором?

– Загадка! Лаки позвал двух свидетелей. Не меня. И зря. Будь я в деле, вам не пришлось бы ждать двадцать лет, чтобы узнать правду.

Джимми досадливо поморщился. И за каким чертом он позвал Барри? Теперь вот белокурая красотка глаз с него не сводит.

– Назовите мне имена свидетелей? – спросила Алиса.

– Первым был Алан, фамилию не помню. Хороший парень... Молчаливый. Кажется, погиб во время высадки. Нет, пропал без вести. Второго все звали Дрочилой, уж извините за грубость. Его застали сами понимаете за каким занятием... Ладно, не будем вдаваться в детали. Прозвище, кстати, придумал я. Паренек был не слишком умным и трусоватым, а после того как его застукали, все стало совсем плохо, мы тогда были жестокими. Только Лаки и Алан обращались с бедолагой по-человечески. Он вроде остался жив.

– Вам известны подробности о... – Алиса не могла договорить фразу до конца, но Барри понял.

– О смерти Лаки? Он до самой высадки верил в удачу. Считал, что выберется – несмотря на четвертый номер. Я был пятый. Первый и второй погибли, не пробежав и десяти метров, третий подтащил взрывчатку чуть ближе к стене. Как только все началось, я понял, что приговорен, как и следующие пятьдесят ребят: на открытом пространстве нас отстреливали как кроликов. Когда стартовал Лаки, показалось, что пули расступаются перед ним, потом одна попала в руку, другая в плечо, третья в ногу. А он продолжал бежать... не знаю как. Мы ждали, что он вот-вот рухнет на песок, и я готовился сорваться с места – не думая, как робот, как все остальные. Мы перестали размышлять. Бетонная стена защищала Лаки, и он сумел установить взрывчатку. Все сделал и рванул к нам, как спринтер, словно еще верил в свой фарт, бежал и улыбался, бежал и хохотал – знал, что выполнил задание. Фрицы стреляли ему в спину, попали десять раз, двадцать, но не остановили. Он упал на руки товарищам. Мертвый. Улыбающийся. Я не знаю, какая именно пуля убила Лаки, но почему-то уверен, что к нам бежал мертвец. Он решил, что выполнит задание во что бы то ни стало, и его воля оказалась сильнее смерти. Потом взорвалась стена, и мы кинулись в прорыв.

Барри Монро умолк и виновато посмотрел на Алису – может, стоит извиниться? Но ведь она сама захотела узнать. Джимми тоже разволновался от этих воспоминаний. Он, вытянувший № 127, не сумел бы так складно рассказать.

– Я остался жив благодаря Лаки, – заключил Барри. – Я и половина рейнджеров.

Пока Барри рассказывал, многие ветераны подошли ближе. Кристина Адамс взяла Алису за руку, на что не осмелился ни один мужчина. Все подтверждали рассказ Монро, вспоминали Лаки и его отчаянную отвагу, проклинали Арлингтона.

– А этот Оскар, он выжил? – спросила Алиса.

– Да уж конечно! Не получил ни единой царапины. Еще бы – всегда держался за чужими спинами. Не уверен, что мерзавец выпустил хоть одну пулю... Но хуже всего то, что он нарушил слово. Вы правда не получили ни доллара?

– Я пятнадцать лет жила в Австралии.

– Но теперь, благодарение господу, вернулись! Кроме того, у Арлингтона был адрес родителей Лаки. Они ведь никуда не переезжали?

Алиса покачала головой.

– Держу пари – эти люди знали, где вы живете, но Оскар и не подумал с ними связаться?

Алиса кивнула.

– Так что не ищите для него оправданий. Сволочь, он сволочь и есть. Вам и сегодня, двадцать лет спустя, будет непросто получить свои деньги, хотя лично я готов свидетельствовать в суде.

«Я тоже!», «Я тоже!», «Я тоже!» – зазвучало со всех сторон.

– Ни один офицер не был в курсе, – добавил Барри, – иначе бы вышел скандал.

– Кто-нибудь забрал договор? – спросила Алиса.

– Всего было четыре экземпляра – для Алана Ву, Дрочилы, Лаки и Арлингтона. Можно попытаться найти тот, что получил Дрочила.

– А кто взял экземпляр Лаки?

– Наверное, Алан. Они были лучшими друзьями. Но Алана...

– ...объявили пропавшим без вести, – прошептала Алиса. – Вместе с ним пропали и два экземпляра договора.

– Не сдавайтесь, Алиса!

– Арлингтон не должен выкрутиться!

– Я готов все рассказать!

Впервые за долгое время Алиса улыбалась, глядя на незнакомых людей, вернувших смысл ее жизни.

На обратном пути она уточняла детали и записывала адреса, потом начала набрасывать план, попутно объясняя, что деньги ни при чем, на деньги ей плевать.

Даже на полтора миллиона долларов.

Значение имело одно: Лаки погиб на нормандском пляже, потому что сам так решил. Война была для него игрой, и он не умер, а проиграл. Потому что Арлингтон не заплатил.

Ничего, она это исправит.

Все бывшие рейнджеры поняли, как серьезно настроена эта красивая

печальная женщина.

У Алисы появилась цель: Арлингтоны должны заплатить.

11

Посольский квартал

Июль 1964

Дипломатический квартал в Вашингтоне

Посольский квартал в Вашингтоне являет собой любопытный микрокосм, сгусток мировой геополитики, разместившийся на территории в несколько гектаров. Посольство – витрина страны за рубежом. Посольство в США – главная витрина. Вся культура страны должна быть выражена в одном-единственном здании. Несколько стран – Австралия, Чили, Индонезия – решили разместить свои посольства в самом центре Вашингтона, но большинство проявили благоразумие и устроились в безопасном квартале на северо-востоке, за Рок-Криком – одним из самых больших городских парков.

Здесь праздный горожанин или заблудившийся турист могут предаваться забавной игре – узнавать государства, не глядя на таблички на ограде.

Способ первый – опознать флаг, который развевается над верхушками деревьев, придавая пейзажу атмосферу праздника – не национального, но планетарного. У этого способа есть свой минус: чтобы узнать страну по флагу – если это не Китай, Канада, Великобритания или Бразилия, – нужно быть подкованным в географии. Американцы неизбежно путают флаги без звезд и других эмблем, состоящие из банальных полос, вертикальных или горизонтальных. Хуже всего обстоят дела с европейскими странами – Францией, Германией, Бельгией, Италией и Ирландией: их триколоры свидетельствуют о полном отсутствии воображения.

Второй способ – опознать страну по архитектуре здания – много сложнее первого. Затейливые крыши и яркие цвета ясно указывают на Китай; массивное, величественное строение в викторианском стиле безусловно олицетворяет Великобританию; немецкое посольство скорее похоже на бункер, правда роскошный; посольство Италии выражает себя парковыми статуями и фонтаном. Африканские посольства ютятся в скромных зданиях, флаги свисают из окна, а не с мачты, и прохожие

никогда не слышали названий стран Черного континента.

Французское посольство отличается от других: современное, сложных геометрических форм, белое, как орбитальная станция, стоит посреди большого ухоженного парка. Кажется, что его никто не строил, оно просто заглянуло в гости, как убежище инопланетной нации, и может в любой момент сняться с места и улететь.

Арлингтоны жили в особняке, где прежде располагалось посольство Эквадора, переехавшее после Второй мировой войны в более современное здание. Колонны в неороманском стиле обветшали, но пышная растительность скрывала возраст здания.

Мария поднялась, как обычно, в шесть утра. Достала из холодильника апельсиновый сок, сделала кофе, намазала маслом три куска хлеба и принялась накрывать на стол. Постелила скатерть, расставила посуду, положила свежий номер «Вашингтон пост» рядом с тарелкой миссис Арлингтон. Закончив, Мария принялась обдумывать меню на день. Посмотрела на часы – 6:15. Да, пусть будет укроп, господин Оскар его любит, рыбу она подберет. Служанка вышла из дома и направилась к перекрестку Проспект-стрит и 38-й, чтобы дожидаться грузовичка, на котором зеленщик ехал на рынок. Он притормаживал, чтобы обслужить ее, и Мария очень гордилась своей уловкой. Такова привилегия всех, кто работает на миссис Арлингтон.

На углу стоял зеленый «плимут».

Надо же, господин Оскар не поставил машину в гараж, подумала женщина. Не очень разумно, нельзя же быть таким избалованным ребенком! Разве можно оставлять красивый дорогой кабриолет на ночной улице города, где полным-полно преступников? Правда, вчера мальчику вручили медаль.

Мария улыбнулась и бодро направилась к месту встречи. Проходя мимо зеленого автомобиля, она боковым зрением заметила на водительском месте спящего Оскара.

Он что, всю ночь провел в машине, уткнувшись носом в дверцу? Не похоже на молодого хозяина. Парень, конечно, разгильдяй, но не до такой же степени.

Мария колебалась. Она не имела привычки совать нос не в свое дело и решила отвернуться. Через час или два господин Арлингтон проснется, захочет позавтракать, она подаст еду и не станет задавать вопросов.

Любопытство ли пересилило благоразумие или сработал инстинкт гувернантки, столько лет заботившейся о «мальчике», но Мария все-таки бросила беглый взгляд на Оскара, спавшего в странной позе. Она видела

только прядь волос, прижатую к стеклу, и... и...

Господь милосердный...

Кровь!

Кровавый след на стекле успел высохнуть, форма мятая, кобура пуста, пистолет на полу. На приборной доске, на самом видном месте, лежало письмо. Листок был исписан крупным круглым почерком Оскара. Девчачьим почерком.

За тридцать лет службы у Эмили Арлингтон Мария научилась смирять любопытство, но этим утром совладать с собой не смогла. Оскара она считала своим ребенком тоже, а теперь он умер, убил себя. Это было так на него не похоже, что Мария захотела понять и прочла записку:

Я трус. Мой ровесник погиб вместо меня на пляже в Нормандии.

Я впервые в жизни решил проявить мужество, покончить с этой лживой жизнью.

Оскар Арлингтон

Четыре строчки.

Скоропостижное завещание. Мария вернула листок на место и направилась к дому – будить миссис Арлингтон. Она сделала, что должно, и теперь могла поплакать.

Смертельно бледная, но исполненная достоинства миссис Арлингтон наклонилась, взяла прощальную записку сына, прочла и сунула листок в карман.

– Может, не стоит ничего трогать, мадам, – робко произнесла Мария. – Приедет полиция и заберет...

– Что?

– Записку.

– Какую записку, Мария?

– Ну...

Мария была понятлива, но хозяйка все же решила расставить все по местам:

– Никакой записки *не было*, Мария! Вам все ясно?

12

Что знают двое...

Марии все было ясно. Мария не нарушила данного слова. Она никому

не рассказала о записке, но навсегда запомнила ее. Слова о гибели в Нормандии незнакомого парня потрясли ее воображение...

Мария было неглупа и распознала запашок скандала: у многих людей имелся зуб на Арлингтонов.

Итак, служанка хранила молчание и нарушила приказ хозяйки всего-то один раз, неделю или две спустя, поговорив с мужем.

Но ведь хорошая жена не должна иметь тайн от супруга? Так Мария успокаивала свою совесть, наводя порядок в доме Арлингтонов. И потом, она же заставила Джека поклясться, что он никогда и никому не повторит то, что услышал от нее тем вечером, иначе она лишится работы. Джек больше не мог работать на стройке из-за больной спины, так что кормила семью Мария.

Миссис Арлингтон всегда была добра к ним, нашла квартиру, помогла устроить Джека в хорошую больницу, написала начальству универмага «Беверли Клозес», и их дочь Джейн взяли на работу продавщицей.

На душе у Марии было беспокойно, ей хотелось забыть неприятную историю, и она убеждала себя, что все будет хорошо, ведь Джек неболтлив.

Муж Марии поклялся молчать и держал слово, пока однажды ночью, за покером, не проболтался приятелям – Джиму, Пэту и Джерри. Они перебрали с виски, что случилось не чаще одного-двух раз в год. Джек растрепал секрет, чтобы пустить пыль в глаза приятелям. Они мало что поняли, но не собирались предавать его доверие.

Холостяк Джим так и поступил. Этот увалень понятия не имел, кто такая миссис Арлингтон.

Молчун Пэт общался исключительно с женой, двумя дочерьми, родителями и тестем. И все-таки несколько месяцев спустя, на свадьбе кузена, сидевший справа от него тип оказался политиком. Ужин длился много часов, Пэт все время молчал, ему захотелось задать вопрос.

– Вы знаете миссис Арлингтон?

Гости изумились: оказывается, мужик не немой! По равнодушной реакции соседа Пэт решил, что тот республиканец (как и миссис Арлингтон), и не стал продолжать.

Джерри все рассказал жене за завтраком, на следующий день та встала пораньше и отправилась делиться сенсацией – «У молодого Арлингтона совесть была нечиста» – с тремя торговцами и пятью случайно встреченными приятельницами. Вернувшись домой после прогулки по кварталу, она сделала с десятков телефонных звонков и восемь раз ввернула «анекдот» в разговор. В последующие дни жена Джерри переключилась на

НОВЫЕ СПЛЕТНИ.

Эмилия Арлингтон

5 июля 1964

Посольский квартал, Вашингтон

Алиса терпеливо ждала в гостиной миссис Арлингтон, куда ее провела Мария, чья ласковая улыбка выглядела неуместной в холодном убранстве сенаторского дома. Чтобы попасть в салон, пришлось миновать огромные холлы с полами из искусственного мрамора, подняться и спуститься по скользким белым лестницам в несколько ступенек, ведущим из коридора в сад, а из сада на внутреннюю галерею. С практической точки зрения смысла в них не было никакого. Вода с тихим журчанием обтекала камешки альпийской горки, струилась по затейливым растениям. Все было белым или зеленым, гладким, чистым, сверкающим. Старина без изношенности, функциональный антиквариат. Это архитектурное двуличие портило Алисе общее впечатление от Вашингтона.

Стены гостиной сияли белизной, зеленую бархатную обивку кресел подобрали в тон экзотическим цветам. На скромных граждан, явившихся в дом, чтобы умолять сенатора о помощи, взирали с портретов герои американской истории в париках и военной форме, пешие и конные.

Из двадцати деятелей Алиса опознала Вашингтона, Адамса и Джефферсона, но ее это мало волновало. Она почти месяц пыталась встретиться с Оскаром Арлингтоном, звонила каждый день, по несколько раз. Впустую. Нужно было действовать через его мать, но пробиться к Эмилии оказалось еще труднее.

Алиса навела справки об Арлингтонах – имя ассоциировалось у нее исключительно с Национальным кладбищем – и выяснила, что речь идет об одной из старейших семей Вирджинии. Уже сто пятьдесят лет Арлингтоны делали деньги на хлопке и занимались политикой – поочередно, а то и одновременно. Клан послал в Конгресс семь сенаторов от родного штата, но со знаменитым Арлингтонским домом^[9], что к юго-западу от Вашингтона, семья не имела ничего общего. Фамилия стала знаменитой в 1868 году, когда генерал Монтгомери решил превратить небольшой Арлингтонский холм в одноименное Национальное кладбище. В сознании средних американцев навечно поселилась убежденность, что

кладбище и сенаторы одной, так сказать, породы. Что же касается славы, фамилия связывалась с соратником Джорджа Вашингтона и героем Первой мировой войны Джонатаном Арлингтоном. Он был гордостью династии. Ему не суждено было стать генералом до вступления Америки в Великую войну, но он храбро воевал и вернулся из Европы, кашляя, как рудокоп, и остаток жизни провел в халате, мучительно отхаркиваясь с утра до ночи. Ему было трудно разговаривать, его собеседникам – слушать. Очень скоро мистер Арлингтон перестал выходить из своей комнаты. Несколько месяцев пытался писать – не хватило увлеченности, а может, таланта. Тогда он заказал несколько ящиков книг по американской истории и принялся их читать, сидя в широком кожаном кресле. В этом кресле он и умер некоторое время спустя, не закончив первый из трехсот пятидесяти восьми научных трактатов. Иприт убил его за пять лет и три месяца. Так Джонатан Арлингтон и стал героем войны.

Эмилия Арлингтон повесила портрет супруга в гостиной, между Джорджем Вашингтоном и Бенджамином Франклином, и посетители, не знавшие покойного в лицо, терялись в догадках, кто этот прославленный деятель американской истории. Долгое умирание мужа наделило Эмилию неограниченными правами и полномочиями. Она подчинила своей тиранической власти сначала дом, потом вирджинское поместье Тайсонс-Корнер и с головой ушла в политику – на редкость храбро и успешно. Эмилия, не стесняясь, эксплуатировала имя усопшего и даже приняла участие в избирательной кампании в коммуне Арлингтон, которая была расположена идеально: в Вирджинии, но напротив Вашингтона, на правом берегу Потомака. Никто не захотел вступить в борьбу с кандидаткой, которая могла позволить себе обойтись без рекламы. Фамилия Арлингтон была повсюду: Арлингтонский Мемориальный мост, Арлингтонское национальное кладбище, Арлингтонский бульвар, Арлингтонский дом. Эмилия не была хозяйкой этих мест, но среднего избирателя впечатлить сумела.

Она стала третьей женщиной, избранной в конгресс. Политическую карьеру младшей дочери судовладельца из Балтимора с трудно выговариваемой польской фамилией, тайком въехавшего в Америку, часто приводили как пример равноправия, главенствующего в избирательной системе страны. Семья Эмилии было довольно богата, но не имела славного прошлого. Она превратилась в Эмилию Арлингтон и вскоре переехала в Вашингтон, а поместье посещала шесть раз в год, в первое воскресенье нечетных месяцев.

С миссис Арлингтон не так-то просто было связаться. Ее одолевали

телефонными звонками журналисты, коллеги-конгрессмены, порученцы, ходатаи по разным делам, рядовые граждане – приставаы и зануды всех сортов – и... Алиса, звонившая по серьезному поводу, но не желавшая объяснять суть дела по телефону.

Она не хотела, чтобы миссис Арлингтон успела выстроить защиту, а секретари не желали беспокоить свою работодательницу, считая звонок дурацким розыгрышем.

«Будьте более конкретны, пожалуйста. У миссис Арлингтон очень плотное расписание».

Несколько раз Алиса писала сенаторше, прося о встрече. В конце концов в секретариате решили, что тратят слишком много времени на бессмысленные переговоры, и нашли для нее четверть часа драгоценного времени миссис Арлингтон.

Две недели назад Алиса узнала дату встречи, а через девять дней прочла в газетах объявление о кончине Оскара Арлингтона: на рассвете его нашли мертвым в собственной машине.

Самоубийство – заключила полиция за неимением лучшей версии. Оскар застрелился из своего армейского пистолета между тремя и четырьмя часами утра. На оружии нашли его отпечатки, но не было ни свидетелей, ни прощальной записки. Накануне, на церемонии в честь двадцатилетия Высадки в Нормандии, случился скандал. Арлингтон слишком много выпил. Одна из газет намекнула, что с войны он страдал клинической депрессией, от которой так и не оправился. Друзья семьи и близкие к ней политические деятели говорили о долге народа перед семьей Арлингтон, вспоминали тяжкие утраты Эмилии, потерявшей в двух мировых войнах мужа и сына. Трагическая судьба!

Никаких заявлений для прессы семья делать не захотела.

Смерть Оскара Арлингтона не поколебала решимости Алисы. Смерть – слишком простой выход! Для окружающих Оскар все еще герой – накануне смерти его наградили, все газеты написали, что он великий боец Второй мировой войны. А Лаки никто не отдавал воинских почестей, даже после гибели. Журналисты должны назвать Оскара Арлингтона трусом и негодяем, а Лаки прославить.

Семья Арлингтон обязана заплатить долг.

Дверь открылась, выпуская принаряженную пару, явившуюся к миссис Арлингтон с какой-то жизненно важной для них просьбой. Алиса вошла.

Миссис Арлингтон была нехороша собой: квадратное лицо, толстая шея, широкие плечи. Сенаторша сидела за столом неподвижно, как памятник самой себе. Ее глаза – живые, искрящиеся умом – были бы

украшением любого другого лица, но в сочетании с внешностью миссис Арлингтон напоминали хитрых зверьков, коварно шпионящих в пользу холодного, четко организованного ума. Женщина была совершенно спокойна, руки не дрожали, мозг контролировал тело на все сто процентов. Алиса подготовилась к встрече, навела справки и узнала, что миссис Арлингтон исключительно энергичная и влиятельная особа. Она рано стала популярной у сельских тружеников, в одиночку добившись летом 1953-го ограничения размера кредитов, предоставляемых Европе по плану Маршалла. Средства были перенаправлены хозяйствам юга США, пострадавшим от засухи.

Взгляд Алисы остановился на единственном признаке человечности, оживлявшем этот обезличенный кабинет: черно-белые фотографии в деревянных рамках на письменном столе.

Эмилия Арлингтон заговорила сухо, по-деловому:

– Признаюсь, мисс Куин, мои секретари совершенно ничего не поняли в услышанной от вас истории. Дело будто бы секретное и касается моего сына? Думаю, вы понимаете – сейчас не лучший момент.

Ее голос ни разу не дрогнул, не сорвался.

Она знает? – спросила себя Алиса. Знает и ломает комедию?

По большому счету это было неважно. Не имела значения и заведомая враждебность миссис Арлингтон. Алиса чувствовала, что может помериться силами с этой женщиной. Терять ей нечего.

Она спокойно и холодно, слово в слово, пересказала сенаторше все, что узнала от ветеранов-рейнджеров, а в заключение сообщила, что еще месяц назад пребывала в неведении, потому и молчала последние двадцать лет. И тем не менее факты не вызывают сомнения – их подтверждают два десятка свидетелей.

Эмилия Арлингтон выслушала Алису молча и, не моргая, уставилась на нее, заставив отвести взгляд. Алиса воспользовалась моментом, чтобы получше рассмотреть фотографии. Вот толстый младенец – наверняка Оскар; военный с оттопыренными ушами – возможно, Джонатан до болезни. Саму миссис Арлингтон Алиса на снимках не нашла.

– Чего конкретно вы хотите? – спросила хозяйка кабинета.

– Во-первых и в-главных – чтобы все узнали правду. Во-вторых – получить миллион четыреста сорок тысяч долларов. Поймите меня правильно – деньги не столь важны, но договор, заключенный в июне 1944-го, должен быть соблюден. В память о Лаки Мэрри.

– Ну конечно же, деньги не важны, понимаю. – Эмилия цинично ухмыльнулась. – Деньги – всего лишь приложение... Полтора миллиона

долларов – ерунда, да и только. Вы желаете устроить скандал во имя чести! Я стараюсь сохранять спокойствие, но надеюсь, что вы осознаете всю низость вашего демарша. Вы покусились на доброе имя моего умершего сына!

– Мне очень жаль, но это сути дела не меняет.

В глазах Алисы полыхнул гнев, однако она не позволила ему выплеснуться, снова посмотрела на фотографии, задержала взгляд на той, где младенец Оскар на руках у генерала. Алиса узнала Эйзенхауэра! Рядом сияющий улыбкой Джонатан – те же оттопыренные уши и военная форма. И никакой Эмилии Арлингтон – ни на одном из снимков.

– Это омерзительно! – продолжила сенаторша. – Вы рассказываете сказочку, обвиняете моего сына во всех грехах и пороках, а он не может защитить свое честное имя. Не ожидала от стервятников такой прыти.

– Я уже целый месяц пытаюсь условиться о встрече с вами, ваши секретари подтвердят, хотя в этом вряд ли есть необходимость: вы обо всем прекрасно осведомлены.

– Вы повторяетесь и попусту отнимаете у меня время. Уходите. Я не из тех, кого можно шантажировать, тем более так топорно. Вы либо дура, либо сумасшедшая, но мне это безразлично. Главное – никогда вас больше не видеть.

Миссис Арлингтон отлично изображала оскорбленную невинность, но Алиса интуитивно понимала, что эта женщина разыгрывает перед ней спектакль. Что-то было не так. Скорее всего – та свирепая решимость, с которой она защищала честь сына. Мать всегда знает своего ребенка, а значит, для миссис Арлингтон не секрет, что ее сын никакой не храбрец, а трус и, выбирая между собственной жизнью и честью – не только своей, но и семейной, – он без малейших колебаний выберет жизнь. Будь миссис Арлингтон не в курсе, она бы как минимум засомневалась и разволновалась. Рассказ Алисы должен был подействовать как удар током. Нет, сенаторша не сомневалась, что услышанная история – чистая правда. Она знала это до встречи с незваной гостьей.

– Это не шантаж, миссис Арлингтон, – продолжила Алиса, – а нечто прямо противоположное. И вы это знаете! Речь идет о выполнении договора.

– Договора? Ну так покажите его мне.

Алиса поняла, что проиграла очко, но все-таки сказала:

– Целый полк рейнджеров готов свидетельствовать.

– Значит, договора у вас нет? Вы противоречите себе, мисс Куин.

Нужно тщательнее разрабатывать свои выдумки!

Алиса повысила голос:

– Довольно ломать комедию! Вы готовы назвать лжецами всех выживших рейнджеров отряда?

– Да что они знают, эти ветераны? Что могут помнить двадцать лет спустя? Разве что слухи и сплетни, которые всегда ходят о тех, кто на виду. Распускают их завистники, ревнивцы и неудачники. О каждом из нас. Такова участь всех влиятельных семейств. Что вы мне предъявляете? Какой-то неведомый договор? Каких-то сомнительных свидетелей, мертвых или сгинувших неведомо куда? Да у вас нет ни единого доказательства, даже намек на доказательство!

Эмилия Арлингтон впервые с начала разговора забыла о холодной вежливости.

– Уходите немедленно и больше не смейте нарушать мой траур.

Ладно, подумала Алиса, не захотела уладить дело миром, так потом не жалуйся. Она решила пустить в ход аргумент, все время крутившийся в голове, убойный, пусть и не слишком благородный. Не стоило бы прибегать к такому средству, но, возможно, хоть оно убедит эту лицемерку?

– Миссис Арлингтон, – спокойно начала Алиса, – как вы думаете, почему ваш сын покончил с собой? Именно наутро после встречи с ветеранами и награждения фальшивой медалью. Ваш сын – трус, и вам это известно! Он всю жизнь от чего-то бежал. И последнее бегство – в смерть – не спасет его. Нет, Лаки Мэрри умер не напрасно.

Квадратное лицо осталось бесстрастным, как будто сенаторша предвидела выпад Алисы, и ответ она дала хлесткий и неожиданный, чем потрясла собеседницу.

– Верно, мисс, вам на руку, что мой сын умер до того, как вы заявили в мой дом и устроили это маленькое представление. Иначе ваш шантаж не имел бы смысла. Я совершенно уверена, что мой мальчик не сводил счетов с жизнью, но до сегодняшнего дня не представляла, кому могло быть выгодно убить его. Теперь я знаю!

Алиса онемела. Эмилия Арлингтон открыто обвинила ее в тягчайшем преступлении и, как это ни странно, была искренна. Она действительно уверена, что Оскара убили.

Уродина – мелькнула злая мысль. Даже в двадцать лет была страшна как смертный грех, ненавидела свою внешность, потому и не фотографировалась.

Алиса собралась, мысленно встряхнулась и решила закончить разговор.

– Если вы не выполните условия договора, я подам на вас в суд, миссис Арлингтон. И скандала избежать не удастся.

– И с чем же вы туда пойдете? Какие доказательства предъявите? Вас поднимут на смех. Истина конкретна: мой сын был героем войны. Он получил награду за доблесть, и никто и ничто этого не изменит. Фамилия Арлингтон не будет опозорена. Не советую поливать грязью моего сына, особенно теперь. Не сомневайтесь, я достаточно влиятельна и найду на вас управу.

– Полагаю, письма рейнджеров и свидетельства людей, не заинтересованных в этой истории, не заставят вас изменить мнение?

– Ни в коем случае. Я уже объяснила, что думаю о сплетнях.

– Значит, встретимся в суде! Не знаю, искренни вы или нет, все ли вам известно об этой истории или вы только что о ней услышали, но у меня в жизни одна цель: сделать так, чтобы этот долг был оплачен.

– Позвольте уж и мне высказаться, мисс. Я не сомневаюсь, что вы гнусная мошенница, лгунья и интриганка, жаждущая лишь денег. Можете поверить, я кое-что понимаю в людях. Ваша выходка позорит память того самого Лаки, чью честь вы якобы защищаете. Мне теперь тоже осталось одно: оплакивать сына, привилегия горевать вам не принадлежит. Мой муж мертв. Оскар тоже. Я обязана хранить честь этого дома. И честь имени, которое мне доверили!

Она вызвала Марию, та мягко выпроводила Алису и закрыла за ней дверь.

– Змея, – процедила сквозь зубы миссис Арлингтон. – Маленькая гадюка... Мария, – позвала она, – можете договориться о встрече для меня?

– Конечно. С кем, мадам?

Миссис Арлингтон достала из ящика письменного стола визитную карточку и протянула ее Марии.

Тед Силва, мужской и дамский парикмахер, 1351, Фаррагут-Норт.

Заинтригованная служанка подняла глаза и переспросила:

– Сегодня, на вторую половину дня? Тед Силва, парикмахер?

Раздраженная миссис Арлингтон процедила сквозь зубы:

– Вы, кажется, умеете читать, Мария?

О да, читать Мария умела, вот только миссис Арлингтон не посещала парикмахера целых двадцать лет.

Она ненавидела *куаферов*.

Знак четырех

5 июля 1964

Агентство Ника Хорнетта, 11-я улица, 115

Ник Хорнетт стал частным сыщиком из чувства противоречия. В молодые годы родители обуздывали все его причуды и заскоки, чтобы он посвящал свое время исключительно учебе, успешно защитил диплом и преуспел больше них, обычных рабочих химического завода Байзенстайна, расположенного в пригороде Вашингтона. Заботясь исключительно о благе сына, они выбрали для него скучнейшую из профессий – юриспруденцию. Получив диплом, Ник начал приискивать максимально веселое занятие, чтобы компенсировать занудство студенческой поры. И стал детективом, что привело к окончательному разрыву с семьей: мать с отцом прокляли неблагодарного сына, забывшего о принесенных ими жертвах.

Время взяло на себя роль эскутера: Ник приближался к сорокалетию, жил один, рано поседел и вынужден был все время удлинять дистанцию утренней пробежки, чтобы не растолстеть. Одиночество он переносил неплохо. Семь лет прожил в браке с женщиной, к которой не питал большой любви, но и раздражала она его недостаточно, чтобы расстаться. На счастье супругов, у них не было детей и они окончательно себя не закабалили. Потом произошло чудо: жена Ника влюбилась в его лучшего друга. Оба стыдились случившегося, но повели себя честно и признались, не зная, что оказывают Нику величайшую услугу. Познав трудности и перипетии семейной жизни, он теперь наслаждался свободой.

Седина – Хорнетт предпочитал называть цвет своих волос «соль с перцем» – не только не портила внешность детектива, но придавала ему зрелый и серьезный вид и даже определенный шик, что, безусловно, шло на пользу его профессиональной, а иногда и личной жизни.

У двери звякнул колокольчик, предупреждая, что кто-то поднимается по лестнице и вот-вот войдет в контору. Хорнетт принял позу, которая, по его мнению, лучше всего подходила частному сыщику: ноги на столе, одна на другой, стул на колесиках отодвинут на максимальное расстояние, ягоды прочно уместились на краешке сиденья. В руке зажженная сигарета. *Невозмутимый парень, который никого не ждет, но, конечно*

же, возьмется за очередное дело. Не какой-то там неудачник, больше месяца не видевший ни одного живого клиента и с нетерпением ждущий хотя бы пустякового расследования. Нет, тот жалкий тип – моя полная противоположность!

Дверь открылась. Вошла Алиса.

О черт! Ник мгновенно почувствовал, что, дернувшись от неожиданности, нарушил шаткое равновесие, а стул на колесиках имел опасную тенденцию отъезжать слишком далеко, лишая зад точки опоры. Ему удалось избежать позора и не встретить прекрасную даму вверх тормашками только благодаря крепким щиколоткам.

А посетительница была воистину хороша... и мысленный взглас «*О черт!*» означал высший балл по шкале Ника.

Ко мне вообще не каждый день кто-нибудь заходит, а уж такие красавицы... Мой типичный клиент мал ростом, лыс и пузат. Он жаждет приключений, предъявляет фотографию женщины – мерзавки, которая, как он совершенно уверен, его обманывает. Вышеупомянутая мерзавка – обычно жуткая уродина, такая старая и противная, что непонятно, как она сумела выйти замуж. А уж роман на стороне и любовник равносильны чуду вроде двух выигрышей подряд в лотерею. Тем не менее муж уверен в существовании любовника – очевидно, его это успокаивает, поддерживает иллюзию, что жена еще очень даже... соблазнительна. И я начинаю следить за якобы изменщицей, ни о чем не думаю, не реагирую на проходящих мимо красоток, смотрю только на морщинистую каргу. Фотографирую страницу, делаю крупные планы, ругаю последними словами счастливых парочек, которые приезжают на экзотические острова, забираются на кокосовую пальму и снимают топ-моделей, а те купаются голяком в синих океанских водах.

И вдруг эта богиня... Невозможно, она ошиблась дверью и сейчас спросит, здесь ли сдают в аренду «ягуары» или стригут пуделей, потом улыбнется и испарится.

Мысли теснились в голове сыщика – он всегда думал быстро, слишком быстро. Он считал это большим преимуществом в деле, которым занимался, хотя от мозговой гимнастики у него часто случалась мигрень. Ник скомандовал себе: «Все, хватит, наслаждайся зрелищем!»

Алиса была в достаточно короткой клетчатой юбке, чтобы он мог вдоволь любоваться ее ногами.

Господи боже ты мой, до чего же я люблю женские ноги... Особенно такие стройные!

Ник поднял глаза на свободный зеленый джемпер с треугольным вырезом.

Мне нравится грудь женщин в декольте. Я вообще люблю все, что они показывают... частично. О прекрасная незнакомка, в ожидании всего остального, заявляю, что очарован твоими ножками!

Ник, конечно, думал очень быстро, но Алиса начинала терять терпение, а ему совсем не хотелось проявлять вежливость и предлагать ей сесть. Грех прятать красоту под столом.

– Извините, мисс, задумался... – как во сне произнес Хорнетт. – Садитесь, прошу вас.

Алиса опустила на стул.

Зачем ты это сказал, кретин? Роль старого порочного увальня тебе неплохо удавалась. А теперь молись, болван, чтобы причиной ее прихода оказалась не измена мужа, которого она продолжает любить. Не хочет с ним расставаться. Пытается избежать скандала. Из-за детей!

Алиса начала рассказывать свою историю – второй раз за день.

Да, женщина с такими печальными глазами (и такими ногами) не могла прийти из-за пошлого адюльтера. О нет, она намного выше этого. Грусть, решимость, достоинство. К тебе явилась не клиентка, малыш Ник, а героиня романа! Соберись и слушай даму.

А дама рассказывала о договоре.

Четыре экземпляра. Знак четырех. Как в романе Конан Дойла. Секрет, договор... Черт возьми, а дело-то почти такое же интересное, как сама дама! Загадочное и увлекательное. Ну же, Ник, улыбнись, сделай умное лицо, прикинься компетентным, кивай, играй мускулами, поверни голову и продемонстрируй седеющие виски – в них все твоё обаяние. Делай что хочешь, но задержи ее.

Алиса перешла к миссис Арлингтон.

Дама из конгресса, я верно расслышал? Сенатор от Вирджинии? Интонация была такая, словно я должен ее знать. Надо притвориться, что знаю, но не хочу перебивать. Конечно, кому, как не мне, знать всех конгрессменов? Да я вообще со всеми политиками на короткой ноге – ну, кроме президента... Семья Арлингтон, правильно? Мне знаком только Том Скотт-Арлингтон, который полсезона 1956-го играл за «Пум» из Сан-Диего. Форвардом второй линии.

– Вот и все, – заключила Алиса и улыбнулась разящей наповал улыбкой. – Полагаете, этого будет достаточно, чтобы выиграть процесс?

У Ника в голове крутилось другое.

Это волшебное создание думает об одном-единственном мужчине,

который погиб двадцать лет назад. Невероятно! Друзья скинулись и послали тебе эту модель, так давай, жми на педали, не уппусти шанс всей твоей жизни.

– Мы его выиграем, мисс, – с жаром пообещал он. – С таким количеством свидетелей дело будет сделано на раз.

Ну зачем ты это сказал, придурок?! Нужно было убеждать ее, что судиться придется годами, наше сотрудничество затянется и мы проведем вместе сотни бессонных ночей.

– Я пришла к вам, потому что не знаю, как подступиться к делу.

Он распрямил плечи, откинулся на спинку стула.

– Случай не такой уж и сложный, мисс, главное – выбрать правильный метод. Взять показания у всех, даже если это займет много времени. Важнее всего свидетельства сержантов, но они могут оказаться не в курсе. Потом придется устанавливать личность того типа, Дрочилы, что вряд ли окажется непосильной задачей. Узнаем имя, найдем его, он отдаст нам договор – и дело в шляпе. Возможно, получится избежать суда. Последняя линия – Алан – самая шаткая, но мы ничего не оставим на волю случая. Необходимо дать объявления в газеты по всей стране. Алан объявлен пропавшим, но может быть жив, а даже если и погиб в сорок четвертом, что наиболее вероятно, кому-то из членов семьи наверняка прислали его вещи. Примем за данность, что у Алана было два экземпляра договора, его собственный и тот, что принадлежал Лаки. Итак, мы имеем три направления расследования. Иногда берешься за дело, не представляя, с чего начать, а тут... Считайте, знаменитая миссис Арлингтон уже выписывает вам чек.

Хорошо сказано! Если она променяет меня на кого-нибудь из моих коллег, запишусь добровольцем во Вьетнам.

– Я бы предпочла... – откликнулась Алиса и замолчала.

Что именно она предпочла бы? Ну да, чек. Но почему?

– Предпочла, чтобы так все и получилось, потому что сейчас, – продолжила Алиса, – у меня нет денег на частного детектива, особенно такого знаменитого.

Она шутит или похвала искренняя? Это что, ловкий прием, лишь бы меня заарканить?

– Конечно, если я выиграю процесс, – с обезоруживающей улыбкой сказала Алиса, – вы возьмете из полутора миллионов столько, сколько посчитаете нужным.

Она еще и умна. Материальная заинтересованность – великое дело. 1 миллион 440 тысяч долларов... Даже за один процент от этой суммы я

буду день и ночь работать сам и заставлю трудиться всю семью, вплоть до малолетних кузенов из Арканзаса.

– Миллион четыреста сорок тысяч долларов – огромные деньги. – Ник покачал головой.

Глупая фраза. И сам ты идиот. Не забывай – перед тобой героиня романа, а не торговка коврами.

– Только не думайте, что дело в деньгах, мистер Хорнетт. Миллионы меня не интересуют. Я не прикоснусь к деньгам Арлингтонов. Я затеяла все это в память о Лаки, он погиб из-за проклятого договора, значит, нужно добиться его выполнения, иначе получится, что его смерть была напрасной. Понимаете? Может показаться глупым ворошить прошлое двадцать лет спустя, но так моя жизнь обретает смысл. Как и жизнь Лаки. Нужно все стереть, чтобы мел снова стал скалой.

О чем она?

– Не понимаю...

– Простите, – смутилась Алиса. – Мысли вслух. Это из французского стихотворения. Забыла сказать, что преподаю французский. Слышали о Жаке Превере?

Красавица моя, я спец по бейсболу. А французских стихоплетов знаю так же хорошо, как пакистанских гончаров.

– Увы.

– Он написал это во время войны. На английский перевести почти невозможно.

Милая моя Алиса. Ты бриллиант, ты чиста душой и прекрасна телом. А ты, бедняга Ник, влюбляешься в этот бриллиант. Берегись. Давно тебя таким не видел. Да никогда не видел, чего уж там.

– Конечно, – прошептал сыщик.

Что – конечно? Скажи что-нибудь еще. Конечно – идиотская реплика. Она решит, что ты совсем без мозгов.

– Не тревожьтесь, мисс Куин, – добавил Ник, – я вовсе не считаю глупыми ваши действия, напротив – испытываю уважение. Меня восхищает чувство, не поблекшее и через двадцать лет.

– Благодарю, мистер Хорнетт. Каким бы странным это ни казалось окружающим, Лаки – единственный мужчина, которого я любила... и всегда буду любить.

Проклятье.

Скорбное ожидание

Июль 1964

Изиньи, Нормандия

Могло показаться, что все жители Изиньи и окрестностей назначили друг другу встречу на один и тот же час в одном и том же месте – на крошечной местной почте. Как случилось, что в пустынной сельской местности к единственному окошку выстроилась длинная очередь?

Никто из клиентов не сетовал на неторопливое обслуживание.

Рабочий-иммигрант хотел отправить несколько сотен франков своей семье, живущей в деревушке в самом сердце Мали, а служащий в окошке таранился на него так, словно его впервые попросили совершить столь сложную операцию. Старушка намеревалась опустошить свой счет (оставив на нем несколько франков) и уйти домой со сбережениями всей жизни в матерчатой кошелке. Мужчина в подпитии громко возмущался, не веря, что его деньги взяли да и закончились. Коммерсант принес недельную выручку – три тяжелых мешка желтых монет в столбиках по десять штук. Дети бегали, вопили и то и дело цеплялись за стойку.

Лизон Мюнье не нервничала. У нее было полно времени. Она каждый месяц совершала маленькое паломничество, это стало ритуалом в память об ушедшем, исчезнувшем. Другие ходят за этим на кладбище. Стояние в очереди превратилось в часть ритуала – как похоронная процессия, осознанное замедление шага, имеющее целью заставить мозг думать и молиться, вспоминать последние двадцать лет, Алана, прежнюю жизнь... Лизон тихонько продвигалась к окошку – и вспоминала. Иногда особо нетерпеливые клиенты вставали перед ней, пользуясь ее задумчивостью.

Смешно. Нелепо. На службе в церкви никто ведь не лезет без очереди, чтобы причаститься.

Оказавшись у цели, она протягивала конверты служащему, который старался не смотреть в ее грустные глаза.

– В США? – спрашивал он.

– В США, – подтверждала Лизон, платила и уходила. Она уже пять месяцев давала короткие объявления в американские газеты.

Ищу Алана Ву, 41 года, родившегося в Кнутсоне, штат Огайо. Исчез в феврале 1964 года. Связаться с Лизон Мюнье, Шато-ле-Дьябль, 14250, Кальвадос, Франция.

Пока что она не получила ни одного ответа.

Лизон посмотрела на часы. 11:15. У нее есть время до полуденного

автобуса. Очередь сегодня оказалась не такой уж и длинной. Чем занять время? Пройтись по магазинам? Не хочется...

Месяц назад Лизон продала «Завоеватель» Рене Мюло – молодому симпатичному парню из местных. У нее закончилось терпение. Она больше не могла улыбаться через силу и целый день выслушивать шутки и жалобы посетителей. Лизон редко выходила из дома, шила на заказ, вышивала. Свадебные платья, крестильные рубашечки, скатерти и салфетки для гостиничных ресторанов. Сотрудничала с музеем Вайе – делала для них реплики. Когда-то она все это ненавидела, а теперь работала как машина – точно и монотонно. Руки были заняты, мозг – нет. Завсегдатаи бара из Шато-ле-Дьябль завели манеру звать ее Пенелопой.

Лизон все реже там бывала.

Как же убить время до автобуса? Купить газету? И что она там прочтет? Лизон решила посидеть на лавочке под козырьком остановки, где уже устроилась грязная старуха, та кормила хлебom воробьев и ругательски их ругала.

Старая дама и парикмахер

5 июля 1964

Фаррагут-Норт, 1351, Вашингтон

День подходил к концу. Эмилия Арлингтон была единственной клиенткой Теда Силвы. Он сегодня припозднился с закрытием – по настоянию миссис Арлингтон, а миссис Арлингтон это вам не невесть кто! С улицы салон Силвы можно было заметить только по узкой двери с матовым стеклом, выходящей на Фаррагут-Норт. По улице ездили машины, а пешеходов практически не было. Зайти сюда могли лишь завсегдатаи.

Силва, само собой, слышал об Эмилии Арлингтон. Он специализировался на влиятельных персонах Вашингтона. Тед всегда был в курсе событий, имел выдающуюся память на сплетни и помнил о самоубийстве Оскара Арлингтона. Миссис Арлингтон приказала себе крепиться, оставила пальто в гардеробе, позволила накинуть на плечи голубой пеньюар, сдержалась, когда мастер бережно приложил ладони к ее вискам, потянул голову назад, вымыл шампунем волосы, не обращая внимания на текущую по шее воду, и помассировал пальцами кожу.

Ужас!

Много лет назад она поклялась никогда не переступить порог парикмахерской, сама мыла голову и подстригалась.

Тед Силва болтал обо всем и ни о чем, о творящихся безобразиях, мерзостях жизни и красоте ее волос...

У меня плохие волосы, как, впрочем, и все остальное... Миссис Арлингтон не заблуждалась насчет своей внешности, поэтому терпеть не могла доморощенных Фигаро. Какая это мука – сидеть в кресле и смотреть на собственное отражение в высоком зеркале, на жидкие мокрые волосы, облепившие морщинистое лицо.

Тед не умолкал. Разговоры... Еще одна попытка, подумала Эмилия Арлингтон. Почему люди так легко открываются своему мастеру? Незнакомому человеку, в салоне, набитом старушками в бигуди? Как можно обсуждать насущные проблемы и важные дела с посторонними людьми – торговцами, секретаршами, домохозяйками, соседками? Как

вытерпеть все эти «Добрый день, как поживаете?», болтовню о погоде, быстротечности времени, зеленеющей траве, подрастающих детях, слишком коротких отпусках и бесстыдно высоких налогах?

Любые разговоры с кем угодно, которые мы вынуждены вести, по большей части глупы и банальны.

Эмилия желала беседовать только с равными и на серьезные, тщательно выбранные темы. Она никогда не смогла бы избираться от округа, пожимать руки, встречаться с людьми на улицах, изображать интерес к их проблемам, выслушивать и кивать с понимающим видом. Это было бы выше ее сил. Между тем Эмилия Арлингтон не думала, что подобное положение вещей способно помешать ей хорошо делать свою работу. Кроме того, она считала большинство политиков лицемерами. Их избирают, чтобы писать законы – методично, отстраненно и нейтрально. Да, она держит дистанцию с народом, с избирателями, с мало что понимающими гражданами, что есть лучшее доказательство ее честности и неподкупности.

А парикмахер не умолкая перебирал, мямл, теребил волосы сенаторши и рассуждал о дорожных работах.

– Сейчас-то тихо, потому что время позднее, и эти бездельники – строительные рабочие – разошлись по домам, но днем от грохота просто житья нет. Жуткий, просто адский грохот! Они, видите ли, делают тротуар. Разве мне нужен тротуар, спрашиваю я вас? Зачем мне тротуар? Чтобы все кому не лень шлялись по улице, заглядывали через застекленную дверь, заходили внутрь? Я принимаю только по рекомендации. У меня избранная клиентура, с тротуара я никого не принимаю!

Пора переходить к делу, решила миссис Арлингтон. Судя по всему, этот Силва не собирался делать первый шаг. Он отлично играл роль угодливого мастера. Вообще-то именно этого и требовали условия игры, но куафер получал от нее удовольствие. Тогда Силву порекомендовал миссис Арлингтон Гораций Халдас. Он рассказал Эмилии, что Тед оказывает особые услуги, только поэтому она и не сочла это шуткой. Бедняге Горацию было не до веселья: как только он начал строить особняк в Луизиане, на затопляемых землях, да еще и на деньги из общественных фондов, ему на хвост села цела свора журналистов. Этому человеку можно доверять, а значит, надежен и Тед Силва. Эмилия Арлингтон окончательно убедилась в этом после мотоциклетной аварии, в которой погиб уж слишком настырный молодой репортер, надоедавший Горацию.

Видимо, первый шаг должна сделать клиентка, подумала миссис

Арлингтон и сказала:

– У всех свои трудности, мистер Силва, сегодня никто не застрахован от неприятностей.

– Даже такие высокопоставленные особы, как вы, миссис Арлингтон? – изумился парикмахер. – Влиятельные, наделенные властью?

– Они в особенности. Тот, кто на виду, чаще других становится объектом нападков со стороны недоброжелателей. Люди с трудом переносят чужой успех и прячут собственную посредственность за стойкой ненавистью.

– Мне ли не знать.

– Эти паразиты... Эти люди не имеют больше ни капли уважения ни к традициям, ни к труду, не говоря уж о семье! Семья...

– Это самое ценное, мэм. Я сам...

Эмилия Арлингтон решила перебить собеседника – не хватало только разговора о клане Силва, наверняка ужасно многочисленном. Она, конечно, готова лицемерить, но не до такой степени.

– Видите ли, мистер Силва, *моя* семья выше всяких подозрений. Получив удар, она скорбит, однако и в страданиях не теряет достоинства!

– Кто бы посмел усомниться, миссис Арлингтон?

– Представьте себе, такие люди есть.

Тед Силва всегда был сдержан. Благоразумие стало его девизом. Он ничего не сказал, только вздернул брови.

– Сегодня утром, – продолжила сенаторша, – ко мне в кабинет пришла одна из таких паразиток... Алиса Куин! Эта женщина живет в доме триста восемнадцать по Индиана-авеню.

Тед продолжал возиться с прической важной клиентки – и запоминал.

– Чудовище, – продолжала между тем Эмилия, – змея, желающая запятнать честь моего сына, героя, награжденного Голубым крестом за отвагу, тварь, шантажистка!

– Господь посылает нам подобных существ, чтобы испытать, – сочувствующим тоном произнес Силва.

– Подобные испытания невыносимы, – сухо бросила миссис Арлингтон.

– Они скоротечны, поверьте. Если позволите, я буду молиться за вас.

Парикмахер на секунду перестал щелкать ножницами, открыл ящик стоявшего справа шкафчика, достал маленькую белую карточку и протянул миссис Арлингтон.

На картонке была надпись *Ex-voto*.

– Это небольшая ассоциация, – почти застенчиво пояснил Тед. –

Тесная, семейная молитвенная группа. Мы пытаемся со всем возможным благочестием бороться со злом и бедами нашего мира. Иногда Всевышний нас слышит и откликается. Рай, должно быть, напоминает заполненную просителями приемную бюрократа. Не хочу хвастаться, но наши моления часто оказываются действенными. Не исключаю, что «небесный чиновник», который занимается нашими просьбами, особенно ревностен.

Эмилия Арлингтон взгляделась в карточку. Идеальное исполнение. Никаких имен, только название ассоциации. *Ex-voto*. Справа внизу номер банковского счета.

– Мы – добровольная организация, – продолжил Тед. – Существоем на пожертвования нескольких щедрых благотворителей. – Парикмахер завел речь о черном гетто, которое наступает на центр города, и белые со дня на день будут вытеснены оттуда. – Я не горжусь тем, что теперь закрываюсь в восемь вечера. Раньше все было иначе. Можете вообразить, что в Вашингтоне белые исчезнут с Молла? С Фогги-Боттом? С Капитолийского холма? Из парка Вест-Потомак?

Миссис Арлингтон больше не слушала. Решительно, Тед Силва – мистер Совершенство. Дело сладилось за две минуты в три фразы. Никто не произнес слов *преступление, убийца, заказ*. Клиентка посетила своего мастера. Что может быть естественней? Парикмахер – по совместительству добрый христианин. Банально? Конечно! Гораций Халдас уточнил, давая наводку, что клиент жертвует ассоциации *Ex-voto* немного денег – так принято, – причем не откладывая. Поощряет, так сказать, молитвенный пыл... Потом, если молитвы бывают услышаны и *счастливый* несчастный случай избавляет человека от неприятностей, он кладет на указанный счет кругленькую сумму. Число нулей зависит от степени удовлетворенности клиента или клиентки. Многие из осторожности выплачивают деньги небольшими траншами. Контрактов никто не подписывает. Все основано на взаимном доверии. Тед Силва, по словам Горация, работает на избранных, клиенты передают его *из рук в руки*. В Вашингтоне, этом всеамериканском эпицентре скандалов, работы у Теда всегда хватает.

Божественный гнев, подстегнутый молитвами парикмахера, обрушивался стремительно и без промаха.

Оригинальность системы, изобретенной Тедом, покоилась на убежденности, что пуританские семейства, оказавшись замешанными в скандале, ужасно пугаются. Разве могут эти благочестивые буржуа заговорить об *убийстве*? Придумать хитрый план и нанять киллера? Боже упаси, разговор может идти лишь о высшем правосудии. В парикмахерской

Теда Силвы велись разговоры о работе, семье, морали, государственных интересах. Потом остается одно – каждый день внимательно читать в газете раздел происшествий. Если Провидение сработало добросовестно, следует его отблагодарить, сделав щедрое пожертвование. Все очень просто. Впоследствии каждый сам договаривается со своей совестью, но человек склонен быстро забывать все эти щекотливые истории и считать себя изумительно невинным.

Миссис Арлингтон плевать хотела на притворство и лицемерие. Она перед совестью не отчитывалась и осознанно брала на себя ответственность за то, что заказала убийство. От Теда Силвы требовались молчание и эффективность. Все остальное – лирика. Теперь все улажено, и ради этого стоило помучиться в парикмахерском кресле.

Сенаторша через силу слушала банальности, изрекаемые Силвой. Не стоит обижать нужного человека. Мало ли как жизнь сложится.

А Тед болтал – совершенно механически – и причесывал – так же механически. Заметив, что миссис Арлингтон отвлеклась, он умолк и принялся насвистывать, обдумывая новое *дело*.

Аппетитный заказ. О такой клиентке можно только мечтать. Вне подозрений. Высокоморальна. И главное, абсолютно кредитоспособна. В последнее время кризис заставил парикмахера стать чуть менее привередливым в выборе клиентов. Скандалы больше не наполняли атмосферу столицы, а может, журналисты обленились и свои бомбы готовили не так тщательно. Несчастные случаи подстраивать становилось все сложнее, а уж о полной достоверности говорить и вовсе не приходилось. Месяц назад жалкий докторишка, чья жена врезалась на машине в дерево на берегу канала, никак не хотел расплачиваться, заявлял, что не знает никакого Теда, в парикмахерскую зашел постричься и, наверное, пожаловался мастеру на проблемы, а потом сделал небольшое пожертвование ассоциации *Ex-voto*, но все это никак не связано с аварией, в которую, к несчастью, попала его жена... «Да, мистер Силва, жена оставила мне солидное наследство, но умоляю, уважайте мою скорбь».

Теду Силве пришлось обеспокоиться лично (чего он ужасно не любил, это могло его скомпрометировать) и объяснить коротышке-доктору закон серийности. Жестокая судьба часто наказывает одну и ту же семью несколько раз подряд. За первой аварией вторая, за второй – третья и так далее. Вы меня понимаете? Хотите вызвать полицию? И что вы им скажете?

Врач заплатил почти сразу, но Тед остался недоволен. Споры и угрозы так пошлы, так мучительны. Его работа не подразумевает торга.

Эмилия Арлингтон повела дело элегантно, как он любил. Ни одного лишнего слова. Пара намеков, несколько пожеланий, фамилия, адрес – и готово. Возможно, сенаторша в своем праве, возможно даже, ее действительно достает бессовестная наглая девка. Шантажисты – бич демократии, и Тед спасает общество, стирает грязное белье американского правосудия. А с нечистой совестью он умеет договариваться не хуже клиентов.

Прекрасный получился денек! Тед мог гордиться своей работой – он справился с жиденькими волосами миссис Арлингтон, стрижка удалась.

Жестом тореадора он сдернул голубой пеньюар и осторожно смахнул с шеи волоски, после чего подал ей зеркало, чтобы она смогла оценить, как получился затылок.

Неплохо! Эмилия вынуждена была это признать – и признала, что Тед оценил по достоинству. Женщина говорила искренно, а это случалось не так часто, хотя Силва всегда старался, чтобы клиенты уходили от него похорошевшими.

Миссис Арлингтон не терпелось уйти – болтливый тип ее достал. Он попросил за стрижку двадцать три доллара, протянул сдачу, Эмилия отказалась, и он оставил деньги себе. Не без ужимок.

Проводил парикмахер клиентку ритуальной фразой:

– Наши молитвы будут сразу услышаны. – И закатил глаза. – Я знаю верные пути.

– Нисколько не сомневаюсь, мистер Силва.

Миссис Арлингтон убедилась, что на тротуаре никого нет, и прошептала в самое ухо парикмахеру:

– Убейте эту мерзавку, пока она не разворошила навозную кучу!

Сенаторше хотелось хоть раз увидеть застывшую улыбку этого типа, с которым они больше никогда не встретятся. Стервятник, падальщик, он кормится на помойках богатых семей.

Покачав головой, как ребенок, случайно услышавший бранное слово, он вернулся к себе в салон и вздохнул с облегчением, вспомнив, что час назад отпустил свою ученицу Терезу, а тротуар перед витриной, к счастью, пуст.

Чертова работа, подумал он и закрыл за собой дверь.

5 июля 1964

Национальный Молл, Вашингтон

Ночь опускалась на Молл, широкую зеленую эспланаду, которая ведет от Капитолия к монументу Вашингтона, и дальше, мимо Белого дома, к мемориалу Линкольна на берегу Потомака. Официальное название – Национальный Молл, в просторечии – «передний двор Америки».

Над рекой поднимались плотные клочья тумана и плыли к высоким административным зданиям, отстоявшим от берега на сто метров. В тумане можно было различить фигуры прохожих, шпили и американский флаг – кусок ткани, больше напоминавший саван.

Трава была влажной, но Алису это нисколько не заботило, ей всегда нравился такой лунный пейзаж. Недалеко от нее группа подростков играла в бейсбол, хотя в тумане ни черта не было видно. Девушки визгливо хохотали, привлекая внимание парней. Когда-то и у Алисы в жизни было такое.

Она прошла мимо них к длинному мемориальному водоему. От воды поднималась легкая дымка. Алиса любила холодную воду, озера, бассейны и застывшие фонтаны, когда заходящее солнце больше не золотило водную гладь, ветер стихал, с улиц исчезали прохожие, а птицы отправлялись на ночлег. Мертвая, холодная и черная вода без единой складочки напоминала Алисе пустынный пляж с обрывистым меловым утесом.

В самом конце Молла стоял памятник Линкольна. Алисе показалось, что великий человек смотрит на нее с насмешкой. Фигура в огромном кресле вызывала в памяти Александра Великого, Зевса, Тутанхамона... Таков был замысел скульпторов, и они сумели воплотить его в камне. Линкольн наблюдал за миром, глядя прямо перед собой. На землю опускался вечер, клочья тумана цеплялись к бороде президента, словно мудрый патриарх курил трубку. Линкольн сторожил свой город, свою страну и правосудие.

Белый призрак успокоил Алису. В конце концов, она обычная средняя американка, которой с детства внушали мечту о великом едином государстве. Она верила в нее, хотела верить в торжество права, для которого нет богатых и бедных, а есть невинные и преступники. Алиса вспомнила, как смешно смущался Ник Хорнетт, как лепетал и сразу загорелся желанием помочь. С удивившим ее саму удовольствием она подумала, что осталась привлекательной. Сегодня она пустила в ход все свое очарование, даже юбку надела, чтобы убедить сыщика работать на нее бесплатно. Из чувства долга, ради Лаки...

Да, она может соблазнить этого мужчину, но не хочет этого делать. Алиса подобна холодной черной воде и полна решимости осуществить задуманное.

18

По меньшей мере 51 свидетель

3 сентября 1964

Агентство Хорнетта, 11-я улица, 115

– Скажите честно, мистер Хорнетт, какие у нас шансы? – спросила Алиса. – До суда осталось десять дней. На каком мы свете?

До чего же она хороша... даже в длинной юбке!

Ник любовался этой женщиной и даже не пытался скрыть восхищение.

Она права, процесс начнется через десять дней. Жаль, что не через десять лет. Скоро Алиса перестанет быть моей клиенткой. Будь позитивным, Ник, покажи даме, что хорошо поработал, она будет гордиться тобой и влюбится по уши. Думай о деле. Если вы выиграете, Алиса будет прыгать от радости, обнимет тебя, даже поцелует. Возможно. А если не додумается, постарайся сам не упустить случай.

– Мы победим, Алиса, я хочу этого не меньше вас. *(Прозвучало искренне, надеюсь, мой вид ее убедил.)* Давайте спокойно разложим все по полочкам, Алиса. Некоторые моменты обнадеживают, другие вызывают сомнения...

Продолжай в том же духе и поменьше ной.

– Итак, у меня полсотни и один очевидец, и все покажут, что видели, как Оскар вытянул четвертый номер, и сорок три свидетеля, помнящих, что у Лаки был номер сто сорок восемь. В рапорте о штурме, составленном лейтенантом Дином, зафиксировано, что Лаки стал четвертым рейнджером, помчавшимся к стене со взрывчаткой. Я получил тридцать восемь письменных показаний, тридцать четыре человека готовы явиться в суд. В том числе лейтенант Дин. Сами видите, их более чем достаточно, чтобы убедить любого судью.

– Обмен жребием, понимаю. Но что насчет мотива этого обмена? Я о договоре...

Ну конечно, само собой, не считай ее идиоткой.

– Именно тут механизм заедает. Никто не сможет отрицать, что обмен

номерами состоялся, но всего двадцать три свидетеля слышали историю об одном миллионе четырехстах сорока тысячах долларов.

– *Всего двадцать три?* – воскликнула Алиса. – Да это невероятно много!

Знаю, красавица моя, никто, кроме меня, не добился бы такого результата. Но меня вела любовь.

– Потребовалось время, но в этом нет ничего особо гениального. С таким количеством свидетелей мы быстро начинаем ходить по кругу.

– В каком смысле?

– Просто я отыскал всего пятерых, которые собственными ушами слышали, как Оскар Арлингтон предложил обменять свой номер на другой и обещал заплатить по десять тысяч долларов за каждое следующее число.

– Разве недостаточно пяти свидетелей?

– В том-то и дело, что их может не хватить. Адвокат ответчицы начнет щекотать им нервы, давить, и они признают, что Оскар, вероятно, пошутил. Мол, сначала все восприняли его слова всерьез, но потом поняли, что это был дурацкий розыгрыш.

– Вашим свидетелям будут щекотать нервы?

Щекотать... Как притягателен этот выразительный глагол в твоих устах...

– Хороший адвокат – а у Арлингтон будут лучшие юристы, можете быть уверены – обязательно именно так и поступит.

– А договор?

– Договор... Я как раз собирался об этом поговорить. Из двадцати трех солдат, *слышавших* о документе, всего четверо имели, скажем так, *прямой* источник информации. Их посвятил в эту историю сам Лаки. Оскар никогда никому ничего не рассказывал.

– Но слух разошелся мгновенно, и Оскар ничего не отрицал.

– Вы попали в точку, это важный пункт, но убедит ли он судью? Да, обмен жребием состоялся, тому есть пятьдесят один свидетель. Как минимум. Насчет всего остального – ни одного доказательства, только слух, основанный на заявлениях Лаки, сделанных до гибели.

– И умолчания Оскара.

– Буду с вами честен, Алиса. Нам может не хватить этих доказательств, чтобы выбить из старухи Арлингтон полтора миллиона долларов. Несмотря на всю нашу с вами уверенность.

Отлично, Ники! Особенно хороша последняя фраза. «Наша с вами уверенность...» У нее загорелись глаза, я видел! Уверенность – правильное слово... А «наша с вами» подразумевает сообщничество.

– А как же четыре экземпляра договора? У Алана Ву? У Дрочилы?

Сейчас расскажу, моя Алиса, как я месяц бегал с высунутым языком и ни разу тебе не изменил.

– Четыре экземпляра договора... Один у Оскара Арлингтона, его нам не видать как своих ушей.

Следи за языком, Ник, девочка вряд ли любит вульгарных грубиянов.

– Алан Ву... Теоретически у него было два экземпляра – его собственный и тот, что он после штурма забрал вместе с личными вещами Лаки. Семьи у Алана не было, только дядя, не имевший сведений о племяннике, пропавшем без вести в сорок четвертом.

– Он тоже был сиротой?

– Да.

– Надо же...

– И правда, странное совпадение. На мои короткие объявления никто не откликнулся. Я на всякий случай продолжаю, но Алан, судя по всему, пропал с концами.

– Вы посылали эти объявления в нормандские газеты?

– Зачем?

– Ну, не знаю. Вдруг он был только ранен во время высадки и кто-то из местных его подобрал и выходил.

Черт возьми, это же так очевидно! Оттуда и следовало начать. Ну ты и кретин, Ники. Прекрасная дама вряд ли будет гордиться таким посмешищем.

– Ну... Да... Вы правы. Это ведь не повредит, можем попробовать, верно? И остается Дрочила, – смущенно продолжил сыщик.

Прости, Алиса, я не стану называть его ни «тайным онанистом», ни «железной рукой».

– Я расспросил больше половины ребят из отряда. Никто не вспомнил имя. Все звали его Дрочила. Но у меня есть детальное описание.

– Какое именно?

– Брюнет, рост средний, глаза светлые, легкий южный акцент. Возможно, строитель. Разговорчив. Еще бы, с таким-то прозвищем.

– Маловато деталей.

Делаю что могу, детка, и мне непросто, твоя история мхом поросла, знаешь ли.

– Речь идет о событиях двадцатилетней давности, Алиса, поэтому мое расследование носит специфический характер.

– Знаю, Ник. Мне очень жаль, правда.

Ник, она назвала тебя Ником! Впервые сказала не «мистер Хорнетт», а Ник. Ух ты!

– В любом случае круг сужается. Дрочила не относится к числу рейнджеров, с которыми я общался. Надеюсь, что так. Не исключено, что мы говорили по телефону и он не признался. Не хотел неприятностей или просто забыл идиотское прозвище. Вообразите эту беседу, Алиса.

Я: Добрый день, я ищу человека по прозвищу Дрочила.

Он: Это я...

Я: Рад вас слышать, мистер... мистер...

Он: Прошу вас, зовите меня Боб...

Кроме того, я мог позвонить в тот момент, когда рядом были его жена и дети, все святое семейство на диванчике. Они никогда не слышали этой клички, вот отец и изобразил потерю памяти.

– Неутешительно...

– Да уж... Зачем Лаки взял в свидетели такого парня? Если считать, что все мои собеседники были честны и ничего не придумали, я могу выбирать из десяти фамилий. Многие рейнджеры переехали, и найти их оказалось невозможно. Вот так.

Да, вот так, милая, это все. Не стану признаваться, что целый месяц вкалывал как галерный раб, засыпал поздно вечером, пристроив голову на папки – ведь тебя-то рядом не было... За вознаграждение в один доллар! А теперь, Ник, поверни лицо на три четверти, покажи седеющие виски и улыбнись.

– Вы проделали фантастическую работу, Ник.

Спасибо.

– За такой короткий срок.

Еще раз спасибо.

– Без денег. Не знаю, что бы я без вас делала.

– Пустяки, Алиса, я сделал все, что мог.

Брось, Ники, она права, ты сделал намного больше, и даже улыбка Алисы не компенсирует твоих затрат.

– Вы сделали намного больше, Ник.

– Пусть вознаграждением станет ваша улыбка!

Эй, эй, что на тебя нашло, приятель? Ну вот, она улыбается, а ты похож на идиота. И наверняка покраснел как помидор. Шляпа! Простофиля! Ну давай, продолжай, скажи хоть что-нибудь.

– Мы выиграем этот процесс, Алиса, я не сомневаюсь. С нами Лаки, а он никогда не проигрывал, сами знаете. Его удача с нами!

– Спасибо, Ник.

«Его удача с нами»... Что за идиотство! Да уж, ты отличился, старина Ник. Взял и вытащил из небытия Лаки, говоришь с Алисой про его

улыбку. Предположим, чудо произошло, она не устояла перед обаянием сидящего красноухого простака и начала забывать прошлое, тут-то ты и позвал на помощь привидение. Кретин, ты ее не заслуживаешь.

19

Цветы Национального Молла

3 сентября 1964

Национальный Молл, Вашингтон

Вторая половина дня выдалась солнечной, и горожане всех возрастов заполнили улицы. Мячи катались и прыгали между колясками, утки лакомились полдниками капризных детей. Памятники сверкали белизной, как и новые дома в пригороде. Линкольн наблюдал, как его стадо пасется на лугу. Отдавая дань уважения великому человеку, молодые солдаты в мундирах восемнадцатого века играли на флейтах, дудках и барабанах ритурнели времен Гражданской войны. Лето уже подходило к концу. Чернокожие сторонники Мартина Лютера Кинга и лохматые хиппи, любители плачущей гитары Джоан Баэз, еще не вытоптали зеленую траву лужаек.

Алиса вышла из агентства Ника на 11-й улице и решила пройтись по Моллу, прежде чем возвращаться в свою квартиру на Индиана-авеню. Впервые за долгое время ей было радостно. Приближался суд, нашлись люди, готовые свидетельствовать в память о Лаки. Она не может проиграть. Даже без формальных доказательств любой честный человек сразу поймет, где правда.

Мимо Алисы прошел молодой офисный служащий. Он спешил, как все столичные клерки, и все-таки потратил несколько секунд драгоценного времени, остановился, оглянулся.

Ну вот, теперь на нее оборачиваются, а ведь она по-прежнему чувствует себя... невидимкой. Но не совсем прозрачной, усмехнулась она, вспомнив Ника.

Он ей нравился.

В другой жизни она могла бы полюбить этого мужчину – забавного, путающегося в словах, хмурящего брови. Он как будто все время думает о том, что скажет в следующую минуту, но нервничает и еще сильнее запинается. Ник пытается скрывать чувства, но у него это не очень

получается. Он веселил Алису, заставлял ее улыбаться, и она с ним играла. Печальная, занятая предстоящим процессом и воспоминаниями о Лаки, женщина все-таки позволяла себе то кокетливый взгляд, то нежное слово, чтобы подбодрить преданного сыщика-волонтера.

Зачем Алиса это делала? Намекала, что потом, когда они добьются правды, все может получиться, почему бы и нет?

Почему бы и нет...

Алиса не хотела задумываться. Во всяком случае, не теперь. Потом. Потом... А пока... Будем продолжать игру и морочить голову, хотя он не идиот и все понимает. Тень Лаки будет стоять между ними до тех пор, пока мир не признает, что он пожертвовал собой и должен быть вознагражден – пусть и после смерти. Потом... возможно, потом призрак успокоится и уйдет, освободив Алису. Как знать.

Алиса впервые попыталась взглянуть на свою судьбу и привязанность к Лаки почти отстраненно, под новым углом.

Ник? Почему бы и нет?

А до тех пор лучшей мотивацией для Ника – за неимением денег – будет надежда, пусть даже призрачная.

Алиса миновала Национальную галерею, машинально подсчитав, что не была тут двадцать один год. А когда-то проводила целые дни. В то время она учила французский.

Люди часто критикуют Америку, говорят, что в стране нет настоящего правосудия и справедливости, но в Вашингтоне все-таки существует одна очень важная привилегия. Свободный доступ к культуре всех граждан вне зависимости от цвета кожи и толщины бумажника. Вход в музеи бесплатный, их двери всегда открыты. В Национальную галерею не надо стоять в очереди, посетителей не обыскивают, не выдают им билетов в окошечке кассы. Вы входите в музей, как на вокзал, и можете провести здесь минуту или целый день перед полотнами Да Винчи, Боттичелли, Ван Дейка, Гойи, Ренуара, Кэссетт, Моне... Садитесь на скамейку, читайте газету, пишите письмо, ждите друга. Ни с кем не разговаривайте, если не хотите, и вам никто не станет задавать вопросов. Во время учебы в Вашингтоне, до войны, и с 42-го по 44-й год Алиса проводила в музее часы. Больше всего она любила импрессионистов. Почти ко всем экзаменам Алиса готовилась у картин. В галерее она впервые увидела пейзажи Нормандии, и они показались ей нереальными, просто сказочными. «Вот земля, – думала она, – на которой невозможно умереть».

Особенно ей нравилось большое полотно Ренуара «Девочка с обручем»,

на котором была изображена бледная малышка со странной улыбкой, не по возрасту серьезная. Ее волосы подхватывала лента благородного, строгого синего цвета. Девочка стояла на гравийной дорожке сквера и смотрела на зрителя, пристально и встревоженно. Что скрывала эта малышка, до того печальная, что обруч у нее в руках выглядел неуместным?

Прожив много лет в Австралии, Алиса успела забыть девочку. А сегодня вспомнила и устыдилась, словно та была подругой ее детства, которой она ни разу не написала, а ведь обещала.

Алиса вошла в музей, но не направилась к Ренуару, а принялась бродить, разглядывая невыразительных итальянских красавиц эпохи Возрождения, кровавые ужасы испанской истории, первые кубические опыты Пикассо. Она почти пробежала мимо пейзажей Нормандии и портретов прославленных американских первопоселенцев – уж слишком они напоминали ей одну из нынешних обительниц Капитолия.

Девочка ждала Алису в дальнем углу зала.

На ее молочно-белом лице не появилось ни одной морщинки. Она смотрела на Алису глазами ожившей куклы, и взгляд ее был не таким уж и грустным.

Да, девочка смотрела именно на Алису, забыв о других детях, гуляющих в парижском парке. Она бросила игру и повернулась, чтобы взглянуть на посетительницу.

Нет, Алиса не была невидимкой.

20

Короткое замыкание

3 сентября 1964

Индиана-авеню, 318, Вашингтон

Нельсон Рэйфл сидел на обычном месте, прислонясь к стене дома № 318 по Индиана-авеню. Его вытянутые вперед ноги перегораживали половину тротуара так, что прохожие были вынуждены перешагивать через них. Нельсон зорко смотрел по сторонам, карауля появление Алисы: она каждый день ненадолго выходила – прогуляться или купить продукты. Сегодня в руках у нее ничего не было и она впервые улыбалась – по-настоящему! – и казалась счастливой. Возможно, причиной тому стало ласковое сентябрьское солнце. Нельсон был опытным наблюдателем, умел

незаметно перехватывать взгляды, чем и зарабатывал на хлеб. Он порадовался тому, как выглядит Алиса. Обычно она бывала просто красивой, а сегодня еще и веселой. Женщина сияла. Она и в печальном настроении не забывала бросить монетку в его бейсболку, лежавшую на асфальте козырьком к пешеходам, а вот сегодня прошла мимо и не задержалась рядом с ним.

Счастье делает людей эгоистами, с философской обреченностью подумал Нельсон. Мгновение спустя Алиса вернулась и улыбнулась ему:

– Простите, Нельс, я задумалась и едва не забыла про вас.

Она положила ежедневную дань в бейсболку.

Досадно, подумал Нельсон – отличный наблюдатель, но безнадежный пессимист. Должно быть, ее счастье пока не совершенно.

Алиса набрала код, нажав на стертые кнопки домофона, вошла в дом и медленно поднялась на шестой этаж к своей квартире, впервые за два месяца читая фамилии на табличках. У порогов лежали цветные коврики, на дверях красовались наклейки, на стенах – граффити, признания в любви или ненависти.

Алиса знала, что свет скоро погаснет, – времени хватает, чтобы дойти до квартиры, достать ключи и отпереть дверь, – но сегодня не думала о прозе жизни и сознательно не торопилась.

Она думала о суде, который наверняка выиграет, и о том, какое пристыженное лицо будет у миссис Арлингтон. Сенаторше придется признать, что ее сын был гнилым отбросом и жадным уродом. Эмилии придется не только заплатить, но и извиниться. Не перед ней, а перед Лаки – от имени покойного сына.

Ключ в третьем замке Алиса поворачивала уже в темноте. Она толкнула дверь и протянула руку, пытаясь нащупать выключатель, не входя в квартиру: ей не хотелось топтать конверты, которые почтальон подсовывал под дверь.

Черт, да где же эта проклятая клавиша? Ага, вот – ну слава богу.

Раздался взрыв.

Открытая дверь разлетелась в щепки вместе с частью обстановки – стоявшим в прихожей комодом, телефоном и розеткой. Осыпавшаяся с потолка штукатурка смешалась с обрывками обоев, отвратительных, в желтый цветочек. Фотографии молодого Лаки в рамках за стеклом полетели на пол, шкаф с одеждой, холодильник, полка с банками ягодного варенья, которое прислали в подарок его родители, – все смешалось в бесформенную кучу. Погибли и книги. Смерч пронесся по квартире, вырвался наружу и сбил с ног Алису. Она пролетела целый этаж, упала, и

ее завалило обломками.

21

Анекдот

3 сентября 1964

Индиана-авеню, 318, Вашингтон

Тед Силва наблюдал за происходящим, стоя на перекрестке.

Отличный получился взрыв!

Чернокожий мошенник, изображавший инвалида, первым кинулся к лестнице, даже не высыпав мелочь в карман.

Что-то он неважно выглядит, отметил Тед и медленно двинулся прочь, не обращая внимания на зевак.

Дело сделано, миссис Арлингтон будет довольна такой аккуратной работой. А ведь газ – не совсем его специальность. Ничего, толковый справочник и дотошность помогли. Тед улыбнулся. Да, хорошая работа, может, не самая лучшая, и все же...

Улыбался Тед по другому поводу. Как-то раз он уже работал в этом квартале. Дело было идиотское, одно из первых. В парикмахерскую пришла дама из небогатых и все время, проведенное в кресле, ругала мужа. Тед *решил проблему*, соорудив хлипкие мостки, обрушившиеся под несчастным супругом. Чисто и незатейливо. Он ждал свой чек, а тот все никак не приходил. Пришлось навести справки, понаблюдать и заглянуть к клиентке. Дама третью неделю пребывала в депрессии и не могла понять, чего хочет парикмахер, к которому она зашла по чистой случайности. Сначала Тед подумал, что заказчица издевается над ним, а потом сообразил, что случилось недоразумение: в тот день у женщины было плохое настроение, она хотела выговориться и открылась незнакомому человеку. Мужчина погиб по недоразумению – из-за болтливой бабы и слишком усердного профессионала.

С тех пор Тед стал осторожнее. Каждый может попасть впросак, нужно быть внимательным, только и всего. Он решил, что включит комичный эпизод в свои мемуары. Никто не любит работать бесплатно, но Тед не стал требовать долг: даже его профессия допускает минимум сочувствия и такта. Бедняжка жила в маленькой квартире на первом этаже дома, стоявшего на пересечении 7-й улицы и Пенсильвания-авеню. Тед отметил,

что ставни закрыты, и, судя по всему, давно, а стены и дверь обклеены рваными афишами и исписаны расистскими призывами.

22

Дрочила

Сентябрь 1964

Топика, штат Арканзас

Табита завершила превращение Жан-Пьера в единорога. Бедняга хмуро щипал траву в саду, пока она пряталась среди игрушек в надежде ускользнуть от Саманты, которая искала ее, яростно вращая глазами.

М-да... Зрелище не сказать чтобы полностью захватило Ральфа Финна, и он смотрел телевизор вполглаза, одновременно листая газету. На диване рядом с ним молча сидел мальчик лет десяти в боксерских трусах и бейсболке с надписью *Мировая Ассоциация Бокса*.

– Убери свою газету, папа, ты загораживаешь мне экран.

– Лучше бы почитал, чем смотреть всякие глупости.

– Но ты же сам смотришь! – возмутился Финн-младший.

– А вот и нет – ты только что сказал, что я тебе мешаю, потому что читаю. Включи мозг, Кассиус Клей!^[10]

«Кассиус Клей» дернул за газету, решив втянуть отца в шутивную схватку, тот поддался, они повалились на ковер и с хохотом затеяли возню. Ральф притворялся, что вот-вот сдастся, его жена с умилением наблюдала за своими мужчинами.

Напрасно Саманта надувала щеки и совершала магические пассы – она была не в силах вернуть Жан-Пьеру человеческую форму или заинтересовать его бедами кого-то из членов семьи Финн. Как только ученик боксера озверел, Ральф сделал вид, что обессилел, и выпустил газету, оставив ее в руках сына. Он все равно уже прочел ее. Гордый собой мальчик снял бейсболку, удобно устроился на диване, сделал умное лицо и перекрыл отцу обзор. Ральф никогда не узнает, остался Жан-Пьер единорогом или нет. Но вряд ли это помешает ему спокойно спать.

– Слушай, слушай, папа! Вот умора!

– Ты о чем?

– О рубрике объявлений.

– Вроде тех, что дают типы, расписывая себя красавцами,

весельчаками, владельцами половины штата Техас и... холостяками?

– Да нет, тут один тип ищет другого...

– А что тут смешного?

– Как его дразнили. Он тоже воевал, как ты. Сейчас прочту: «Ищу ветерана 9-го отряда рейнджеров, в июне 1944 года участвовавшего в штурме Пуэнт-Гийома. Известно только прозвище – Дрочила. Солидное вознаграждение. За справками обращаться к Нику Хорне...»

– Я запрещаю тебе произносить подобные гадости! – крикнула жена из кухни. – Почему ты молчишь, Ральф?!

Глава семейства резко поднялся, вырвал у сына газету и швырнул ее в маленький камин в углу.

– Ну чего ты, пап, я же для смеха...

Мальчика испугал судорожный, на грани грубости, жест отца, совершенно для него не характерный, и он счел за лучшее ретироваться на кухню.

Ральф смотрел, как горит газета, – и слышал хохот солдат в касках, чувствовал на себе их насмешливые взгляды. Парни ржали и пялились на Ральфа.

Дрочила – так они все его звали.

– Папа, ну папа, это же Кассиус Клей! Мир? – крикнул мальчик. – Идем есть, мама зовет!

Жизнь на десантном транспорте была невыносимой, не в последнюю очередь – из-за тесноты. Встречаясь в узких проходах, люди то и дело вынужденно касались друг друга.

Извини, Дрочила!

Остаться одному не получалось – никогда, ни на минуту, а уж о том, чтобы поспать как нормальный человек, нечего было и мечтать.

Эй, Дрочила, ты спишь?

Солдаты, разгоряченные жаром маленькой буржуйки, оттачивали на нем остроумие.

Эй, Дрочила!

– Папа, все готово!

Идешь, Дрочила?

– Ты идешь, папа?

Эй, Дрочила!

– Ну папа же!

– Да, иду, малыш... Иду.

Дама червей

3 сентября 1964

Индиана-авеню, 318, Вашингтон

– Это несчастный случай, – твердил Ник. – Несчастный случай... Вот, выпейте, Алиса. Да, до дна! Алкоголь вам сейчас не повредит.

– Как же я испугалась, – стуча зубами, пробормотала Алиса.

Ничего не бойся, детка, теперь я здесь, с тобой.

– Вы меня удивляете, – продолжал Ник. – Чудо, что вы практически не пострадали, а несколько царапин на руке и кровь на лице не считаются. Полшага в квартиру – и вас разорвало бы в клочья! Стена защитила вас от взрыва. Правая рука и шишка на лбу поболят и перестанут, пусть и не сразу, дверь все-таки тяжелая, но вы справитесь. Вас засыпало метровым слоем обломков, так что скажите спасибо Нельсону, что действовал так быстро.

Все еще не оправившаяся от шока Алиса молча смотрела на Ника.

Они устроились на лестнице, на четвертом этаже. Сосед снизу, отставной швейцар Национального географического общества, приютил ее до прихода Ника. Алиса приняла душ, смыла с себя варенье и грязь, старичок дал ей старый красный халат из неведомой ворсистой ткани, какой обивают кресла и пуфики. Застегивалось одеяние спереди на два помпона того же ярко-красного цвета.

Алиса выглядела до неприличия соблазнительной и в этой жалкой тряпке, едва прикрывавшей попку. Петли растянулись, помпоны грустно свисали вниз, так что будь Ник понахальней, запросто разглядел бы и грудь.

Он удержался от соблазна – не те обстоятельства – и удовольствовался созерцанием красивого лица. Мокрые волосы были зачесаны назад, и Алиса напоминала модель, рекламирующую туалетную воду или увлажняющий крем. Такие красотишки обычно позируют полуобнаженными для глянцевого журналов.

Господи, до чего же она хороша. Выколи себе глаза, Ник, потом будет поздно. Что? Уже слишком поздно? Да что с тобой такое? Кто бы мог догадаться, что Венера Боттичелли после ванны кутается в старый красный халат?

Алиса не сводила с сыщика глаз, будто ждала слов утешения.

– В общем и целом, – произнес Ник самым естественным тоном (во всяком случае, он на это очень надеялся), – обстоятельства сложились невероятным образом, но со знаком плюс: дверь от взрыва слетела с петель и прикрыла вас, как щитом, попрошайка решил проявить героизм. Вашему везению можно позавидовать, Алиса.

– Знаете, Ник, везение...

– Знаю – не вечно. Говоря это, вы думаете о Лаки. Так вот: забудьте, и немедленно!

Гляди-ка, малыш Ник, ты сегодня в ударе. Тебя подстегивает волнение или возбуждает это красное недоразумение?

– Я поговорил с пожарными, – продолжил он. – По их словам, все дело в ржавчине. Крошечное пятнышко вызвало утечку газа. Когда зажглась лампочка, рвануло в полную силу. Возможно, случилось короткое замыкание. Если предъявите иск хозяину дома, наверняка выиграете!

Алиса улыбнулась, стянула халат у шеи.

Об иске это ты ловко вставил, малыш Ник, молодец.

– Несчастный случай? – спросила Алиса. – Вы уверены?

– Да. Трудно даже представить, какая подготовительная работа понадобилась бы, реши кто-нибудь *подстроить* аварию. Нужно вломиться к вам, испортить трубу – нет, скорее, подменить ее ржавой, – рассчитать объем газа, который вытечет до вашего возвращения, не слишком большой, но и не слишком маленький. И, наконец, устроить короткое замыкание в тот самый момент, когда вы включите свет. Исключено!

Или же... Да нет, слишком невероятно. Не давай волю воображению!

– Вы меня утешили, Ник, постараюсь справиться с мрачными мыслями. Но ведь этот... несчастный случай произошел за десять дней до начала процесса, вот и мерещатся всякие кошмары. И ужасные подозрения.

– Насчет Эмилии Арлингтон? Понимаю. Успокойтесь, я настаиваю: это совпадение. Здание насквозь прогнило, сами знаете!

Давай, Ник, теперь или никогда, спроси ее: «Тебе страшно?» И если скажет «да», хватай в охапку и предлагай защиту!

– Вы боитесь, Алиса?

– Дело не в страхе. Мне плевать на собственную жизнь, но этот случай похож на дурную примету. Я боюсь одного – не выиграть сражение.

Так, со страхами не вышло. Попробуй предложить пристанище. Вдруг согласится?

– Уборка вашей квартиры займет какое-то время, Алиса. Если хотите, можете пожить у меня... До суда. Я с радостью потеснюсь!

– Какой же вы милый, Ник! – Алиса улыбнулась, как мудрая женщина,

не желающая обижать собеседника. – Со мной все будет в порядке, но я хочу побыть одна и сниму номер в отеле.

– Как скажете.

Она отвела взгляд. Задумалась. И все-таки на одно короткое мгновение ей захотелось согласиться, Ник это почувствовал.

Ни о чем не жалею, малыш Ник. Представь, что она приняла приглашение и три дня бродит по двум твоим комнатам в неглиже. Вдова, давшая обет целомудрия. Тут умом тронешься, закончишь жизнь в сумасшедшем доме или станешь любимым клиентом полиции нравов. Все понял?

Да.

Уверен?

Вот и хватит вообразить, как она ходит туда-сюда без одежды!

24

Дама пик

4 сентября 1964

Посольский квартал, Вашингтон

Эмилия Арлингтон встала в половине седьмого, как каждое утро, и сразу оделась, потому что терпеть не могла спускаться к завтраку в халате и тапочках. Мало кто мог похвастаться, что видел миссис Арлингтон неприбранной.

Стол Мария теперь накрывала на «одну персону» – апельсиновый сок, кофе, три тоста с маслом, чашка и ложечка. Справа от тарелки лежал аккуратно сложенный номер «Вашингтон пост». Миссис Арлингтон налила себе кофе, нашла его слишком горячим и развернула газету. Начала с биржевых новостей – «слабая активность», пропустила все про спорт и внешнюю политику – не ее темы, чуть дольше задержалась на внутренних проблемах, макая тост в кофе. Все ее действия были отработаны до автоматизма: абзац – глоток, абзац – глоток.

Излюбленной темой пишущей братии стала расовая сегрегация. После награждения Мартина Лютера Кинга Нобелевской премией мира обо всем остальном журналисты забыли, а вот сенаторшу эта проблема не волновала. Сторонники узаконенной сегрегации заведомо обречены на проигрыш – «цветные» станут равноправными гражданами. Но идейные

борцы тоже останутся ни с чем: права правами, а бедные и богатые, белые и черные будут по-прежнему жить обособленно друг от друга. Обездоленных меньше не станет, их просто легче будет скрывать от глаз «неравнодушной общественности», а чертовы лицемеры все еще талдычат о солидарности, как будто не понимают, что говорильня – пустая трата времени и сил!

Экономических статей в газете почти не было. Решительно, «Пост» все больше увязает в демагогии; можно, конечно, изменить ей с «Миррор», но с некоторыми привычками очень трудно расставаться. Завтрак Эмилия традиционно закончила апельсиновым соком, рассеянно проглядывая другие страницы. Она любила читать по диагонали, только заголовки, этого ей хватало, чтобы составить представление о проблеме или ситуации. Так же сенатор Арлингтон поступала, когда требовалось изучить сотни страниц досье и подготовить доклад для комиссии. Она сводила множество деталей к одной – ясной, простой, точной и легко реализуемой. Это требовало сложной гимнастики ума и привычки анализировать множество данных и сведений. Сортировка, классификация, отбор и отбраковка. Анализ того, что осталось, и повторение тех же операций (с каждым разом куда более сложное), пока в голове не оставалось одно-единственное уравнение, объясняющее весь объем хаоса. Коллеги всегда ценили «синтетический» интеллект Эмилии, а все дело было в ее умении стремительно принимать решения. Без колебаний, не думая о деталях, заботясь только о конечной цели, отсекая лишнее снова и снова, пока не останется чистая суть.

Сделав третий глоток сока, миссис Арлингтон наткнулась на короткую заметку.

Взрыв на Индиана-авеню

Вчера, ближе к вечеру, маленькая квартира на шестом этаже дома № 318 по Индиана-авеню была практически уничтожена взрывом газа. К счастью, обошлось без жертв, что само по себе является чудом. Проживавшая в квартире преподавательница французского языка Алиса Куин получила легкое сотрясение мозга. Этот несчастный случай снова ставит на повестку дня проблему обветшавшего жилого фонда в центре исторического квартала столицы. Когда же городские власти займутся наконец реальным делом вместо пустой болтовни?

Гораций Халдас отрекомендовал ей Теда Силву как виртуоза своего дела. Она не поскупилась на взнос обществу *Ex-voto*. Дело провалено – за

десять дней до начала разбирательства! Если этот Силва умен – а он как минимум не дурак, – то не повторит попытки, пока не пройдет достаточно времени. Два несчастных случая, даже очень чисто подстроенных, перестают быть случайными, тут даже самый тупой коп засомневается.

Значит, эта мерзавка придет в суд.

Сражение

14 сентября 1964

Суд в Фогги-Боттом, Вашингтон

– Представьте себе скалу, господин председатель, белую стену высотой шестьдесят метров, оцетинившуюся пулеметами, самую неприступную из рукотворных крепостей. Вот это и нужно было штурмовать!

Тедди Баур разливался соловьем. Публика, на одну половину состоявшая из бывших рейнджеров, а на другую – из родственников и друзей Лаки Мэрри, была зачарована его ораторским искусством. Он не спеша воссоздавал атмосферу и устанавливал декорации, стараясь оправдать репутацию художника слова.

Процесс проходил в одном из безвкусных, чуточку аляповатых залов со стенами, обшитыми деревянными панелями, и американскими флагами, – такие залы хорошо знакомы телезрителям всего мира по сериалам о юристах и полицейских. Робин Легри, адвокат миссис Арлингтон, нервничал. Вернее, выглядел нервничающим. Тридцать лет адвокатского стажа не избавили Легри от невротических привычек: он грыз ногти, карандаши, ручки и даже жевал бумажные шарики. Сконцентрироваться адвокат мог только таким способом, хотя знал, что окружающие это замечают, и обращался за помощью к специалистам, но те лишь пожимали плечами: тик, неконтролируемые движения. Выступая в суде, Легри ценой невероятных усилий заставлял себя не мельтешить руками – и превращался в посредственность, ибо рассеянный адвокат уже не адвокат. Он плюнул на приличия и стал одним из самых дорогих и уважаемых вашингтонских мэтров. Когда Робин Легри брал слово, никто не смотрел на его руки.

Он почти сгрыз колпачок роскошного фломастера фирмы *Waterman*, который дочь подарила ему месяц назад. Родные легко решали проблему новогодних подарков – преподносили ручки или фломастеры, зная, что не промахнутся. Однажды, правда, кто-то купил дорогущую самописку, и Легри не оценил вкуса чернил. Он расплющил колпачок зубами, взглянул исподлобья на зал и сказал себе, что его мания ничем не хуже курения, а обходится дешевле, так что нечего смеяться.

Сейчас Робин Легри был не слишком сосредоточен. Тедди Баур

повторял ту же историю, которую до него рассказали пятнадцать свидетелей, да к тому же углубился в описание пейзажа. Художник, черт бы его побрал.

Двадцать три свидетеля, больше истцы собрать не смогли. И каждый следующий повторял предыдущего, и каждый искренний монолог подтверждал запущенный истицей слух. Впрочем, это ничего не меняет, ибо даже тысяча свидетелей, «слышавших слух», не способны доказать, что версия – не фарс, не шутка, не блеф и не клевета. Тем более слух двадцатилетней давности. Не осталось ни живых участников события, ни письменных свидетельств.

Разбирательство пройдет спокойно, решил Легри, прикидывая, как бы половчее раскусить фломастер и не испачкаться до выступления.

Небольшой зал суда был битком набит зрителями, и почти все сочувствовали «делу Лаки». Эмилия Арлингтон обошлась без рекламы, так что даже родственники не были в курсе и не получили приглашения войти в команду поддержки. Сенаторша рассчитывала закончить дело быстро и без лишнего шума.

Сидевшие в зале рейнджеры хотели вспомнить героическую молодость. Жители Личфилда, родители Лаки, дяди и кузены, местные торговцы, друзья, все, кто знал его в юности, облачившись в воскресные костюмы, прибыли в Вашингтон, чтобы защитить честь местного героя и дать бой этой сенаторше, которая якобы ратует за права крестьян. Почему бы не утереть нос политикам из Капитолия и Белого дома, которым нет дела до маленьких людей? Эмилия Арлингтон задолжала не только Лаки, она представляет правящий класс, а тот много чего должен скотоводам западных штатов, мелким торговцам и пенсионерам Личфилда, лишенным государством общественного транспорта, достойного цивилизованной страны.

Короче говоря, публика в зале суда была настроена крайне враждебно. Робину Легри подобная атмосфера даже нравилась, она позволит ему напустить туману, навязать идею «необоснованного требования». Старый юридический волк судья Картерон не позволит эмоциональной, но очень наивной публике запугать себя.

Истица Алиса Куин была хороша собой и благородна в своем горе. Ни намек на истеричность, полная сосредоточенность и решимость идти до конца. Впечатляет, особенно если учесть, что прошло двадцать лет. Вдова отлично сохранилась и напоминала героиню романа. Ее манеры,

сдержанность и немногословие были гораздо опасней и убедительней сотни шумных болельщиков и двадцати трех свидетелей.

Робин понимал, что восхищается Алисой в том числе из-за ее профессии. Она преподает французский. А у него как-никак французская фамилия – Легри. На самом деле его настоящее имя Робин Грей, но оно всегда казалось ему чудовищно банальным. Как-то раз он смотрел канадский фильм, в котором одну из ролей играл артист Ясент Легри, и решил, что это звучит намного лучше. Деньги помогли устранить проблему.

Двадцать третий – и последний – свидетель Барри Монро поэтом не был.

– Знаете, ваша честь, понять, каково тянуть номер из каски, может только тот, кто это пережил. Я буду помнить всю мою сучью жизнь, могу и сейчас назвать очередь каждого. Оскар Арлингтон – номер четыре, Лаки Мэрри – номер сто сорок восемь. Тут уж не схитришь.

Ошибаешься, парень, теперь и мы представляем, как все было, подумал Робин Легри. Выслушаешь историю двадцать три раза подряд – решишь, что видел все собственными глазами.

Адвокат понимал, что рейнджеры явились в суд не только как свидетели – они хотели послушать друг друга, вспомнить молодость, изгнать демонов былых времен, избавиться от кошмаров. Это не суд, а огромная, групповая кушетка психоаналитика.

Робин Легри дождался окончания рассказа, сунул в карман останки фломастера и встал:

– Могу я задать вам несколько вопросов, господин Монро?

– Конечно...

– Среди двадцати трех заслушанных нами свидетелей не было ни одного сержанта. Это случайность?

– Да вы что! Никто не был в курсе насчет обмена, иначе такое бы устроили... Оскар предложил втихаря!

– Втихаря? Не понимаю... Вы уверены, что предложение действительно имело место? Как именно Оскар Арлингтон представил дело?

– Ну, он был чуток не в себе – от страха, как я, как все, кто вытащил первые номера. Обхватил голову руками и сказал: «Продам проклятую четверку любому с дальним номером по десять тысяч долларов за единицу!»

– Прямо так и сказал?

– Двадцать лет прошло, но я уверен.

– А Оскар Арлингтон не использовал сослагательное наклонение?

– Чего-чего?

– Может, он сказал что-то вроде: «Как бы я хотел вытащить не четверку, а другой номер, состояние бы за это отдал!»

– Вообще-то да, а что, есть разница?

Робин Легри с сокрушенным видом покачал головой.

Барри Монро, сообразивший, что им манипулируют, пошел в атаку:

– Ну, я-то был там и хоть и не помню точные слова Арлингтона, но знаю, что он сделал предложение – прямое и ясное! Все мы так его поняли.

– Да-да, конечно. Но что, если Оскар произнес эти слова без всякой задней мысли, просто вырвалось у него, от страха и отчаяния? Трудно поставить под сомнение честность человека – тем более покойного, – руководствуясь чужими интерпретациями его слов и очень приблизительными воспоминаниями. Никто в отряде не любил Оскара – это заявили все свидетели, прямо или в завуалированной форме, товарищи считали его скрягой, потому и интерпретировали так его высказывание. А ведь это могло означать, что человек покорился судьбе! Все свидетели высказались примерно одинаково. В группе людей, тем более в группе мужчин, и уж тем более в группе мужчин, отправляющихся на войну, всегда есть лидеры. И козел отпущения, от которого остальные отстраняются, обвиняют его во всех грехах и навешивают ярлыки всех пороков – реальных, предполагаемых и вымышленных. Нет ничего лучше козла отпущения, если хочешь сплотить сообщество.

– Арлингтон не был козлом отпущения, нет, господин адвокат! – запротестовал Монро. – Он сдрейфил и был готов на все ради спасения своей шкуры.

– Благодарю вас.

Все оставшееся время до конца заседания повторялись одни и те же аргументы и свидетельства. Дело забуксовало.

Час спустя Легри встал, чтобы произнести заключительную речь. Процесс оказался лакомым кусочком: действующие лица воодушевленно и в деталях вспоминали ледяное море и туман, свист пуль, хороших и плохих парней, погибших героев. Сильные чувства – и ничего конкретного, ни одного стоящего доказательства, которое позволило бы вынести решение в пользу истицы.

Обращаясь к суду, Легри снова, но вскользь, помянул козла отпущения (не будем недооценивать судью Картерона), согласился с противной

стороной в том, что обмен имел место, то есть Оскар и Лаки поменялись очередью, было бы глупо утверждать обратное – вряд ли целый отряд стал жертвой галлюцинации на тему жеребьевки.

– Итак, они поменялись. Но на какой основе? Зачем? Какую цену назначили? Точно нам ничего не известно. Лаки Мэрри утверждал, что продал свой № 148 за 1 миллион 440 тысяч долларов. Он один это говорил, только он! Никто из присутствующих здесь свидетелей не читал и даже не видел пресловутый договор. Свидетели повторяют слова Лаки, но ни один экземпляр документа не был предъявлен суду, не выступил ни один из двух официальных хранителей заветной бумаги.

У нас осталась единственная возможность: положить на одну чашу весов слова Лаки Мэрри, а на другую – слова Оскара Арлингтона. Лаки Мэрри утверждал, что обменял свою очередь на 1 миллион 440 тысяч долларов. Оскар Арлингтон ничего не говорил, но платить не стал, из чего следует, что они по-разному понимали сущность сделки. Один из них солгал. Оба мертвы. У нас нет причин верить скорее одному, чем другому. Так где выход? Бросить монетку? Положиться на орла и решку и осудить Оскара Арлингтона вместе со всей семьей Арлингтон? Разве американская юстиция отказалась от принципа презумпции невиновности?

Если вы сегодня осудите Оскара Арлингтона, завтра у всех будут развязаны руки. Я, например, стану рассказывать всем и каждому, что вечность назад, двадцать-тридцать лет назад, поспособствовал спасению жизни президента Кеннеди, а он пообещал за услугу несколько миллионов долларов, как только под рукой окажется чековая книжка. И вот я твержу друзьям, что подписал контракт, что у меня есть свидетели, но они, увы, переехали, таинственным образом исчезли или умерли, а через несколько недель после убийства президента являюсь и требую мифические миллионы! Кто мне поверит? Будем же серьезны! Да, в деле, которое сегодня слушается в суде, имел место обмен. Но на какой цене сошлись два человека? 1 миллион 440 тысяч долларов? Больше? Меньше? Или Лаки и Оскар заключили секретный договор и деньги вообще ни при чем? Может, дело в покерном долге? Нет, Лаки был гениальным игроком, все об этом говорили. Но Лаки выигрывал не потому, что ему везло. Чтобы стать великим покеристом, дамы и господа, нужно уметь одно – блефовать! Благодарю за ваше внимание.

Робин Легри бросил взгляд на враждебно настроенную публику. *Ну что, карандашный грызун оказался совсем неплох?* Он укротил зал и даже заставил сомневаться многих болельщиков Лаки.

Еще немного – и Легри убедил бы и себя, хотя, положив руку на сердце, точно знал, что даже при отсутствии доказательств истина на другой стороне. Сын миссис Арлингтон был богатым близнецом. За три дня до высадки он умирал от страха и вряд ли посулил легкомысленному Лаки пачку жвачки и три сигареты, чтобы тот согласился занять его место. Оскар Арлингтон был готов отдать за свою жизнь все состояние, которое семья заработала за сто лет, поместье в Вирджинии, хлопковую плантацию. Только бы не сдохнуть... После возвращения на родину страх поймать пулю исчез. Теперь Оскар боялся только матери – не дай бог узнает о сделке. И он притворился, что ничего не было, но не сумел договориться со своей совестью. К несчастью для красавицы вдовы, у нее нет ни одного доказательства. Даже его коллега, адвокат Джонас Джонс – к слову сказать, недурной юрист, хоть и слишком молодой, – оказался бессилем.

Интересно, что обо всем этом думает мамаша Арлингтон. У Легри возникли три версии.

Версия № 1. Она ослеплена материнской любовью и действительно верит, что ее бесценный сынок ни в чем не виноват. Эта гипотеза маловероятна, ведь тогда напрашивается вывод, что миссис Арлингтон способна любить до умопомрачения, а это – даже по отношению к сыну – не в духе госпожи сенаторши.

Версия № 2. В глубине души она принимает очевидное: ее сын совершил очередную глупость и едва не столкнул все святое семейство в яму с жидкой грязью.

Эмилия Арлингтон скорее дала бы вырвать себе все волосы из носа и с подбородка (кстати, лучше бы так и сделала), чем признала вину сына и принесла публичные извинения. Ведь эта женщина мало того, что одержима фамильной честью, так еще и обладает железной волей.

И наконец, последняя версия, № 3. Сенаторша была в курсе, сын облегчил душу, вернувшись с войны, или позже – перед тем как совершить самоубийство. Миссис Арлингтон знала правду и держала оборону.

Итак, самым вероятным выглядит вариант № 2, но при этом миссис Арлингтон сознательно лишила Алису Куин полутора миллионов долларов. С позиций если не юриспруденции, то морали это многое меняет.

Решение было вынесено без промедления. Судья Картерон признал, что обмен номерами произошел. Пусть даже ни один офицер не был в курсе, это неоспоримый факт. Однако, в связи с отсутствием договора, миссис Арлингтон ничего не должна Алисе Куин. Оскар Арлингтон остается

героем войны при всех своих наградах.

Публика зароптала. Люди поднимались с мест, мать Лаки упала на руки мужу, рейнджеры кричали: «Позор!» – и срывали с себя медали. Раздались возгласы: «Продажная сволочь!», «Пародия на справедливость!», «Арлингтоны что, неприкасаемые?» – хотя судья с бородой а-ля Линкольн выглядел внушающим доверие и вряд ли мог быть подкуплен ответчицей. Он несколько раз очень спокойно попросил всех очистить зал, и люди начали расходиться – неохотно, понуриив головы.

Робин Легри стоял перед Эмилией Арлингтон – без неуместной гордости, но с чувством выполненного долга. Она не стала светиться в зале суда, не села рядом со своим адвокатом. Обвиняли не мать, а сына, так что сенаторша могла с полным правом расположиться среди публики.

– Мы выиграла, – сказал Легри.

– Слава богу, – проворчала миссис Арлингтон. – Хорошо, что в этой стране все еще существует правосудие.

Адвокат усмехнулся – женщина, сама того не желая, подтвердила, что совесть у нее нечиста.

– Признайтесь, Легри, вы на стороне этой ведьмы Куин, как и все остальные. А между тем плачу вам я – и немало. Да, вы защищаете честь моего сына и делаете это добросовестно, не могу не признать, но в глубине души уверены, что права и правда на стороне блондинки, что она – несчастная жертва, а мой сын – сволочь.

Адвокат не стал спорить, подумав: так и не назвала меня ни разу мэтром, старая карга.

– Скажу вам две вещи, Легри, которые ни в коем случае не повторю перед судом. Во-первых, Оскар не покончил с собой. Не был он и убийцей. У него просто не хватило бы духа прикончить человека. Тем более наложить руки на себя. Можете мне не верить, но я это знаю. Знаю, и все тут. И второе... Относитесь к этому как хотите, но скорбящая вдова, такая красивая, благородная, величественная и возвышенная судьбой, эта Алиса Куин, отлично умеет очаровывать мужчин. И не спорьте! Алиса Куин всего лишь мелкая куртизанка, которую интересуют только деньги. Лживая гадюка! Трудно принять подобное? Я это знаю, а она наверняка догадалась, что не сумела меня обмануть, но понимает: личное достоинство и честь семьи заставят меня молчать.

Да она безумна, подумал Робин Легри. Дамочке пора вернуться на ранчо в Вирджинию и помыкать там десятком слуг, а не заседать в конгрессе.

– Одного я не понимаю в этой истории, – продолжала Эмилия. –

Почему Господь защищает это создание? Ладно, дело сделано, теперь пусть убирается к черту!

Психопатка, окончательно убедился адвокат. Он всегда считал ссылки на Бога и дьявола неоспоримыми признаками сумасшествия, столь частого и – увы! – необратимого у людей определенного возраста.

Алиса и Ник стояли на опустевших ступенях лестницы суда.

– Лаки погиб зря, – сказала она. – Все пропало.

– Нет, Алиса, – покачал головой Ник. – Проигран первый тайм, мы провели рекогносцировку сил противника и подадим апелляцию. А пока будем искать чертовых свидетелей и экземпляры договора. У нас есть новые зацепки, мы вот-вот отыщем Дрочилу. Я уже неделю даю короткие объявления в нормандских газетах насчет Алана Ву. По сути дела, судья согласен с нами, он дал это понять, но ему нужны доказательства.

– Вы хороший человек, Ник, но вряд ли захотите потратить жизнь на распутывание безнадежного дела...

– Не стоит меня недооценивать, Алиса.

– За месяц вы не заработали ни доллара, Ник, так дальше продолжаться не может.

Знала бы ты, что у меня уже три месяца нет других клиентов. Выбор прост: твое дело или... ничего.

– Не страшно, вы ведь не забудете о процентах от чека миссис Арлингтон?

– Ник, мы рядом с ними – мелочь, ничтожества. Вы слышали, как легко адвокат Легри перевернул все с ног на голову.

– Зато у вас лучший частный сыщик столицы.

Она даже не улыбнулась! Хотя обычно... Сегодня прекрасную Алису будет непросто развеселить.

– Ваш договор действовал до начала процесса, и вы проделали фантастическую работу. Скажите, сколько я вам должна, и со временем все получите – жалованье у меня небольшое, но платят регулярно. Прошу вас об одном – не ломайте карьеру. Это моя судьба и моя проблема. Только моя.

– Я с вами не согласен, Алиса. И не хочу останавливаться, потому что много поставил на кон.

Куда ты лезешь, Ник? Не вздумай объясняться с ней на ступеньках суда!

– Но зачем, Ник?

– Хочу разогнать призраков, Алиса, чтобы вы снова начали улыбаться.

Легковесно, Ник, легковесно.

– Вы очень милый человек, Ник...

Знаю, знаю, даже слишком милый. Лучше бы ты вел себя как последняя сволочь и поцеловал ее.

– Вовсе нет, Алиса, я, конечно, человек верный, но не бескорыстный.

Не уходи в сторону, Ник, развесели ее, придумай хоть что-нибудь.

Ник колебался, стоит ли продолжать...

Один шанс из тысячи, что брошенная тобой в море бутылка не разобьется.

И решился:

– Если я сейчас признаюсь, что люблю вас, вы ответите: «Не время...»

Алиса улыбнулась.

– Верно, Ник, не время.

– Слишком рано? Из-за призраков?

Алиса кивнула.

– К тому же лестница суда не самое лучшее место, да?

Еще одна улыбка.

– Верно.

– Ну и ладно, – махнул рукой Ник. – Я все-таки развеселил вас.

А себе причинил боль, кретин. Неужели она не понимает, что любить ушедшего из жизни куда легче, чем живую, но равнодушную к тебе женщину?

Третья эпоха

1964

Рожок призраков

Утренний кальвадос

17 октября 1964

«Завоеватель», Шато-ле-Дьябль, Нормандия

Завсегдатаи «Завоевателя» в ненастные дни особенно наслаждались приятной атмосферой заведения. Шато-ле-Дьябль проснулся под редким холодным дождем. Выходить в это осеннее нормандское утро не хотелось. В кафе было тепло, отделенное от мира запотевшими стеклами, оно казалось Ноевым ковчегом для нескольких выживших: Эжена Тетриона, Люсьена Шавантре, Фернана Приера, Поля Тесье – они спасались тут от потопа, то есть женщин, детей, работы и непогоды.

– А вот еще неплохой, – сказал сидевший у стойки Эжен Тетрион по прозвищу Сися. – Один тип идет в мэрию...

– Рене! – крикнул Люсьен Шавантре, бесцеремонно перебив Сисю. – Я просил кофе с кальвадосом, а не просто кофе.

– Я налил в чашку кальвадоса, Дохлец (все деревенские называли так Люсьена), – огрызнулся из-за стойки Рене. – Ни черта не замечаешь, а туда же – попрекать!

– А вот и нет! – задиристо отозвался Шавантре. – Я увидел, как ты достал из-под стойки бутылку без этикетки и капнул в мою чашку не пойми чего. Я глотнул и почувствовал вкус кофе с яблочным оттенком. Так что говори, что там у тебя в секретном сосуде.

– Ах ты сволочь! Намекаешь, что я наливаю людям не двадцатилетний кальвадос, а кошачью мочу? В следующий раз я тебя в ней утоплю.

– Брось, Рене, – примирительным тоном произнес сидевший в углу Фернан Приер. – Наш Дохлец набрался с раннего утра и вряд ли заметит разницу. Эй, Люсьен, зачем ты вообще добавляешь кофе в кальвадос?

– Да пошел ты... Что хочу, то и пью! Я работаю на свежем воздухе! Попробовал бы ты повкалывать в поле, хлебнув растворимого какао! Чинуша!

– Ладно, Рене, не мелочись, налей ему глоток, – сказал Фернан хозяину. – Не то он взбесится.

– Какого черта! – насутился тот. – Хочет еще выпить, пусть платит, я выдержанным кальвадосом задарма не угощаю.

– Ну и ладно, – отозвался Шавантре. – У такого жмотяры, как ты,

кальвадос и столетнего юбилея может дожждаться.

– Господа, – вмешался Учитель (Поль Тесье рассказывал всем, что работал учителем в департаменте Верхняя Луара, а в Нормандию переехал, выйдя на пенсию), – если будете вести ваши пьяные споры потише, я смогу сосредоточиться на газете. – Поль всегда читал в кафе «Бессенский курьер». – Умоляю, Рене, сжальтесь над этим закоренелым алкоголиком, утолите его жажду, иначе он не даст нам покоя. Подарите мне несколько мгновений тишины, господа, и я загадаю вам интересную загадку. Она имеет отношение к короткому объявлению, которое я только что прочел.

– Ну вот, – Сися воспользовался паузой в разговоре, чтобы дорассказать анекдот, – один тип идет в мэрию...

– Я согласен с Учителем, – подал голос Шавантре. – Не по форме – никакой я не *закоренелый*, а по сути – насчет гло..

– Ты меня достал! – воскликнул Рене. – Утром, днем и вечером пьешь тут на халяву и еще недоволен!

– Насчет вечера – это ты заливаешь, ведь по вечерам я пью у брательника! Пусть у него кальвадос и не двадцатилетней выдержки, но наливает он не как девчонкам. Смотри, не исправишься, буду и завтракать у него!

– Вот из-за таких болванов, как ты, и закрывают французские кафе, одно за другим! – простонал Рене. – И все остальное скоро позакрывают в деревнях. Де Голль сказал, что все сейчас бегут в города или пьют у телевизора. А кафе и быстро прогорают.

– Не уверен, что де Голль такое говорил, – заметил Учитель.

– Еще как говорил! – Рене стукнул кулаком по стойке. – Со всем моим уважением, Учитель, но я знаю, что могу пострадать! Де Голль называет это обустройством территории, а быстро, кафешки и другая торговля – часть его плана. Посмотрим, что вы скажете, когда я запру дверь и выброшу ключ, где тогда будете выпивать?

– Завалимся скопом к брательнику Дохлаца, может, он и нам кальвадоса нальет, – съязвил Фернан.

– Твоя правда, Рене, без «Завоевателя» деревня будет уже не та, – задумчиво произнес Шавантре. – Черт, да мы все просто подохнем. Даже фрицы во время войны бары и кафе не трогали, и англичане тоже. Церкви закрывали, было, но не питейные заведения!

– Вот именно, Дохлаец, вот именно. А ты, болван, норовишь пить, не раскошеливаясь.

– Так вот, один тип идет в мэрию...

– Валяй, Сися, рассказывай, – снова перебил его Шавантре, – рассмеши

нас, раз де Голль запретил выпивать. Веселиться пока никому не заказано. Смех не помешает обустройству территории, верно, Рене?

Хозяин заведения пожал плечами, и бедняга Тетрион в которой уже раз заговорил:

– Идет он, значит, в мэрию, потому что у него родился сын и он должен его записать. Секретарь спрашивает: «Как вы решили назвать малыша?» А мужик отвечает: *Жэтруакуэн*^[11].

– Вот идиот! – расхохотался Шавантре.

– По-моему, Сися не закончил, – заметил Фернан.

– Правда, что ли, Сися? – изумился Шавантре.

– Вообще-то да, – устало ответил рассказчик. – Ты рано начал смеяться.

– Вот оно что... Ну, по мне, он и так неплох, твой анекдот.

– Вперед, Сися, – подбодрил рассказчика Фернан. – Продолжай. Не тушуйся. Скажи ты, что тот тип хотел назвать мальчишку *Бранльпуком*^[12], наш Дохлец веселился бы точно так же.

– А что, нельзя?! – возмутился тот. – Смеяться нельзя, выпивать нельзя. Дерьмовое сегодня утро получается.

– Будете слушать или нет?! – взвился Тетрион.

Все кивнули, и он начал:

– Секретарша смотрит на папашу и говорит ему: «Нет, это невозможно, нельзя называть так ребенка!» Мужик разозлился и давай ругаться: «Что за порядки в вашей мэрии, одним поблажки в обход закона, а другим отказываете!» Секретарша ни черта не понимает.

– Приготовься, Дохлец, – шепнул Фернан, – скоро нужно будет смеяться.

– Заткнись! Заканчивай, Сися!

– Вы все время меня перебиваете, – вздохнул бедняга, – так что концовка все равно не получится. Ладно, пока никто не ляпнул еще одну глупость. Тип говорит секретарше: «Моя соседка захотела назвать дочку *Жесикэт*^[13] – и ничего, разрешили!»

Слушатели расхохотались – все, кроме Учителя.

– Ты был прав, Сися, – сказал Шавантре, – с концовкой смешнее.

– Чудеса! – воскликнул Фернан. – Дохлец понял анекдот! Зажимайте носы, ребята, медведь в лесу издох!

– Вам не смешно, Учитель? – разочарованно спросил Сися. – А я старался, выбрал несальный в кои-то веки.

– Это точно, – согласился Фернан.

– Не сальный, но и не новый, – ответил Учитель. – Я его знал, хоть и не

местный.

– Все знали, – ухмыльнулся Фернан. – Но все равно смешно! А повторять полезно, на двадцатый раз Дохлец понимает, когда пора смеяться.

– Ты мне надоел, Фернан! Задница ты лошадиная, а не муниципальный советник. Не стану за тебя голосовать на следующих выборах!

– Хватит спорить, слушайте меня. Я обещал вам маленькую загадку, чтобы вы как следует напрягли свои пропитые мозги. Тут у меня короткое объявление. Кто назовет фамилию того янки, что держал бар до Рене?

– Американца? – переспросил хозяин заведения.

– Дезертира? – уточнил Сися.

– Его звали Алан! – тут же вспомнил Фернан.

– Мне нужна фамилия! – повторил Учитель.

– Ну, дезертир, Алан-дезертир! – сделал вторую попытку Фернан.

Учитель покачал головой и улыбнулся, как будто ответы мимо цели обрадовали его.

– Скажу одно, – вмешался Шавантре, – золотое было времечко! Он на кальвадосе не сэкономил.

– Само собой, – пробурчал Рене, – тот америкашка ведь жил с твоей крестницей Лизон! Его что, ищут?!

– Угадали, – ответил Учитель.

– Значит, в газете есть и фамилия, не могли же они назвать человека, которого разыскивают, просто Аланом.

– Да, – подтвердил Учитель, – но я хочу быть уверен, что это именно он. Многих американцев зовут Аланами.

– Ну так прочти нам его фамилию! – скомандовал Рене. – И мы скажем, он это или нет, в точку ты попал или ошибся.

– Не хочу, – покачал головой Учитель, – так будет неинтересно. И слишком просто. Чем пить, лучше пораскиньте мозгами.

– Вот ведь зануда! – хмыкнул Рене.

– Прежде чем оскорблять посетителей, подумайте об *обустройстве территории!* – обиженно парировал Учитель.

– Иди в задницу, и обустройство с де Голлем прихвати! – огрызнулся хозяин заведения.

– А в его фамилии не было ничего русского? – вдруг спросил Сися.

В этот момент Шавантре – он уже некоторое время молчал, копаясь в памяти, – так стукнул кулаком по столу, что подскочили пепельницы и его чашка.

– Ву! Его звали Алан Ву! Мне полагается стопка за старания.

– Правильно, – подтвердил Учитель. – Это он.

– Ну ты даешь, Дохлец, вот уж не ожидал от тебя! – воскликнул впечатленный Рене.

– Не слишком русское имя, – заметил Фернан.

– Ну перепутал, – согласился Сися.

На самом деле, он подал идею насчет «русскости» фамилии, чтобы вернуть шуточку: «А его случайно звали не *Жедузвак*?^[14]» – но теперь боялся выставить себя дураком и промолчал. До следующего раза.

– Что им от него нужно? – спросил Рене.

– Хотят найти.

– Кого?

– Скорее всего, какого-то другого американца.

– Они не торопились, – прокомментировал Фернан. – Парень должен был вернуться в полк двадцать лет назад. Если они и на Луну будут собираться с такой скоростью...

– Уверен, что объявление дала не Лизон? – спросил Шавантре. – Она уже полгода посылает запросы в Штаты.

– Нет, его дало агентство Ника Хорнетта.

– Лизон обрадуется, что появились новости. С тех пор как уехал Алан, она места себе не находит. Надеется получить доброе известие.

– И все-таки это странно, – сказал Учитель. – Алан Ву дезертировал, двадцать лет жил в Нормандии, и никто в Америке о нем не вспоминал. Теперь он вернулся – и янки объявили его в розыск... у нас!

– К дезертирству это наверняка не имеет никакого отношения, – сказал Рене. – Двадцать лет прошло, на черта он им сдался?

– Может, хотят послать его во Вьетнам, чтобы довоевал!

– Заткнись, Фернан! – рявкнул Шавантре. – Я любил нашего америкоса.

– Что, если он был русским шпионом? – Сися сделал робкую попытку вклиниться в обсуждение.

– С чего ты вдруг это сказанул? – изумился Шавантре.

– Ну... я... Да нет, глупости.

– Выкладывай, раз начал! – не отставал Шавантре.

– Рожай уже! – потребовал Фернан. – Ты весь извелся – русские то, русские се, а на самом деле хочешь выдать очередную глупую шутку. Кончай ломаться!

– Ладно, вы сами захотели. Возможно, пароль русского шпиона был *Жедузвак*!

В кафе установилась гробовая тишина.

– Лучше бы ты промолчал, – вынес вердикт Фернан, и Сися насупился.

Он больше не станет ломать голову, чтобы рассмешить этих придурков. Хотя... Если придумать что-нибудь по-настоящему уморительное, тогда уж...

– Не то чтобы я скучал с товарищами или не ценил хорошую компанию, – сказал, поднимаясь с места, Шавантре, – но раз выпивка тут похожа на Несси: все о ней говорят, но никто никогда не видел, – то я уйду. Делом нужно заняться. Коров подоить, как сказал бы Хрущев.

Болван! – мысленно выругался Сися, а Шавантре добавил:

– Нужно зайти к Лизон, сообщить ей новость. Учитель, одолжите мне страницу с объявлением?

27

Дни как годы

18 октября 1964

Агентство Ника Хорнетта, 11-я улица, 115

– Алло, Алиса? Это Ник!

– Что случилось, Ник? – сонным голосом спросила Алиса. – Сейчас три утра.

– У меня потрясающая новость!

– В это время? Подождите пару секунд, я хотя бы халат накину.

Ник, старый ты пердун, джентльмен хренов! Говоришь с самой красивой женщиной Америки – и она... голая! Ну почему ты позвонил, а не поехал прямо к ней, чтобы все рассказать? Теперь вот стой и фантазируй!

– Готово, Ник, я могу говорить. Так что за новость?

– Нашелся свидетель!

– Правда? У вас есть свидетель?

– Да!

– Дрочила?

– Не угадали. Алан Ву!

– Алан Ву? Невероятно! Значит, он не погиб в сорок четвертом? Он жив... вы его отыскали?

– Нет... не совсем. Все сложнее. По сути дела, Алан не пропал без вести на двадцать лет, но теперь, когда мы обнаружили его след, он действительно исчез.

– Но вы же сказали, что нашли его!

Сбавь обороты, Ник, остынь и спокойненько начни с начала. Скажи ей все.

– Как бы вам объяснить...

– Где вы обнаружили след Алана, Ник?

Конечно, рано или поздно она должна была спросить.

– В Нормандии.

Давай, Алиса, ехидничай на здоровье, скажи, что я ничтожество, что если бы сразу догадался дать объявления в нормандские газеты, мы, возможно, получили бы эти сведения месяц назад или даже нашли Алана Ву до начала процесса. Я готов признать, мы провалили дело из-за меня.

– Ник! Ник! Вы меня слышите? Продолжайте, прошу вас! Что Алан делал в Нормандии?

Спасибо, что промолчала, Алиса, ты и впрямь идеальная женщина..

– Любовь, Алиса, любовь! Его ранили во время штурма, началась паника, неразбериха, и он остался лежать на пляже. Его подобрала молоденькая нормандка Лизон Мюнье. Она связалась со мной, потому я и звоню в такое время. Лизон позвонила четверть часа назад, наверное, забыла о разнице во времени. Так вот, с сорок четвертого года Лизон и Алан двадцать лет жили вместе в Нормандии.

– Значит, Алан нашелся!

– Э-э... Шесть месяцев назад он улетел в Штаты. Лизон толком не знает зачем, но ее это потрясло, хотя он пообещал вернуться. Скоро. Сначала Алан писал мадемуазель Мюнье открытки, но уже три месяца она не получала ни строчки.

– Странно.

– Это еще мягко сказано. Я вкратце передал ей всю историю и выяснил, что Алан молчал все эти годы! Зато – держитесь крепче, Алиса, вы ни за что не догадаетесь.

– Так скажите!

Она права, кретин, не играй словами, она побьет тебя как ребенка.

– Лизон вас знает. Правда! Описала вас по телефону так точно, словно видела вчера вечером.

– Описала? Что за нелепость. У меня нет знакомых в Нормандии, Лизон что-то напутала.

– Нет! Вы никогда не догадаетесь, где она вас видела.

Снова выставляешь себя идиотом!

Алиса быстро рассуждала вслух:

– Я ездила в Нормандию два раза и мало с кем встречалась. Девушка, нормандка, моя ровесница... Ну конечно! Слушайте, Ник, думаю, мы с

Лизон виделись на углу, у кафе «Завоеватель». Жаль, что вы слышали только ее голос, Ник, потому что это – очаровательная брюнетка, она бы вам понравилась.

Ты понял, болван? Она колдунья!

– Это поразительно, Алиса! Вы двадцать лет назад случайно пересеклись с незнакомкой на две или три минуты – и до сих пор ее помните.

– Некоторые дни мы помним лучше, чем десятилетия нашей жизни, Ник. Ни вы, ни Лизон не знаете, что я видела ее еще раз – четыре месяца назад, в июне, в Нормандии. Я заметила ее случайно, в окне кафе, и она показалась мне ужасно печальной, как скорбящая вдова. Теперь я понимаю, что виной тому отъезд Алана.

– Вы запомнили Лизон из-за схожести ваших судеб...

Отличный ход, Ник, в психологии ты сильнее, чем в ребусах.

– Думаю, я и Алана видела. В сорок четвертом, вместе с Лизон. Он так странно на меня посмотрел, как будто пытался вспомнить мое имя. Но у него не получилось.

– Получилось, Алиса, но через пару секунд. Автобус тронулся, и Алан кинулся следом, но вы не оглянулись. Странная штука жизнь. Если бы Алана осенило вовремя, он рассказал бы вам, почему погиб Лаки, и отдал бы вам договор.

– Не уверена, что это могло что-нибудь изменить, Ник! Я тогда была так далека от всего этого. Документ, миллион долларов...

Ошибаетесь, Алиса, это изменило бы все. С деньгами или без. Потому что тогда...

– Но тогда мы бы не встретились, – пробормотал он.

– Вы правы, Ник! Вы просто замечательный человек, а я жалкая эгоистка. – Алиса помолчала. – Но кое-что не сходится. Как Алан мог меня вспомнить, если никогда не видел?

– А вы подумайте. Лизон мне объяснила.

– Ничего не приходит в голову. Разве что фотография... Ну конечно! Лаки хранил мой снимок, а Алан был его лучшим другом. Но все равно странно.

Не упусти свой шанс, Ник.

– Мужчина, который забудет вас, увидев хоть раз, пусть и на фотографии, не мужчина.

Хорошо сказано, старина.

– Вы всегда делаете женщинам столько комплиментов среди ночи, Ник? Фотография и правда вышла удачная, я тогда еще хотела нравиться и

прилагала некоторые усилия.

Слава богу, что я не знал двадцатилетнюю Алису. Как Лаки мог так поступить? Зачем рисковать жизнью, когда тебя любит такая красавица? Ты совершил роковую ошибку, Лаки. Полтора миллиона долларов – ничто рядом с этой женщиной.

– Ник? Ник!

– Да...

– Вы там не уснули?

– Конечно, нет! Лизон Мюнье напишет вам, благо вы владеете французским. Я дал ей адрес, она расскажет все, что знает, и приложит открытки Алана из Америки. Мы вышли на след, Алиса, ухватились за кончик и разматываем весь клубок

– Вы умеете вдохнуть в человека надежду, Ник. Спокойной ночи.

Спокойной ночи, любовь моя. Если Лизон пришлет открытки, отправленные из Флориды или Калифорнии, мы продолжим расследование вместе, Алиса.

28

Он был здесь

Октябрь 1964

Луизиана-авеню, 19, Вашингтон

– Когда умер муж, – сказала миссис Уотерс, ставя на стол между чашками тарелку с кексами, – с чайным салоном была масса хлопот, хотя он был нашей общей собственностью. Как будто женщина не способна сама вести дело!

– Меня это не удивляет, – ответила Сид Кэбелл, единственная клиентка в этот утренний час. – Мужчины занимаются только политикой, им и дела нет до подобных проблем.

– Ваша правда, – кивнула миссис Уотерс. – Настанет время, и женщин в политике станет больше, но случится это не сегодня и даже не завтра. Политика – мужская история, так что вторгнуться туда сумеет только очень храбрая женщина.

– Да уж, женщину-президента мы вряд ли скоро дождемся.

– Слышали об Эмилии Арлингтон, сенаторе от Вирджинии? Она защищает фермеров. Ну так вот, никто не знал, что на нее подали в суд – кажется, из-за сына.

– Кто именно?

– Понятия не имею. Но уверена – те же люди теперь нападают еще на одну честную женщину, да к тому же политика. Весь процесс был липой, они ничего не смогли доказать и вынуждены были отступить. Шайка мерзавцев, вот кто эти люди! Очень по-мужски – нападать на сына, чтобы причинить боль матери.

Миссис Уотерс поставила поднос перед Сил Кэбелл и замолчала, подыскивая новую тему для беседы.

Посетительница помогла ей – спросила, понизив голос, доверительным тоном:

– Вы разве не в курсе?

Сид Кэбелл очень удивилась, поняв, что профессиональная сплетница миссис Уотерс (не зря она семнадцать лет владеет чайным салоном) ничего не слышала.

– В курсе чего? – рассеянно поинтересовалась миссис Уотерс, убирая соседние столики.

– В курсе смерти сына миссис Арлингтон. – Сид Кэбелл перешла на мелодраматический шепот: – Похоже, нам не все сообщили.

– Лично я отношусь к рассказам о политиках, особенно о политиках-женщинах, с большой осторожностью! – безапелляционно заявила миссис Уотерс.

– Ходят слухи... – продолжила Сид, слегка разочарованная реакцией собеседницы, – что молодой Арлингтон оставил прощальную записку, но мать ее уничтожила и никому ничего не сказала.

– Как вы узнали?

Сид выдержала театральную паузу, прищурила близорукие глаза, как будто высматривала гипотетических шпионов, и сообщила:

– От экономки! Это она нашла тело молодого Арлингтона. Мы с ней приятельницы.

Миссис Уотерс протирала столики, изображая пренебрежительную недоверчивость, но Сид, хоть и неопытная в деле распространения слухов, заметила, что столешница давно сияет. Хозяйка заведения клюнула. Она могла сколь угодно долго притворяться равнодушной, Сид ей не обмануть. Миссис Уотерс жаждет узнать подробности. Придется ей потерпеть.

– Ну что же... – миссис Уотерс пожала плечами, – любая мать поступила бы так же. Вы же не думаете, что ей следовало опубликовать письмо сына на первой полосе «Вашингтон пост»?

– Конечно нет! В подобной ситуации необходима сдержанность. Лучше мне помолчать.

Сид деликатно подула на чай и поставила точку в разговоре, очень гордясь собой.

Миссис Уотерс оставила в покое губку и полировальную тряпицу, взяла стул и села рядом.

– Буду с вами честна, дорогая. В области деонтологии откровений – а тут я почти профессионал – существует единственное правило: не говори ничего или скажи все. Умолчание, намеки, предположения вредят честным людям. Обвиняешь – предъявляй доказательства.

Сид Кэбелл растерялась – она была любительницей, куда ей тягаться с миссис Уотерс.

– Вы действительно так думаете?

– Ну конечно! Вы намекаете, что миссис Арлингтон скрывает ужасную тайну своего сына. Попросту говоря – клеветеете на нее. И пока совершенно бесплатно, а ведь другие, услышав об этом, могут напридумывать бог знает что: «Похоже, молодой Арлингтон был гомосексуалистом, да-да, мисс Кэбелл меня просветила!»

– Господи, вот ужас! – вскричала совершенно раздавленная Сид. – Вы правы, лучше уж я все вам расскажу.

Она сделала еще одну паузу, подула на чай и заговорила:

– Это касается высадки в Нормандии. Сына сенаторши наградили, но на самом деле никакой он не герой войны, а трус. Вместо него во Франции погиб другой солдат. Он сам признался в письме.

Миссис Уотерс притворилась разочарованной.

– Как я и думала, ничего определенного.

Она вернулась за стойку и перевела разговор на другую тему.

Четверть часа спустя Сид Кэбелл допила чай и покинула салон.

Миссис Уотерс зорким глазом высматривала среди новых посетителей знакомых Эмилии Арлингтон – друга сенаторши, которого она могла бы расстроить, или врага, чтобы его обрадовать.

Растяпа Сид Кэбелл понятия не имеет, какой ценный секрет она поведала. Скандальные сведения из первых рук – такое не каждое утро доходит до ваших ушей.

Воистину, день славно начался.

Письмо из-за океана

27 октября 1964

Вашингтон

Утром Алиса получила письмо от Лизон. Она не стала вскрывать конверт – решила прогуляться и прочесть его в тени деревьев, как поступала когда-то с письмами от Лаки.

Впервые после возвращения в Вашингтон ей захотелось обогнуть город с юга, вдоль Потомака, – двадцать лет назад это был ее любимый маршрут. Тогда у реки было много широких лужаек и газонов для пикников. Архитекторы совершенно сознательно сохранили гектары свободного пространства напротив Капитолия и Белого дома.

Возводя Вашингтон, француз Пьер Ланфан дополнил стандартный – блоковый – план американских городов широкими диагональными улицами, откуда открывались разнообразные виды. На Белый дом, на Маунт-Вернон-сквер, на архитектурный ансамбль Круга Томаса с Капитолием и разбегающиеся от него авеню. Во времена первого архитектора город напоминал букву *L*: Белый дом, памятник Джорджу Вашингтону, Капитолий. История Соединенных Штатов была тогда такой же короткой, как главный проспект столицы.

Годы шли, понадобилось продлить авеню Молл. Век спустя пришлось засыпать приличную часть Потомака, чтобы выстроить напротив Белого дома мемориал Джефферсона, а напротив Капитолия – мемориал Линкольна. Недавно исторический проспект перебрался через реку, и на правом берегу зажегся Вечный огонь Джона Кеннеди, встроившись в перспективу памятников славным предкам. Скоро наверняка понадобится место для солдат, погибших во Вьетнаме, для пионеров космоса, героев следующей мировой войны.

Преемники Пьера Ланфана вынуждены были экономить землю, с учетом долгосрочной архитектурной панорамы. Они держали в резерве эти столь завидные пустые пространства рядом с центром города, чтобы не пришлось ставить памятники будущим героям американского народа в пригороде – за неимением места. Исторический американский проспект двигался вперед потихоньку, сообразно логике и хронологии, всегда на запад, и, возможно, когда-нибудь дойдет до Тихого океана.

Во всяком случае, так Алиса представляла себе Вашингтон. В 1940-м, в предвидении всех этих будущих памятников, берега реки оставались деревенским уголком в сердце города.

Октябрьским вторником 1964 года Алиса вышла к Потомаку и почувствовала разочарование: судя по всему, историческим фигурам Америки будущего грозит далекое изгнание. Монумент героям Вьетнама установят в Чайна-тауне или другом подобном месте.

Нераспаханной земли не осталось – подрядчики победили.

Свободные когда-то пространства вдоль реки со всех сторон пересекали подъездные дороги, чудовищные восьмиполосные транспортные развязки. Десятки напластованных друг на друга транспортных артерий напоминали Алисе гигантское блюдо лапши, кишашее маленькими зверюшками: автомобили чиновников спешили вырваться из города, покинуть тысячи офисов в центре и оказаться на северо-западе, в Джорджтауне, Бетесде, Чеве-Чейзе...^[15] Их манили к себе тенистые долины и дома, не всегда большие и оригинальные, но частные. Окруженные садами, часто не огороженные (зачем добрым соседям заборы). В подобных владениях человек может наконец обрести вечернее отдохновение, улыбнуться ребенку, который выехал на дорогу на велосипеде встречать родителей. Итак, подъездные пути, чей вид расстраивал Алису, сотворили вторую реку – из автомобилей – со своим мелководьем, многочисленными паводками и опасными для окружающего мира выбросами.

Алиса собралась с духом и пошла вниз по течению, держась на безопасном расстоянии от берегов. С трудом ей удалось пересечь автомобильный поток, чтобы попасть на узкую тропинку, которую благоразумно сохранили архитекторы. На некоторых участках ее заасфальтировали – для пешеходов, велосипедистов и мамаш с колясками.

Двухколесные, четырехколесные и вовсе безколесные старались уживаться в этом узком коридоре, встречаясь и расходясь с максимальной деликатностью.

К глубокому своему разочарованию, Алиса увидела, как изменились подступы к небольшой вашингтонской бухте, где когда-то можно было встретить настоящих рыбаков, продававших свежий улов. Зато появились рыбные рестораны с террасами, утыканными разноцветными зонтами.

Алиса взяла чуть западнее, к слиянию Потомака и реки Рок-Крик. Здесь, в старых квартирах с видом на воду, она жила с 1940-го по 1944-й, когда учила французский в Джорджтаунском университете. Алиса очень их любила, эти небольшие, почти деревенские здания. Это было единственное

– возможно, последнее – место в Вашингтоне, где сосуществовали люди всех рас, вероисповеданий и возрастов, американцы и иностранные подданные. Транзитная территория давала приют новым обитателям столицы, еще не угнездившимся в городе, не выбравшим свой лагерь: Джорджтаун, Чайна-таун, северные или черные университеты вокруг Говардского университета... [16]

На картах, выпущенных в 1964 году, Алиса этих старых домов не обнаружила и теперь, оказавшись на месте, издали увидела церковь из стекла с выразительным названием: Уотергейт.

Водные врата.

Все выглядело новым и очень чистым, журчал фонтан, вокруг росли цветы. Круглая форма здания позволяла жителям этих мест выбирать вид из окон на свой вкус: величественный – на Потомак, лиричный – на Рок-Крик.

Алиса облюбовала скамейку на широкой внутренней эспланаде и села отдохнуть. Вид ее не порадовал. Слишком много гравия... Обстановка изменилась, но она узнала место. Здесь, но на другой, старого образца, скамейке она каждый вечер читала под фонарем письма Лаки или писала ответ. Света тут всегда было достаточно, и она наконец распечатала конверт с посланием от Лизон.

Шато-ле-Дьябль, 18 октября 1964

Дорогая Алиса!

Я прекрасно вас помню. Я очень давно, первый и единственный раз в жизни, увидела вас на короткое мгновение, но оно навеки запечатлелось в альбоме моих личных воспоминаний. Вы тоже меня не забыли, правда? Когда тебе двадцать, подобные моменты остаются с тобой навсегда. Я была очень веселой, а вы, напротив, печальной. Меня потряс ваш взгляд, вернее, его отсутствие, как у человека, желающего стать невидимым.

Один и тот же отлив, тот же десантный бот принесли мне любовь, а вас сделали вдовой. Это различие произвело на меня чудовищное впечатление, ужасно меня поразило, показалось, что мир не нуждается в избытке счастья и горя, но в равновесии между ними, то есть моя радость могла родиться только после смерти чужого чувства. В голову пришла дикая мысль: похоже на договор со свирепым демоном.

Тем летним днем 1944 года я, нормандка, увидела вас и подумала, что не должна чувствовать себя такой неприлично счастливой. Я догадалась, что вы американка, влюбленная, уже вдова, потерявшая все на свете. Каждому нормандцу следовало испытывать некоторый стыд – во всяком

случае, я на это надеялась, глядя на погибших американских солдат, ведь они были так молоды! Каждый обязан был спрашивать себя: а стою ли я того, чтобы чужеземцы приплыли умереть за нашу свободу, достойны ли мы подобного самопожертвования? Я была хуже всех. Лаки погиб в Нормандии, на краю света, чтобы освободить трусливых незнакомцев, которые как идиоты ждали чудесного избавления ценой чужих жизней. По иронии судьбы, я, такая же трусливая нормандка, как и все остальные нормандцы, не надела траур по освободителям, а влюбилась и переживала счастливые часы моей жизни. Извините за многословие, но мне и правда часто бывает стыдно за то, что мои соотечественники такие неблагодарные люди! Хотя я и тут необъективна – высадка союзников принесла мне гораздо больше радости, чем всем остальным.

Знаете, Алиса, сегодня я понимаю то ваше давнишнее желание стать невидимкой. Алан уехал. Я хотела бы оказаться в Америке и понять, почему от него так давно нет вестей. Я бы сумела – как вы двадцать лет назад в Нормандии, но у меня, увы, нет денег на путешествие, поэтому я удовольствовалась десятками объявлений в газетах и несколькими безрезультатными телефонными звонками.

Я долго думала, что у Алана осталась женщина на родине. Другая жизнь. Он ведь регулярно получал письма, и у него был от меня секрет. Лучшие уж так, чем самое плохое. Иллюзии утешали меня – Алан счастлив, он воссоединился с любимой – до сегодняшнего разговора с вашим сыщиком, этим Ником Хорнеттом. Теперь я многое понимаю в молчании Алана. Он ведь никогда не хотел рассказывать – ни о Лаки, ни о вас. Быть свидетелем Лаки Алан считал честью, возможно, он вернулся домой, чтобы исполнить долг перед другом. Теперь мне кажется странным, что он не поступил так давным-давно.

Меня мучит другая догадка, ужаснее первой, – о двойной жизни Алана. Если он уехал в Америку из-за истории с договором, значит, хотел встретиться с вами, чтобы предупредить. Мистер Хорнетт сказал, что из Австралии вы вернулись уже давно, так что я не ошибаюсь. Вы не встретились. Он до сих пор не нашел вас. Почему? Господи, как же я боюсь, что ему помешали! Он скрыл от меня не только историю с договором, но и нечто гораздо более страшное. Он сделал открытие, которое напугало его – двадцать лет спустя! – и заставило срочно улететь в Штаты.

Алан написал из Америки три открытки – в первые два месяца, в них не было ничего особенного, разве что он слишком настойчиво пытался меня успокоить. Прилагаю их к письму в надежде, что они выведут вас на след.

Алиса, вы спасательный круг в океане моих сомнений и неопределенности. Сама я никогда не смогла бы начать расследование в вашей стране, нанять частного детектива. Очень вас прошу, держите меня в курсе, сообщайте новости – любые, пусть даже самые печальные.

Наши судьбы странным образом пересеклись. Мы поразительно близки, Алиса, и я чувствую то же, что вы. Ник Хорнетт (этот детектив просто боготворит вас) рассказал, что вы двадцать лет носите в душе траур. Надеюсь, когда это дело окончательно разрешится, вы сумеете забыть и жить дальше, ведь вам всего сорок. Я же буду молиться, чтобы не пришлось одеться в черное в тот самый момент, когда ваш траур закончится. Я знаю, что тоже буду вдовствовать долго, очень долго, а учитывая мой возраст, это обречет меня на душевную муку до конца дней. Надеюсь, мы снова увидимся, и верю, что это не будет встреча двух несчастных вдов, которые способны говорить только о потерянной любви.

Лизон Мюнье

В конверте лежали фотография Алана и три открытки, что он прислал.

На первой был изображен ярко-красный комбайн на деревянном цоколе. На обороте Алиса прочла: *Джонатан Фид, 1863, первая автоматическая сноповязалка, Музей сельскохозяйственной техники, Эшленд, Кентукки.*

Вторая открытка была с изображением памятника на гранитном постаменте. Надпись гласила: *Генерал от кавалерии Говард Д. Линфорд, 1798–1859, Эффингем-Бэттл, 1837, Эффингем.*

На третьей открытке бурная река несла несколько каноэ, их корпуса и оранжевые спасательные жилеты контрастировали с зеленью берегов. Внизу надпись: *Де-Мойн, Валентайн, Айова.*

Послания Алана показались Алисе нейтральными, успокаивающими. Он заверял, что у него все в порядке, обещал скоро вернуться, просил Лизон о понимании и терпении, передавал привет друзьям, оставшимся в Нормандии, и заканчивал нежными, но очень целомудренными словами.

Эшленд, Эффингем, Валентайн... Так Мальчик-с-пальчик бросал камешки. Выйти на его след спустя полгода не составит труда.

Эшленд и его Сельскохозяйственный музей

7 ноября 1964

Национальное шоссе № 452, Ричмонд – Франкфурт

Национальное шоссе № 452, попетляв немного через Аппалачи, развернуло перед ними асфальтовую ленту и устремилось на восток, к долине великой реки Миссисипи. Дорога была пуста, как в американских роуд-муви или в рекламе, восхваляющей мощь дорогого автомобиля.

По шоссе ехала одна – нет, две машины: неспешный «форд-флитвуд» и метрах в ста позади него – ярко-красный «кадиллак-эльдорадо».

Мы тащимся, Ник, иначе не скажешь. Разве не ты хотел умчаться принцессу в Калифорнию?

– Колымага снова саботирует! – воскликнул он, стукнув кулаком по рулю своего «форда». – Простите меня, Алиса.

– За что? – удивилась она.

– За жалкую машину, за то, что проехали сто семьдесят миль за шесть часов.

– Послушайте, Ник, вы работаете на меня за просто так. На что мне жаловаться? Мы едем на вашей машине, у меня ведь даже прав нет. Я вряд ли когда-нибудь сумею вас отблагодарить.

– Такое впечатление, что мы стоим на месте. Почему Бог создал такие монотонные пейзажи? А люди проложили еще более скучные дороги?

Ник нервным жестом выключил радио – оно невыносимо раздражало его скрипучей пародией на кантри.

– Даже музыка нормальная тут не ловится!

– Не любите уезжать из Вашингтона, Ник?

– Почему вы так решили? Из-за того, как выглядит мой «форд»? Едет он медленно, но это все-таки «Флитвуд». Двадцать лет назад был тачкой номер один.

– По вашему настроению.

Теперь тебя волнует мое настроение, Алиса? Стоило разозлиться. Ты слишком романтичен, дружище. Женщины не любят милых мужчин, им нравятся мерзавцы с дурными манерами.

– Я не путешественник. Люблю родной город.

– Спасибо за все, что вы для меня делаете, Ник. Кажется, расставание с

Вашингтоном тяжело вам далось.

– И «форду» тоже.

Пауза на мило.

Кончай плести кружева, Ник, изобрази грубияна, раз уж только это и приносит результат.

– Я бы смирился, будь это свадебное путешествие, – буркнул Ник, но Алиса не приняла игру.

Они молчали четыре мили – очень долго, с учетом скорости – 50 миль в час.

Пошевели мозгами, Ник, скажи что-нибудь оригинальное.

– Эшленд большой? – спросил он.

Гениально, старик! В умении вести беседу и двух равных тебе не наберется.

– Маленькая точка на карте, – натужно-веселым тоном ответила Алиса. – Сейчас открою путеводитель. Эшленд, две тысячи четыреста двадцать восемь жителей. Знаменитый Сельскохозяйственный музей.

– Какой ужас.

– Почему? – удивилась она. – Экспозиция наверняка интересная.

– Я и забыл, что вы тоже деревенская.

– Только по приемным родителям. Но я и правда люблю деревню.

– Даже до двух с половиной тысяч не дотянули. Значит, гостиница всего одна.

– В путеводителе об этом ничего не сказано.

– Поверьте ветерану засад – отель один-единственный, то есть Алан наверняка там ночевал. Сегодня вечером мы пройдем по его следам, а может, даже получим его номер. Если, конечно, доберемся.

Двухмильная пауза.

Черт, Ник, музыки все равно нет, ищи другую гениальную идею.

– Спойте что-нибудь, Алиса.

Она улыбнулась, включила радио, и звуки электрогитары заполнили старенький «форд».

Знаешь, Ник, даже я иногда удивляюсь твоей тупости.

Они миновали указатель «Чарлстон, 140 миль».

Минуту спустя мимо них проехал Тед Силва.

Невероятно! Они что, так и будут ползти всю дорогу? Надеюсь, эти придурки не везут меня полюбоваться тихоокеанским побережьем, черт бы их побрал. 50 миль в час! Стоило садиться в новый «кадиллак-эльдорато».

Приемник трещал, скрипел и плевался неразборчивым роком. «Грехи

вы мои тяжкие!» Тед скормил новомодной магнитоле последний писк сезона – *Everly Brothers*, – и они в шестой раз затагнули «Прощай, любовь», а следом весь остальной репертуар.

Почему ты не взял другие кассеты, болван?!

Тед стартовал в режиме молнии. Он терпеть не мог спешных отъездов, в том числе потому, что приходилось закрывать салон. На сколько времени? Как долго влюбленные голубки будут таскать его за собой по сельской местности? Силва мог бы поручить парикмахерскую Терезе, но его ученица и с собой-то едва справлялась. Тереза! Не будь она дочерью его сестры Джинны, давно вылетела бы за дверь.

Тед волновался, потому что салон приносил ему хорошие деньги, даже если брать в расчет только обычную клиентуру. Его дети, Серджо и Лелла, давно выросли. Ему не по возрасту отправляться на сафари, вооружившись одной только зубной щеткой. Уйти от дел? Почему бы и нет, в конце концов? Елена будет в восторге, она вечно бухтит: «Ты слишком много работаешь!» Переберутся на юг, поближе к Лелле и зятю. Елена, его благочестивая жена, после стольких лет бесконечного вранья это заслужила.

И правда, почему бы не уйти на покой? Выполнив этот контракт, разумеется. Обязательство есть обязательство, пусть даже такое тухлое, как то, что поручила ему сенатор Арлингтон. У Теда была профессиональная честь, он считал, что устный уговор – святое дело.

Он встряхнулся и автоматически прибавил скорость.

Осторожно, Тед, знаешь ведь, что нет ничего труднее слезки за машиной на пустынной дороге, тем более что у тебя очень приметная тачка. Понять бы еще, куда они едут.

Эшленд оказался крошечным городком чуть в стороне от крупной развязки, обустроенной двадцать лет назад между национальным шоссе № 452 на Ричмонд – Франкфурт и шоссе № 18 на Нэшвилл – Кливленд. Столица сельскохозяйственной техники встретила их рычанием кранов и бульдозеров: строители расширяли дорогу, перекресток должен был превратиться в современную транспортную развязку. Местные жители много ждали от инфраструктурных перемен, надеясь, что Эшленд станет стратегически «необъезжаемым» городом, настоящей столицей! Местные боссы верили, что скоростные полосы обеспечат развитие, хотя случиться, по логике вещей, должно было обратное.

Ник скептически относился к достоинствам своего «форда», однако в Эшленд они добрались задолго до наступления ночи, зато он оказался прав

насчет единственного отеля. Приют для усталых дальнобойщиков и торговцев, подобных транзитных гостиниц тысячи по стране. Тип с благородной сединой, при галстукке, выглядел так шикарно, что никому и в голову не пришло бы, что он проводит дни, опорожняя мусорные корзины и баки, перестилая постели и подметая полы. Он одарил их искренней улыбкой – встречать постояльцев было самой непротивной из его обязанностей.

Ник решил не ходить вокруг да около, представился частным детективом и заговорил об Алане Ву, который жил в гостинице в марте 1964 года. Лицо управляющего выразило сомнение, он объяснил, что нанялся на работу всего три месяца назад. Мало кто из выпускников гостиничного колледжа мечтает оказаться в подобной дыре. Но журнал регистрации он показал без проблем, и Алиса с Ником нашли, что искали: 21 марта 1964 года Алан заселился в отель и провел здесь две ночи.

– Теперь остается узнать, зачем Алан приехал в эти края. Вряд ли страсть к сельскохозяйственной технике могла оторвать его от прекрасной нормандки Лизон. Пожалуй, нам стоит здесь поселиться, Алиса.

О да, Алиса, час истины пробил. Наша первая ночь вместе.

– Желаете номер с туалетной комнатой, душем, телевизором? – спросил обрадованный портье.

– Не имеет значения – платит агентство Хорнетта, – объявил Ник. – После завершения дела запишу это на счет клиента.

– Значит, без душа и телевизора, – ответила Алиса.

– Агентство благодарит вас за экономность, дорогая.

– Но комнат две, – уточнила Алиса.

Туше, маленькое чудовище!

Ночь давно убаюкала Эшленд, но Алисе не спалось. Она вышла на деревянный балкон, выкрашенный зеленым в тон фасаду гостиницы в стиле Дикого Запада. Спящая деревня напоминала Личфилд, где она жила у приемных родителей. Было три часа, Алиса наблюдала за тенями, вслушивалась в тишину и вспоминала себя в пятнадцать лет. Покой бескрайних пространств вернул ей то, что она безвозвратно утратила в шуме и грохоте Вашингтона. Тихая ласковая ночь дарила покой.

Открылась балконная дверь соседнего номера, появился Ник.

До чего же холодно! Нужна храбрость, мой потрепанный Ромео, чтобы в такой час выйти в кальсонах на балкон полюбоваться возлюбленной.

– Не спите, Алиса?

– Нет... А вы?

– Ну... Я спал. Захотел пить... Увидел свет.

Наступила пауза длиной в полет падающей звезды.

Ник никогда не видел Алису в таком *неглиже*, разве что в день взрыва. Розовая футболка с лохматым серым щенком соблазнительно обтягивала идеальные формы.

Господь всемогущий, как же она хороша. Выглядит на восемнадцать лет! Если тебе больше нечего сказать, остается только стратегический подход. Возвращайся в постель и предайся фантазиям. Ты четыре часа не спал, да и награду уже получил.

– Ну ладно... Доброй ночи, Алиса. Завтра нас ждет работа.

– Вы правы. Я тоже попробую заснуть.

– Что вы там увидели, Алиса?

Она обернулась и посмотрела на него – нежно, как спаниель, вышитый на ее футболке.

– Ничего... Ничего важного. Может, астероид В-612.

– Не понял.

– Астероид В-612. Не пытайтесь вспомнить, Ник, вы не поймете.

Теперь она принимает меня за умственно отсталого.

– Слушаюсь. Вашему шоферу не хватает мозгов, лучше ему уложить их спать, а то мало ли.

Алиса улыбнулась.

– Нет, Ник, дело совсем в другом.

Хорнетт закатил глаза, чтобы не пялиться на грудь Алисы под розовой тканью.

– Значит, я для вас недостаточно романтичен?

– Перестаньте, Ник. Вы – взрослый, потому и не можете понять.

Взрослый? О да, все мое существо это чувствует. Но и ты, Алиса, не девочка.

Он взял себя в руки и спросил почти веселым тоном:

– Итак, взрослые люди не способны разглядеть астероид?

– Увы... Вы читали «Маленького принца»?

– Мой черед сожалеть. Я и литература, особенно французская...

– Между прочим, «Маленький принц» был написан в Нью-Йорке. На французском языке, тут вы правы. Никто на свете не писал ничего прекрасней. Это книга... о счастье – несмотря на ужасно грустный конец. О надежде – хотя свет она увидела в сорок третьем, а вскоре погиб Лаки.

– А какое отношение к книге имеет астероид?

– Там живет Маленький принц. Когда Сент-Экзюпери становится

грустно, он смотрит на небо и вспоминает друга, который вернулся жить на свою звезду. Печально и радостно, понимаете? У каждого ушедшего есть собственная звезда.

Тед Силва боролся со сном. Получалось плохо, уж слишком удобным был салон его «кадиллака». Он выбрал эту модель, предвидя частые отлучки из Вашингтона.

Вот ведь идиотство! – думал Тед. Плевое дело – одна машина, всего одна на пустынной парковке. Сломавшаяся тачка – примитивно, однако надежно. И Эмилия Арлингтон наверняка предпочитает эффективность дешевым эффектам.

Тед устал, его вымотала медленная езда. Время позднее, погасит она когда-нибудь этот чертов свет или собирается торчать всю ночь на балконе! Удумала тоже – любоваться звездами, даже не одевшись по-человечески. Чокнутая баба!

А этот детектив? Почему не затащил блондиночку в постель? Развязал бы мне руки. Ну что за невезение – наткнуться на единственного вашингтонского детектива-педика.

Тед сделал глоток воды, обтер лицо и вернулся к чтению профессионального журнала американских парикмахеров, его заинтересовали сушки-колпаки.

31

Война ничто по сравнению с...

Ноябрь 1964

Топика, штат Арканзас

Ральф Финн лежал в супружеской постели и тоже не мог заснуть.

Дверь открылась, он услышал перешептывания, но слов разобрать не мог.

– Тсс, Барри, не шуми, тут мужик спит.

– Да пошел ты... не раздеваться же мне в темноте.

– Совсем рехнулся? Уже полночь...

– Плевать, идет война!

Барри зажег свет.

– Эй, Джим, ты только погляди, какие шаловливые у этого типа ручонки.

– Что?

Барри бежал по коридору и барабанил в двери:

– Ребята, сюда, в нашей каюте онанист! Клянусь, это правда. Дрочила, дрочила!

Ральф проснулся в липком поту. Барри и Джим давно его не посещали. Лежавшая рядом жена тихонько посапывала во сне, она ни о чем не подозревала, не знала ни той давней истории, ни идиотского прозвища. И слава богу, Ральф сгорел бы со стыда.

Да, война тогда казалась ерундой по сравнению с последовавшими днями. В любой группе есть свои коды, ориентиры, выражения, клички, анекдоты – именно так люди сплачиваются.

Дрочила.

Эта дурацкая история объединила остальных и сплотила. Против него.

Позже Ральф прочел, что мастурбируют 86 % мужчин. То есть 86 % мужчин признались в этом социологам. А сколько еще не признались? Получается, подавляющее большинство. Да еще учесть, что опрос проводили в мирное время, когда вокруг мужчины полно женщин, которые не всегда говорят «нет». Во время войны все было иначе, подружки, невесты и жены остались за океаном. Ральф был уверен, что почти все рейнджеры на том десантном боте мастурбировали, чаще или реже. Ему просто не повезло – его застукали.

Теперь, по прошествии лет, он не мог не признать, что первые несколько дней команда отпускала на его счет сальные шутки, а потом прозвище стало всего лишь прозвищем, таким же, как любое другое – Микки, Барли или Тарзан. Мало кто знал его имя и фамилию, для ребят он был просто Дрочилой, а некоторые придурки считали, что это и есть фамилия. Ральф Финн попробовал повернуться на бок, чтобы уснуть, но голоса не оставили его в покое, повторяя на разные лады: «Кофе, Дрочила?», «Покер, Дрочила?»...

Иногда они хотели спасти ему жизнь: «Берегись, Дрочила!», «Вперед, Дрочила, я тебя прикрою!» К несчастью, сам он к прозвищу так и не привык, вот и ранен был во время высадки, потому что оборачивался – против воли, – услышав прозвище, и отвечал, и улыбался.

Рейнджеры не понимали этого. В школе, в летнем лагере от завода отца он никогда не ходил среди робких, не был изгоем, его не дразнили за то, что он медленно бегают, писается в кровать или часто плачет. Ральф не понимал, что значит быть отверженным. Нет, в главарях он тоже не ходил, но лейтенантом себя чувствовал. Ему вспомнился Жирдяй, как там его

звали? Луи, да, точно. Они пять лет проучились в одном классе. Мысленно он всегда звал его Жирдяем. Без задних мыслей. Под конец они даже подружились, не раз вместе рыбачили на Бивер-Лейк. Над Жирдяем не издевались – разве что в самом начале, потом прозвище стало знаком приязни. Жирдяй страдал все пять лет, а Ральфу доставалось всего четыре месяца.

Он встал, чтобы выпить воды. В доме царила тишина.

Из ста восьмидесяти рейнджеров, если исключить сержантов, только Алан и Лаки звали его Ральфом. Алан – потому что был хорошим человеком и все понимал. Возможно, его самого в детстве дразнили Зассыхой, Мямлей или Слабаком? Да нет, просто Алану хватало такта.

Лаки, тот умел быть жестоким, но уж слишком любил отличаться от остальных. Раз другие зовут Ральфа Дрочилой, он предпочтет забыть это слово. Впрочем, если бы Лаки первым придумал Ральфу кличку, даже еще более жестокую, он бы сообщил ее остальным не задумываясь.

Так могло случиться в самом начале. Потом – нет. Какого черта он об этом думает? Лаки наплевал бы и забыл! Они с Лаки стали друзьями. Во всяком случае, Ральфу хотелось так думать. Любой рейнджер хотел стать другом Лаки. А Ральф сидел с ним за одним столом, как верный оруженосец.

Лаки умел располагать к себе. Он сделал Ральфа другом очень просто – ни разу не назвал его Дрочилой.

Хитрый черт, что тут скажешь.

Алан и Лаки были особенными. И он, Ральф, тоже стал особенным. Мушкетером. Одним из четырех!

Ральф осторожно поставил стакан в мойку и вдруг вспомнил, как Оскар Арлингтон, Лаки Мэрри, Алан Ву и он сам закрылись в каюте, чтобы составить этот договор. Лаки выбрал его свидетелем. Его и Алана. Ну, Алан – это нормально. Но Ральф...

Почему? Зачем выбирать Дрочилу? Наверное, он внушал жалость, симпатию, выглядел честным. Скорее всего. Оскар так сильно трусил, что аж трясся. Миллион четыреста сорок тысяч долларов в те времена были колоссальными деньгами. Ральф спрашивал себя, кто из двоих безумнее – Лаки или Оскар. Не имеет значения, Лаки ему доверился. В вопросе жизни и смерти. Ему, а не одному из тех, с кем пил по ночам и резался в карты. Все эти парни были для него клоунами, а он, Ральф, – лучшим другом.

Ральф подумал об объявлении в газете, вашингтонский детектив искал свидетеля. Дрочилу.

Голос внутри тихо произнес: Лаки тебе доверился.

Нет! Лаки доверился Дрочиле. Но какая теперь разница. Слишком поздно. Дрочилы нет, он умер. Ему не вынести, если он еще хоть раз услышит это прозвище, да еще от ветеранов, в суде, где все будут над ним насмеяться.

Пот капал со лба, стекал по щекам на подбородок. От одной только мысли, что жена и дети могут узнать, внутри все скручивалось.

Мне жаль, Лаки.

Дрочила умер, он не воскреснет.

Вообще-то прозвище и связанные с ним мучения закалили Ральфа, именно оно сделало его сильным. Вернувшись с войны, он поклялся, что больше никогда не будет жертвой. Парией. Никогда! У него будет нормальная жизнь, семья, которая станет им гордиться. Гордиться Ральфом – хорошим мужем, мудрым отцом.

Все, что он сделал начиная с 1944 года, должно было уничтожить Дрочилу. И уничтожило.

Ральф постепенно успокоился. Здравый смысл одолел призраков Барри и Джима.

Прости, Лаки. Ты ошибся. Выбрал свидетелем не того. Твоя Алиса будет долго меня искать.

32

Черный кофе

8 ноября 1964

Эшленд, штат Кентукки

В Эшленде погасло последнее окно – в номере Алисы.

Пора!

Тед попытался встряхнуться. Пять часов.

Я спал или нет? Вздремнул четверть часа и совершенно окоченел, дурак. Давай, соберись, иди и сделай что надо, самое время.

Тело плохо слушалось, и Тед только через десять минут вырвался из объятий удобного кресла, пошатываясь, пересек парковку, и ночная прохлада наконец привела его в чувство.

Ну вот, самое сложное позади. Осталась рутина.

Силва приблизился к «форду».

Сейчас все быстро сделаю и поеду домой. Не умничать, просто повредить топливный бак, и тогда поворот ключа и – бах! Не шедевр, зато

никто не обвинит миссис Арлингтон в том, что она съездила в Эшленд и собственноручно прикончила эту бабу. Меня, кстати, тоже не заподозрят, а учитывая состояние этой, с позволения сказать, машины, копы точно поверят в несчастный случай.

За спиной Теда раздался шум. Он обернулся. Пусто. Свет не зажегся, собака мимо не пробежала. Ничего!

Он подождал, прислушиваясь, и снова склонился над бензобаком. Вот опять! На этот раз Тед понял: что-то происходит в жалком придорожном баре напротив парковки. Хозяин что, идиот? Он же не собирается открыться в пять утра?!

Железная штора со скрипом поползла вверх, полоска света легла на тротуар.

Да, мужик начинает работать до рассвета!

Тед разглядел силуэт за стеклом: хозяин заведения снимал со столов табуреты и расставлял их по местам.

Невероятно. Я сплю, вижу кошмар и сейчас проснусь. Ни один бар в мире не открывается в такое время!

Тед колебался, но все-таки решил действовать. Хозяин не разглядит его издали и не сможет опознать. Не факт, что он вообще его заметит.

Тед не привык рисковать, но эта история ему надоела. Теперь будет непросто превратить «форд» в адскую машину, но можно повредить рулевое управление, чтобы оно отказало не сразу, а через несколько десятков миль. Никто не свяжет аварию с незнакомцем, стоявшим рядом с машиной, а он будет уже далеко.

Тед вернулся к своему багажнику за инструментами, и тут внезапно появился грузовик. В кузове сидели шестеро здоровенных черных в дождевиках анилиново-желтого цвета. За рулем – белый небритый мужик, тоже в желтом. Грузовик припарковался неподалеку от «кадиллака», рабочие улыбались Теду, будто говоря: «Гнусное утро, приятель, лежать бы сейчас под одеялом, согласен, приятель?»

Мне крышка! – обреченно подумал Тед. Я погорел в этой дыре. Семеро видели меня с ножовкой в руке рядом с машиной. Вот же невезение. Зря только проторчал тут всю ночь.

Спать расхотелось окончательно.

Наверняка это рабочие с развязки, размышлял Тед. Есть в этой дыре хоть один квадратный сантиметр, где ничего не строят? И почему они так рано начинают? Наверное, у хозяина бара так мало клиентов, что он готов обслуживать их в пять утра! И что теперь делать? Могу только выпить кофе с черномазыми.

Ник проснулся бодрым, Алиса тоже – она привыкла мало спать. Они были единственными клиентами, и завтрак им подали отменный: апельсиновый сок, бекон, яйца, йогурты, фрукты...

За кофе Ник протянул Алисе фотографию Алана Ву:

– Я напечатал несколько штук. Увидите, Алиса, играть в сыщиков очень весело.

Они поделились и провели утро в деревне, показывая фотографию Алана всем, с кем встречались. Безуспешно. Во второй половине дня настал черед торговцев, но и тут результат оказался нулевым. Оставалось одно – звонить в двери. Увы...

Алиса была близка к отчаянию, когда в маленьком сквере за городским музеем встретила старую даму с внучкой.

– Мне жаль, милая, я никогда его не видела, – сказала она.

И вдруг девочка – на вид ей было лет десять – подергала Алису за рукав, прося показать снимок, сдвинула бровки:

– Бабуля, кажется, это тот гадкий мистер!

– Какой еще гадкий мистер, Сара, что ты такое говоришь?

– Ну, тот, с которым ты велела мне не разговаривать. Помнишь, он стоял у школы и смотрел на двор.

– Ты думаешь? Нет...

– Я уверена, ба, а ты просто его не рассмотрела!

– А что за гадкий мистер? – спросила Алиса.

– Сатир, миссис, – ответила девочка. – Пама с мамой так...

– А ну закрой рот, Сара! – строго приказала бабушка. – Я сама расскажу. Ну так вот... Это случилось полгода назад. Этот человек – не знаю, его ли вы ищете, – появился однажды утром неизвестно откуда. Стоял у школы и высматривал кого-то. В деревне, конечно, пошли разговоры. На следующий день он вернулся, и родители велели детям быть осторожнее. Должна признать, что на бродягу или извращенца он не был похож, но поди знай. А потом он исчез, и больше мы его не видели.

– Кто-нибудь с ним разговаривал?

– Кажется, нет. Не успели. Вы из полиции? Он преступник, да?

– Нет, бабуля, – вмешалась девочка, – не преступник, а сатир.

Сара получила подзатыльник, и Алиса почувствовала себя виноватой.

Два часа спустя они сели в «форд».

– Подведем итоги первого этапа, – сказал Ник. – Очень средне. Сами видите, Алиса, ремесло частного сыщика – дело крайне неблагодарное.

- А мне ваша работа кажется очень увлекательной.
- Согласен, любой сыщик скажет вам, что удачи в работе бывают редко.
- Почему вы так говорите?
- Ну... вам трудно будет понять. Проехать пятьсот миль и узнать, что Алан – извращенец, подкарауливающий детей у школы. Не стоит писать об этом бедняжке Лизон.
- Нужно мыслить позитивно, Ник. Мы продвигаемся быстрее Алана. Даже на вашей машине! Мы провели здесь одну ночь, а он – две. В таком темпе мы скоро его догоним. Вперед! Нас ждет второй адрес: Эффингем, штат Иллинойс. Кажется, там была какая-то битва...
- Многообещающе...
- Мужайтесь, до Эффингема всего пятьсот миль.
- Тише, Алиса, мой «форд» может услышать.

33

Эффингем, сражение, генерал и кожевенный завод

8 ноября 1964

Эффингем, штат Иллинойс

Второй этап оказался еще скоротечней первого.

Когда-то Эффингем действительно был процветающим и знаменитым, но теперь так считали только несколько местных историков-краеведов.

Эфемерной славой город был в первую очередь обязан сражению: в 1837 году местный уроженец генерал Говард Д. Линфорд уничтожил здесь остатки племени сиу, которые дали армии повод устроить бойню, убив нескольких пионеров, имевших неосторожность поселиться на уединенных фермах.

Второй достопримечательностью Эффингема был кожевенный завод Мерилла, долгое время остававшийся одним из крупнейших в США. Завод, выстроенный на Калластия-Ривер, небольшом притоке Миссисипи, перед войной поставлял кожу лучших сортов, а в конце пятидесятых переехал южнее, ближе к морю и стадам, в окрестности Хьюстона.

Эффингемский объект Мерилла тогда же, в пятидесятых, модернизировали – возвели новые здания, чтобы потрафить Томасу Мериллу, наследнику отца-основателя предприятия. Его предок Израэль Мерилл, героический трапер доколониального периода американской

истории, занялся кожевенным делом в 1820-м, в возрасте пятидесяти лет, когда дрожание в руках не позволило и дальше плавать по бурным рекам, преодолевая пороги. После смерти в 1957 году последнего Мерилла акционеры, люди совсем не сентиментальные, покинули глухой угол.

Закрытие завода положило конец бесплатным обедам, ссудам на жилье и футбольную команду, рабочих по утрам не везли на работу, детей – в школу, даже мусор перестали собирать централизованно. Некоторые переехали в Техас, другие предпочли остаться, но и им пришлось сниматься с места, когда закрылись школы, магазины и все остальное. Типовые домики с плоскими крышами почти все опустели, и если бы индейцы сиу выжили, то они без труда отвоевали бы свою территорию, ведь защищал ее теперь только старый генерал Линфорд, по-прежнему сидевший на вздыбленном бронзовом скакуне.

Ник и Алиса въехали в Эффингем в четыре часа пополудни и покатали по длинной главной улице, застроенной кирпичными домами, в сторону площади Говарда Д. Линфорда. Маленькая старушка улыбнулась и помахала им красными руками. Нет, она не была представительницей коренного населения, просто всю жизнь проработала красильщицей.

«Форд» остановился. Алиса вышла и узнала у старушки, что последняя гостиница закрылась три месяца назад, а человек на фотографии ей незнаком, хотя он мог и побывать в Эффингеме, поэтому можно, конечно, справиться в другом месте, но уж если она не видела незнакомца, то все остальные и подавно. А впрочем, желаю успеха...

Ник с Алисой последовали совету и ничего не добились. Не повезло им и со школой, ее тоже закрыли много лет назад.

– Зачем Алан приезжал в эту деревню призраков? – спросил Ник. – Ума не приложу.

– Остановиться нам негде, – сказала Алиса. – Что будем делать?

– Выбор невелик. Место симпатичное, не спорю, для тех, кому нравится промышленный туризм. Жалко, что ни один мой приятель не выстроил в этом райском уголке рыбацкой хижины и не даст нам приюта. Боюсь, придется сократить наше пребывание в Эффингеме. Напомните, где наш Мальчик-с-пальчик оставил свой третий камешек?

– Третью открытку? В Валентайне, штат Айова, на реке Демойн.

– И сколько туда добираться?

– Не меньше десяти часов.

– Я готов, Алиса. Вы согласны ехать отсюда прямо в Валентайн? Мы можем быть там завтра утром, к завтраку.

– Вы водитель, Ник, но как быть с «фордом»?

– А что «форд»? «Форд» слушается своего водителя!

Хорошая работа, Ник. Молодец, проявил профессиональную сознательность, за это проведешь первую ночь с Алисой.

Алиса заснула на пассажирском сиденье до наступления темноты. Одета она была как обычно: широкая юбка, блузка, на плечи накинут пуловер. В вырезе блузки виднелся краешек белых кружев, грудь мерно вздымалась.

Ник сбросил скорость, повернул зеркало в сторону своей спутницы и потому не заметил следующей за ними машины.

Тед Силва этого не знал и прилагал невероятные усилия, чтобы держать дистанцию. Было бы верхом идиотизма проехать тысячу миль и облажаться!

Тед не переставал мысленно чертыхаться. Он ужасно злился, потому что так и не поел в этой деревне зомби.

Теперь он хотел есть. И спать. А проклятый «форд» и не думал останавливаться перед одним из немногочисленных мотелей, попадавшихся на пути.

Эти сволочи решили ехать без остановок – хотят меня уморить. Я не выдержу второй бессонной ночи! Не знаю, что с этим детективом, но сегодня вечером он тащится совсем медленно. Не думал, что такое вообще возможно. Вот ведь мука. Знать бы, куда направляются эти тупицы.

Тед боролся со сном, главное сейчас – ни во что не врезаться. Вот если его арестуют, он сразу расколется. Чувство чести у парикмахера имелось, однако он отчаянно боялся боли, а копы наверняка захотят превратить его в боксерскую грушу. Он прославится – против воли. О его преступлениях будут говорить. Газеты напишут о нем на первых полосах, объявят его преступником года, а может, и века. Но если сейчас воткнется в дерево или закончит свои дни в кювете, никто не узнает, каким гениальным убийцей был Тед Силва. И он навечно останется жалким парикмахером из квартала Фаррагут-Норт. Вряд ли вкладчики *Ex-voto* захотят прилюдно отдать ему должное.

Силва встряхнулся. Нет, преступный гений не может бесславно погибнуть в банальной аварии.

Тед всегда хотел написать мемуары – позже, на «пенсии» – и опубликовать их в посмертном, так сказать, порядке. Весь мир будет потрясен, скандал выйдет вселенский. Книга произведет эффект разорвавшейся бомбы. А уж как удивятся его жена, дети, родственники, любовница Джина и толстая корова Тереза. Ведь Тед Силва никогда не

участвовал в темных делишках, не продавал наркотики, не воровал, как кузены.

Ваши подвиги просто смешны, ребята. Тед Силва – человек другого калибра.

Да, после смерти его ждет слава, но сейчас он не готов к исповеди. Мастер причесок вечно пытался угодить родным, особенно жене Елене, и ничего не мог с этим поделать. Его, последыша в семье, воспитывала слишком властная мать, поэтому-то он и вел двойную жизнь – выпускал на волю свое подлинное «я».

Чтобы как-то развлечь себя, Тед начал подбирать название для будущих мемуаров. В душе он считал себя не только волшебником ножниц и расчески, но и мастером слова.

«Кровь на моих ножницах». А что, красиво! Запомним.

«Мои стервозные клиентки». Забавно было бы посмотреть на их лица, когда они возьмут книгу в руки.

«Мои безупречные преступления». Нет, слишком претенциозно.

«Убийца этих дам». Тоже нет. Елене не понравится.

«Да исполнится ваша воля». Неплохо... Хотя малость клерикально.

«Черный ангел». Почему нет.

Тед быстро утомился. Все, хватит. Он уже придумал достаточно броских названий, теперь придется выбирать лучшее, а это дело непростое. Впрочем, все приключения он в один том не уместит, так что могут пригодиться и другие.

Тед раздраженно пихнул кассету в магнитоу.

Bye Bye Love...

34

Валентайн, его река, его плотина

9 ноября 1964

Валентайн, штат Айова

В противоположность Эффингему, Валентайн за несколько лет перешел из разряда деревни в ранг маленького города, который постепенно уничтожал окрестные леса. А причиной всему – большая плотина на реке Демойн, возведенная в 1960 году.

Сначала все в Валентайне были против плотины. Эти самые «все» сводились к нескольким горластым крестьянам, которые убеждали

остальных, что «плотина испортит пейзаж, распугает рыбу и сгонит с насиженных мест перелетных птиц».

Большинство поверило обещаниям технократов, суливших чудеса прогресса и представивших на суд общественности красивый многоцветный макет будущей долины. Комментировал его сенатор собственной персоной. Мэр быстро понял, сколько денег может получить город, и все согласилось на плотину. Все, кроме земледельцев, чьи поля ниже по течению реки были обречены на затопление, и они это сразу поняли, хоть и промолчали. Крестьяне вооружились и забаррикадировались, как делали их предки, ожидавшие набега индейцев. Выглядело это до того героически, что кто-нибудь когда-нибудь наверняка снимет об этом телесериал. Когда-нибудь... А пока приехали бульдозеры и снесли дома, а крестьяне стояли в садах перед руинами, сохраняя молчаливое достоинство. Нет, они не ушли – наблюдали, как строится плотина, и тихо злорадствовали, убеждая себя, что реку Демойн покорить невозможно.

Однажды утром снова приехал сенатор, на сей раз с ножницами, перерезал ленточку, и представители местной власти открыли заглушки. Последние «сопротивленцы» услышали рев воды и ушли в горы, решив не сдаваться. Больше никто не жаловался: плотина обеспечивала электричеством территорию в шестьдесят миль, воды стало вдоволь, и впервые в истории здешних мест люди начали выращивать помидоры и другие капризные культуры. Укротила плотина и перекаты, так что тысячи туристов на каноэ и каяках принялись сплавать по реке и отдыхать на берегах, на радость местной торговле.

Ник с Алисой подъехали к Валентайну на рассвете, день обещал быть прекрасным. Вдалеке шелестели рыжие сикоморы. Их ветви, поблескивающие инеем, склонялись к озерной глади, любясь своим отражением.

– Какое великолепие, Ник! – прошептала Алиса.

– Вид неплохой, – небрежным тоном согласился Ник, – но не идет ни в какое сравнение с тем, что я видел этой ночью...

Алиса задумалась, но не до конца проснувшийся мозг не принял намек, и она спросила:

– Вы очень устали, Ник?

– Да как вам сказать... До Валентайна дотянул, слава богу, но как только войду в первую же гостиницу, сниму номер и буду отсыпаться. Сейчас мне все равно, был здесь Алан или нет, начнем разбираться, когда отдохнем.

– Полно, Ник, не будьте смешным!

Ну что за женщина! Я всю ночь за рулем, а она просыпается и говорит: «Не будьте смешным!» И знаешь, что самое глупое, малыш Ник? Ты сейчас кивнешь как дурак и пробормочешь что-нибудь вроде: «Я пошутил, Алиса... Конечно, мы остановимся только в том отеле, где жил Алан! Даже если придется искать его три часа».

– Слушаюсь, мой капитан, – устало произнес он.

В Валентайне было пять отелей. Третьим они посетили «Озерный трактир», стоявший на холме, чуть в стороне от города. До затопления он назывался «Трактир у водопада», и ему сказочно повезло: вода, поднявшаяся на десять метров, остановилась у нижней ступеньки, так что теперь хозяева похвалялись самым большим «бассейном» в Америке. С балкона каждого номера, выходящего на южную сторону, можно было нырнуть прямо в озеро. Миссис Парк, владевшая гостиницей двадцать лет и когда-то едва сводившая концы с концами, стала весьма обеспеченной женщиной. Она сразу опознала Алана, пригласила усталых путешественников войти и провела их в большой, в стиле ретро, салон. Обстановка наводила на мысль о процветании и роскоши.

– Жалко, что вы не видели, какой была моя гостиница до появления плотины, сегодня здесь все иначе. Летом я не принимаю постояльцев.

Алиса начала расспрашивать хозяйку об Алане, и та уверенно ответила:

– Я очень хорошо помню этого молодого человека. Забавно – он тоже назвался частным детективом.

Ник изумился, но перебивать хозяйку не стал.

– Вот вы похожи на сыщика, а ему я сразу не поверила, сама не знаю почему. Он был один, казался очень печальным. Выглядел как мужчина, которого бросила жена, и он ищет ветра в поле... если вы понимаете, о чем я. Или хочет найти детей, которых никогда не видел. Ваш друг задавал вопросы о школе, об учениках, но искал женщину, это точно. Он провел у нас две недели, но больше ничего мне не сказал. Вернее, он вообще ничего не говорил – все, что вы от меня услышали, не более чем догадки. Я кое-что сопоставила, перекинулась кое с кем парой фраз.

– И больше вы ничего о нем не помните? – спросила Алиса.

– Не знаю, важно ли это, но он очень любил французские блюда. У меня работала девушка из Нанта, она дала мне несколько рецептов, всякие изыски, выпечка с кремом. Кажется, ваш приятель попал в Нормандию во время высадки союзников, а после войны остался там жить. Это объясняет, почему он так легко сошелся с моей горничной.

Вот так новость. Все закольцовывается. Алан жил в Нормандии.

Хорошо бы задать несколько умных и точных вопросов, чтобы все прояснить, но у меня мозги не варят от усталости.

Диван был такой удобный, что у Ника начали закрываться глаза. Ему уже почти снились булочки с кремом, а Алиса сидела далеко и не могла пнуть его, чтобы разбудить.

– Выпьете кофе? – спросила миссис Парк. – Вид у вас больно усталый. Неужто всю ночь ехали из Иллинойса?

– Спасибо, с удовольствием! – Ник встрепенулся при слове «кофе» и спросил: – А чем Алан занимался, пока жил у вас?

– Да ходил повсюду, расспрашивал людей. Постоянно читал газеты. Покупал каждое утро целую пачку и... Вспомнила! Он просматривал объявления. Думаю, он кого-то искал, но не в нашей деревне. Так, я принесу вам кофе.

Вскоре хозяйка гостиницы вернулась и накрыла стол к завтраку: кофе, круассаны, масло и конфитюр. Не хватало только юной официантки-француженки.

– Вот что я подумала, – сказала миссис Парк, – насчет объявлений в «Деймон Вэлли ньюс». Это наша местная газета, ее редакция находится на Ровейн-стрит. Они подписаны на все издания штата и хранят уйму газет. Билл Бозмен – мой старый друг, сошлитесь на меня, и он покажет вам все, что захотите, и будет в восторге – старик обожает детективные романы.

– А вы случайно не знаете, куда Алан отправился из Валентайна? – спросила Алиса, страшась ответа.

– Понятия не имею. Он уехал однажды утром, мило попрощался, но и только. И адреса не оставил. Так поступают все постояльцы.

Поблагодарив гостеприимную хозяйку, Ник и Алиса отправились проветрить мозги на берег озера.

– Вот и закончились белые путеводные камешки, – посетовал сыщик. – След оборвался, Алиса.

– Что, если заняться газетными объявлениями?

– Угу...

Короткие объявления

9 ноября 1964

Валентайн, штат Айова

Название Ровейн-стрит оказалось очень метким. Улица и была, по сути, ущельем посреди скалистого выступа, вернее, холма, – на котором был выстроен город Валентайн, во всяком случае, самая старая его часть. Первопоселенцы выбрали холм как естественную защиту от взбрыков реки, тогда еще не перекрытой плотиной. Каменная дамба защищала дома во время паводка и придавала американскому городку несообразный вид средневекового фортификационного сооружения. Улица начиналась от церкви и спускалась к дамбе.

Здесь всегда было полно пешеходов, машин, фургонов доставки, кафе с плетеными стульями на террасах. Продавцы открыток соседствовали с самодеятельными выставками ремесленников, раскладывавших свои изделия на столах или ковриках. Этаким маленький Мон-Сен-Мишель в сердце Айовы – без моря, зато с озером, а иногда и с приливами, пусть и рукотворными.

Они оставили машину далеко от редакции, но легко нашли «Демойн Вэлли ньюс» по кричащей красно-белой витрине, украшенной постерами – портретами местных знаменитостей. Билл Бозмен, рыжеватый блондин, встретил их улыбкой раскормленного младенца из телевизионной рекламы.

– Я в курсе, миссис Парк мне позвонила. Я вас сразу узнал: «небритый тип и красивая блондинка»! Значит, вы детектив, а девушка – ваша ассистентка? – с оттенком зависти в голосе спросил он и подмигнул Нику, дескать: сыщики не скучают, да, старина?

Ник сделал возмущенное лицо – как можно, дружище! – очень надеясь, что Алиса не увидела. Билл обошел посетителей слева, извинившись за беспорядок, сдвинул стулья, чтобы не мешали, убрал со стола несколько папок и с гордостью сообщил занятым машинисткам: «Наш гость – детектив!» – но они даже голов не подняли, и редактор переключился на очкарика с ручкой и блокнотом. Тот скользнул взглядом по прелестной ассистентке и вернулся к своим занятиям.

– Жалко, что мы не предупредили о визите, – они бы перед нами и красную ковровую дорожку расстелили.

– Не нужно смеяться над провинциальными журналистами! – укоризненно покачала головой Алиса. – Читатели привередливы, впечатлить их непросто. Приходится пускаться в ход воображение, чтобы местные политические свары выглядели значимой частью мировых новостей, а исчезновение коровы превратилось в летний детективный сериал. Все это требует большого таланта и старания!

Они поднялись на второй этаж, в библиотеку.

– Знаете, – сказал Билл, – мы к подобным делам не привыкли, у нас небольшая газета, но я думаю, что вам повезет. Располагайтесь поудобнее, если понадобится – зовите, не стесняйтесь. Можете хоть все здесь перевернуть, я потом уберу.

– Спасибо, старина, – поблагодарил Ник, – не беспокойтесь, моя помощница сама наведет порядок.

Алиса скорчила гримасу и показала Нику язык.

Ну разве это не признание в любви, дружище Ник?

Они стояли перед стеллажами с подшивками газет, в общей сложности пятнадцать общенациональных изданий плюс местные, издаваемые на четверти территории США.

– Вот это да! – присвистнул Ник. – Если они читают каждый номер, тяжело им приходится, бедолагам...

– Посочувствуйте лучше тем, кто пишет, – сказала Алиса.

– Ладно, мисс придира, за дело! Напоминаю – мы ищем номера газет за две недели, с 15 по 29 апреля 1964 года. Предлагаю начать с главных региональных изданий.

– Почему?

– Так будет логичнее.

– В таком случае, – сказала Алиса, потянув на себя подшивку «Соут Пейпер», – первый, кто найдет...

– Что получит победитель?

– Право изображать детектива на следующем этапе расследования. А проигравшему придется ассистировать.

– Будь по-вашему, – вздохнул Ник, – только никто не купится. – Вы безупречны в роли личного секретаря, но на сыщика не тянете.

Алиса снова состроила гримасу, и оба погрузились в чтение.

Соберись, малыш Ник. Перестал понимать, что с тобой происходит? Прекрасная Алиса теперь не только недостижимая мечта. Ты, прожженный циник, не верил, что можешь встретить женщину, которую будешь воспринимать не только как объект желания, но и как

товарища. Что между вами возникнет взаимопонимание. Ты изображал робкого влюбленного, романтика, но в глубине души понимал, что это игра. Игра, в которой ты мог позволить себе все, потому что был заведомо обречен на провал. Но теперь это уже не игра. Ты считал, что тебе ничего не грозит, что твое сердце – цемент, но эта женщина взломала его как опытный бульдозерист.

Он посмотрел на Алису. Она углубилась в чтение, светлые волосы мягкими волнами падали на плечи, стекали на стол.

Как она не похожа на отчаявшуюся женщину, которая пять месяцев назад появилась на моем пороге. Можно подумать, что поиски правды стали для нее и поисками себя. Тайна Лаки и Арлингтона будто помогает склеить осколки своего сердца. Если окажешься здесь в тот день, когда душа Алисы сбросит вдовью вуаль, кто посмеет встать между вами? Никто, Ник. Никто! Она любит тебя, теперь ты это знаешь. И если однажды Алиса сумеет снова впустить в свою жизнь мужчину, им будешь ты.

В глубине души Ника мучило предчувствие, которое он даже мысленно не решался сформулировать. Внутренний голос нашептывал: *Она никогда не станет твоей, несмотря на обоюдное желание. Обстоятельства всегда будут сильнее вас.*

– Есть! – воскликнула Алиса.

Ник поднял глаза. Поиски продлились не дольше пяти минут. Алиса держала в руке номер «Соут Пейпер» от 18 апреля 1964-го.

– Вот, слушайте. *Ищу Ральфа Финна – Очень важно – Новые детали о контракте Лаки Мэрри – Арлингтон не заплатил – Связаться с Аланом Ву – Озерный трактир – Валентайн – Айова.* Разве это не доказательство? – ликовала Алиса. – Только бы найти Алана, чтобы он дал показания.

– Это лучше, чем доказательство, Алиса. Угадайте, кто такой этот Ральф Финн?

– Понятия не имею.

– Больше не говорите, что претендуете на роль детектива, а не ассистентки. Ладно, я помогу. Во время войны его наградили довольно обидным прозвищем.

– Так этот Ральф – Дрочила? Вы уверены?

– Почти. Финн – один из десяти последних членов отряда, которых я не смог установить, но мы с самого начала предполагали, что Дрочила входит в число этих десяти парней. Все досье у меня в машине, можно проверить, но я помню все фамилии. И потом, если Алану требовалась помощь, он

наверняка обратился бы к одному из четверки.

– Согласна, это очевидно. Вы меня огорошили, Ник, поэтому я не сразу догадалась. Если кто-нибудь соберется превратить нашу историю в киносценарий, я не хочу выглядеть слабоумной идиоткой с замедленной реакцией, вроде доктора Ватсона!

Знаешь, красавица, я не Шерлок Холмс, но тоже кое-что умею.

– Ловлю вас на слове. Пораскиньте мозгами и придумайте, как нам отыскать Ральфа Финна, больше известного в военной среде под кличкой Дрочила, одного из десяти рейнджеров, чьи адреса я так и не выяснил.

– Ну...

– Да?

Алиса напряженно размышляла.

– Все элементарно, – сжалился Ник. – Используем психологию. Мы дали кучу объявлений, но никто не откликнулся. Почему? Да потому что через двадцать лет после войны мужику совсем не хочется, чтобы семья и окружающие узнали его подноготную, включая прозвище.

– Да, мы уже говорили об этом.

– Но теперь нам известно его имя, и мы можем дать еще одно объявление, например, такое: «Разыскиваем Ральфа Финна» – и разместить его в какой-нибудь захудалой газетенке. Потом усилим давление – текст побольше, газеты более маститые. Ральф сообразит, что встреча в его интересах, если он не хочет, чтобы булочник и школьная учительница детей узнали о его прошлом. Как вам?

– Игра не очень честная, но свидетеля мы выманит.

– Вот вам загадка позаковыристей: как снова выйти на след Алана Ву?

– С помощью объявлений.

– Бросьте, Ватсон, мы даем их уже два месяца, а Лизон – полгода. Результат нулевой!

– Вы правы. Ну, тогда... – Алиса снова надолго задумалась и признала свое поражение: – Никаких идей. А как у вас?

– Вы во мне сомневаетесь?

– Конечно, нет. Приношу мои нижайшие извинения, склоняю голову и слушаю вас, мастер.

Вперед, Ник, не упусти свой шанс...

– Все просто: мы не покинем этот райский уголок, пока не найдем ниточку, даже если понадобится целая жизнь. Ради экономии снимем один номер на двоих в «Озерном трактире», выдадим себя за новобрачных, и никто ничего не заподозрит. Чтобы сбить местных с толку, будем прогуливаться, держась за ручку, и целоваться на закате. И разнохивать –

делая покупки, купаясь, сидя на скамейке в парке. В полночь станем нырять голыми в озеро прямо с балкона.

– Чтобы допросить рыб.

– Именно так! Не упустим ни единого следа. Согласитесь – Шерлок Холмс никогда не был так предупредителен с Ватсоном.

– Хватит шутить, Ник! Вас бессонница довела до такого состояния?

– Да, я не спал. Провел ночь рядом с вами... Без сна.

Куда тебя понесло? Берегись, не то все испортишь. Помни о терпении.

– Ну вот что, Ник, – нарочито строго сказала Алиса, – если хотите произвести на меня впечатление, найдите след Алана.

Я тебя впечатлю, куколка, и еще как впечатлю. Доверься профессионалу!

– Хорошо. Раз уж вы глухи к моим самым заманчивым предложениям, восхититесь хотя бы красотой логических построений. Давайте вернемся к тому, что нам известно. Алан покинул «Озерный трактир» двадцать девятого апреля шестьдесят четвертого года и исчез в неизвестном направлении. Чем, по-вашему, он займется, добравшись до цели?

– Найдет гостиницу.

– А потом?

– Наведет справки о школах и таинственной женщине...

– А дальше?

– Даст объявления...

– Тепло, тепло. И что он напишет в этих объявлениях?

– Что ищет Ральфа Финна.

– Ну-ну, продолжайте.

– Он укажет свой новый адрес – для ответа, как сделал это в Валентайне. Значит, будет достаточно найти одно из объявлений. Вы бесподобны, Ник.

Алиса чмокнула сыщика в кончик носа. Ник изобразил обморок и растянулся на ковре.

– Поднимайтесь, толстый вы ленивец! Мы должны раскопать одно маленькое объявление в трех тоннах газет.

Как же я тебя люблю, Алиса.

Час поисков ничего не дал. Билл Бозмен принес им картошку фри, сэндвичи, булочки и ледяную кока-колу.

– Ланч! Вот решил вас накормить, а заодно помочь – если хотите.

Они продолжили поиски в шесть рук, беря еду черными от типографской краски пальцами, прошерстили все национальные газеты и

крупные региональные ежедневники – и ничего не нашли. Занялись прессой соседних с Айовой штатов, сужая круги.

В два часа расстроенный неудачей Билл оставил их, убедившись, что реальная жизнь частного сыщика куда скучнее сериальной.

– Уж и не знаю, стоила ли эта ваша гениальная идея поцелуя, – устало сказала Алиса.

Ник попробовал ответить смешной гримасой, но не преуспел.

Еще через пятьдесят минут Ник устало развернул «Сатердей оф Оклахома».

Ах ты черт!

Ник побледнел. Он смотрел на Алису, продолжавшую с отчаянным упорством листать страницы, и не знал, как сообщить ей новость. Тишина стала вдруг гнетущей, и Алиса подняла голову.

– Что вы нашли, Ник?

Он молча протянул ей газету.

В самом низу полосы, в рубрике «Разное», был помещен снимок – лицо Алана Ву, глаза закрыты. Заголовок набран жирным шрифтом: *Неизвестный сбит лихачом*. В короткой заметке сообщалось:

6 мая 1964 года, в 05:30, в Блю-Хилл, на национальном шоссе 108, недалеко от школы, произошел несчастный случай. Мужчина, погибший на месте происшествия, не был опознан. Водитель, сбивший его под проливным дождем, не остановился. Свидетелей нет. Тело нашел мистер Перни, возвращавшийся с работы, через семь минут после наезда. Видимость вследствие непогоды была очень плохой, полиция склоняется к версии несчастного случая. Шоссе 108 считается опасным, и многие родители учеников неоднократно подавали жалобы, опасаясь за жизнь своих детей. Полиция Блю-Хилл просит о помощи любого, узнавшего жертву или бывшего свидетелем происшествия.

Алиса подумала о Лизон. Она вспомнила строки из ее письма о неизбежном горе и их перекрестившихся судьбах.

Ник подошел, чтобы обнять молодую женщину – по-товарищески, без всякой задней мысли, но она отстранилась.

– Не нужно, не прикасайтесь ко мне, я притягиваю смерть! Люди вокруг меня гибнут. Меня как будто прокляли. Бегите, Ник, пока еще есть время.

– Перестаньте, Алиса! И не говорите таких ужасных слов. Мы с самого

начала охоты за Аланом знали, что все может закончиться именно так. Вы знали. Лизон предвидела. Возьмите себя в руки, осталось перевернуть последнюю карту – отыскать Ральфа Финна.

– Если он еще жив... И если так, давайте пощадим его – оставим в покое.

– Никакого проклятия нет, Алиса. Вспомните короткое объявление: *Арлингтон не заплатил*. То, что случилось с Аланом, безусловно, на руку этой семье, но госпоже сенаторше не стоит успокаиваться. Теперь ей противостоят две вдовы, настроенные очень решительно.

Взгляд Алисы был пустым.

– Я устала от вашего наивного оптимизма, Ник. Оставьте нас с нашими страданиями и возвращайтесь в мир живых.

Он взял ее за плечи, встряхнул:

– Выходит, меня можно не принимать в расчет, Алиса? Я совсем ничего для вас не значу? Я всегда уважал вашу любовь к Лаки, но она делает вас эгоистичной. Вам никогда не приходило в голову, что я тоже способен любить и страдать? У вас любовь отняли. Мне она просто не досталась.

Алиса посмотрела на него:

– Идемте отсюда, не хочу видеть эти апокалиптические газеты.

Они медленно спустились на первый этаж, прошли мимо Билла Бозмена, который открыл было рот, собираясь задать вопрос, но, почувствовав его неуместность, промолчал и только проводил их взглядом.

Ровейн-стрит была пуста. Солнце садилось, стало прохладнее.

– Не волнуйтесь, Ник, мне лучше, я уже дышу.

– Тихонько, дорогая, не торопитесь.

Раздался шум, похожий на глухое гудение поезда в тоннеле, Ник оглянулся и заорал:

– Алиса!

Прямо на них летел продуктовый фургон без водителя, с распахнутой дверцей.

Неуправляемая машина сшибала стулья, столы, парусиновые навесы, открытки и сувениры.

Алиса оцепенела. Грузовик был уже в каких-то сантиметрах. Ник прыгнул и с силой толкнул ее.

Я люблю тебя, Алиса.

Она влетела спиной в витрину редакции «Демойн Вэлли ньюс». В то же мгновение грузовик подбросил Ника в воздух и врезался в старый мол, отбросив детектива на камень.

Мгновение спустя появился водитель в белом халате: задыхаясь, он мчался за фургоном, в глазах плескался животный ужас. Едва отдышавшись у нагромождения железа и камня, где уже собиралась толпа, он забормотал:

– Я поставил на ручник, клянусь, поставил, как обычно... Два раза проверил, я же знаю эту проклятую улицу... Поставил! Зашел выпить к Джонсону, оглянулся – а машины нет, вышел и увидел, что она едет сама по себе... Но она стояла на ручнике... Это не я... Это грузовик... Клянусь, парни, не я...

Его слушали молча, смотрели с жалостью.

– *Я поставил на проклятый ручник!* – крикнул водитель и замолчал. Бедняга осознал: никакие клятвы не помогут, ему все равно не поверят.

Толпа быстро росла, одни машины останавливались, другие медленно проезжали мимо, в том числе «кадиллак-эльдorado».

Тед Силва чуть притормозил, но смотрел он – единственный из всех! – не на камень и грузовик, а на разбитую витрину.

Вот ведь подлость! – думал он.

Идея с грузовиком срабатывала всегда. Он не спал двое суток. Выждал три дня, и все сошлось – улица с крутым уклоном, бесхозный грузовик, несчастный случай на глазах у десятков свидетелей. Идеальная авария, комар носу не подточит, а дурак водитель всю оставшуюся жизнь будет считать себя виновным. Положа руку на сердце, удача тут ни при чем. Покушение сработано отменно, одно из лучших в его карьере. Но все усилия напрасны. Да еще и салон уже три дня без пригляда.

Тед вспомнил кузена Франческо. В семье знали, что он наркотореклер, но никто его не осуждал, тем более что на рождественские подарки он никогда не скупился. Франческо раз в месяц ездил за товаром по маршруту Вашингтон – доки Балтимора – Вашингтон и ничем не рисковал. Деньги сами шли к нему в руки. Ни тебе слезки, ни бессонных ночей. Но Тед принципиально не прикасался к этой отраве, он был отцом и всегда помнил о детях.

Он опять, словно наяву, увидел жуткую картину – врезавшийся в каменную стену грузовик, перепуганные люди. Да кто он такой, чтобы осуждать семейный бизнес? Силва почувствовал всю ничтожность своих принципов, которыми пытался утихомирить совесть. Но черные мысли редко посещали его, да и противоядие было хорошо известно – адреналин! Он вспомнил, как был возбужден, забираясь в кабину, незаметно снимая

грузовик с тормоза и спрыгивая на землю – в последнюю секунду, точно записной каскадер. Франческо, скучный рядовой наркобизнеса, не ведал азартного вдохновения, не импровизировал, не принимал решение за десятую долю секунды, предварительно изучив условия, место и действующих лиц. Нет, не понять таким Теда Силву. Однажды он напишет историю своей жизни, тогда люди узнают! «Безумный грузовик» – отличное название для главы.

Парикмахер умел поднять себе настроение.

Нет, я еще не стал безупречным убийцей, рано думать об отставке. Прости, Елена. Впереди интересные контракты, в том числе этот. И я его выполню, теперь для меня это дело чести. Рано или поздно удача отвернется от этой Алисы. Во всем есть хорошая сторона: ее я упустил, зато, считай, избавился от детектива, у блондиночки больше нет ангела-хранителя. Миссис Арлингтон – если у нее есть совесть! – сделает небольшое пожертвование. Если...

Он с удовольствием выжал педаль газа. Нужно поскорее открыть парикмахерскую. Нельзя надолго оставлять клиентов на попечение Терезы, она всего лишь подмастерье. Приемник захрипел. Тед Силва вздохнул.

Вуе Вуе Love. Прощай, любовь...

36

Воля двух вдов

16 ноября 1964

Шато-ле-Дьябль

Дорогая Алиса!

Спасибо, что были честны со мной. Я готовила себя к этой новости, но, застань она меня врасплох, могла бы оказаться смертоносной. Боль и горе не единственные чувства, которые я сейчас испытываю, ярость и жажда мести помогают держаться.

Я нахожусь очень далеко от вас, я защищена, и вы можете подумать: «Легко ей кричать и требовать справедливости из-за океана, она не видела всех этих якобы несчастных случаев, таких жестоких, за которыми неизвестно кто стоит».

Кто-то все придумал и организовал, а теперь упивается нашей болью.

Вы написали, что хотите отступить, Алиса, потому что отчаялись и в ужасе от череды смертей. Поверьте, я понимаю, что вами руководит

не страх. Если вы и боитесь, то не за себя, а за других, тех, кто может быть вовлечен в смертельную игру.

Я далеко и чувствую себя бесполезной, но в моей душе кипит ярость. Ах, если бы она хоть немного сгладила мое бессилие! Я могу одно – заклинать вас, Алиса, продолжить борьбу и выяснить правду. Наверное, вы ждете от меня именно этого. Не сдавайтесь, вы так близко подобрались к истине, в вашем распоряжении столько фрагментов и неслучайных совпадений. Покушения и убийства означают, что разгадка близка. Алан вернулся в Америку, чтобы все прояснить, в газетах он открыто обвиняет Оскара Арлингтона. Я не из тех, кто позволяет себе беспочвенно оговаривать людей, но если Арлингтоны как-то связаны с негодяем, сбившим Алана, пусть будут наказаны!

Расставаясь со мной, Алан пообещал вернуться, сказал, что мы обязательно заведем ребенка. Меня много месяцев мучило подозрение: что, если Алан солгал, чтобы было легче избавиться от меня? Теперь я знаю, что ошибалась. Облегчение только усиливает боль. Разве сенаторша может хоть что-нибудь противопоставить ярости двух вдов, которым нечего терять? Боритесь, Алиса, боритесь дальше. А если слишком устали, приезжайте в Нормандию. Мы пойдем на пляж и будем говорить о наших мертвых, как две безумные старухи.

До скорой встречи.

Лизон

Алиса перечитала фразу «Разве сенаторша может хоть что-нибудь противопоставить ярости двух вдов, которым нечего терять?».

Почти те же слова произнес Ник перед тем, как на него наехал грузовик. Алиса считала себя такой сильной и неуязвимой, думала, что ей нечего терять, а оказалось, что она не привидение, что осколки чужих жизней ранят ее.

Ей хотелось одного – сидеть взаперти в своей комнате, в полной темноте. Вот бы включить свет в коридоре этой новой квартиры, чтобы все взорвалось... Вместе с ней.

Прости, Лаки, у меня кончились силы. Хочу заснуть и видеть сны о тебе, каким ты был раньше.

21 ноября 1964
Вашингтон

Алиса сдержала данное себе обещание: следующие десять дней она выходила из дома, только чтобы купить еды, отправить письмо Лизон и навестить в больнице Ника. Ей казалось, что силы, необходимые для продолжения борьбы, покинули ее навсегда.

И все-таки судьба, почти против ее воли, доставила молодой женщине на дом все инструменты мщения. В виде телефонного звонка.

Трех звонков.

В первый раз это случилось 21 ноября в пять часов вечера.

– Алло, Алиса? Это Рамзес Второй.

– Кто? – удивилась Алиса. – Говорите четче, я не понимаю!

– Рамзес Второй! Нет, конечно, не фараон. Но очень похожий на него тип. Напрягите мозги...

– Вы, должно быть, ошиблись.

– Не удивлен, что вы не узнаете мой голос. Но думать-то вам ничто не мешает, Ватсон? Скольких мужчин, обмотанных бинтами и лежащих в саркофаге, вы знаете?

– Ник!

Он самый... Чтобы избавиться от меня, красавица Алиса, одного грузовика мало.

– Прощаю, что не узнали голос, у меня не закрывается рот... что не помогает четко артикулировать.

– Ник, я часто приезжала в больницу, но меня никогда не пускали к вам, говорили, что вы все равно не увидите и не услышите меня, а потом операции, так что...

– Ну теперь-то у меня вполне товарный вид, а два дня назад я заговорил.

– Вам очень больно?

Конечно, нет, Алиса. Или ты успела забыть мой глуповатый оптимизм?

– Нет, я никогда не чувствовал себя лучше.

– Перестаньте, Ник!

– Клянусь, что не вру, у меня не болят зубы, потому что их больше нет. Я не чувствую судорог в руках, потому что не могу пошевелить ни левой ни правой. Ног я вообще не чувствую. Остального тела тоже – просто бесплотный дух. Идеальный детектив, работающий исключительно

головой. Из меня мог бы выйти отличный герой сериала – сыщик, распутывающий дела, лежа в кровати.

– Как вы можете шутить, Ник?

– Простите, сейчас заткнусь, вы ведь говорили, что находите мой оптимизм глуповатым.

– И прошу меня за это извинить! Как мне заслужить ваше прощение?

– Просто навестите меня. Вам ничего не грозит – мои желания больше не имеют физического воплощения. Кстати, это очень досадно, некоторых здешних медсестер я бы назвал... возбуждающими!

– Хотите, чтобы я ревновала, Ник?

– Даже не надеюсь!

– Что говорят врачи?

– Пообещали, что через какое-то время я вроде бы смогу ходить. Дескать, мне очень повезло, поскольку ни один жизненно важный орган не пострадал – кроме одного, того самого, что помогает утолять желание, ну, вы понимаете. Судя по всему, эскулапы не относят его к числу первостепенных, зато все остальное берутся починить. Дали мне каталог пластмассовых рук и ног разной цены и качества.

– Прекратите, Ник!

Старик, ты наконец-то обрел свое истинное призвание. Будешь юмористом с чернушным уклоном. Мумификация тебя вдохновила, и твое мазохистское «я» наконец получило право голоса. Не оставляй стараний, Алисе нравится. В любой женщине дремлет медсестра.

– Но я серьезен как никогда, потому и звоню. Мне позарез нужен кусочек от полутора лимонов, иначе получу третьесортный товар. Слишком короткие руки, кривые ноги от доноров – уродов или стариков. Необходимость позаботиться о себе очень мотивирует, так что я уже сегодня начал работать.

– В больнице?

– А что тут такого? Сумел позвонить вам, номер набрал носом. Одно плохо – телефонный счет будет огромным. Ну и черт с ним, я все равно неплатежеспособен, а мое бедное тело в качестве залога им не нужно. Ладно, буду выписываться – разберусь.

– Довольно глупостей, Ник! Так что вы узнали?

– Ну слава богу, я думал, вы не спросите. Значит, не бросите это дело, Алиса?

– Нет... конечно, нет...

– Не слышу энтузиазма в голосе. Не мне, человеку-обрубку, который останавливает взбесившиеся грузовики зубами, поднимать моральный дух

красивейшей и самой любимой женщине в Америке.

– Вы, как всегда, правы, Ник.

– Тогда слушайте. Никто не видел, как произошел несчастный случай с Аланом Ву, и местная полиция закрыла дело. Он приехал в Блю-Хилл накануне гибели. Заходил в отель «Центральный», но не зарегистрировался, так что его плохо запомнили. Одним словом, ничего интересного. Я обзвонил все местные гостиницы и сделал потрясающее открытие. Угадайте, кто в тот же день ночевал в отеле «Гамильтон» в Солсбери, то есть в шести милях от Блю-Хилл?

– Ну же, не тяните...

– Оскар Арлингтон! Во всяком случае, это более чем вероятно. Я описал его управляющему – он прекрасно запомнил толстого коротышку с густыми бровями, растрепанного, в массивных очках. Оскар заселился поздно вечером 5 мая, то есть в вечер происшествия с Аланом. Разумеется, зарегистрировался под фальшивой фамилией – Сноу, но расписался в журнале регистрации крупным женским почерком с характерными кружочками вместо точек над «i». Словом, я абсолютно уверен, что это он. Нужно отправить управляющему его фотографию, а он пришлет копию страницы журнала регистрации. Покойный Арлингтон спалился. Но и это не доказательство.

– Боже, да чего же больше?

– Судья назовет это совпадением, но, по мне, их многовато. Есть что-нибудь новое про Ральфа?

– Нет...

– Не унывайте, Алиса, он скоро откликнется – я сделал ему убойную рекламу в газетах: «Ищу Ральфа Финна по прозвищу Дрочила», – и дал ваш номер телефона. Готов спорить, он скоро всплывет.

– Без вас я бы все бросила, Ник. Вы такой...

– Обойдемся без комплиментов, дорогая, лучше скажите, кто ваш любимый артист?

Не подведите, Алиса, я два дня обдумывал этот вопрос.

– Не понимаю....

– Что тут понимать, просто скажите. Шон Коннери? Кэри Грант? Ричард Бертон? Джеймс Мейсон?

– Понятия не имею... Зачем вы спрашиваете?

– Если уж представился случай получить новую внешность, выберу то, что вам нравится! Тем более что деньги у нас скоро появятся.

– Ник!

– Ладно, даю вам время подумать. Только не Энтони Куинн, умоляю!

До завтра. Прощаюсь. Сказочное создание в образе ангела принесло мне пюре и соломинку.

Да уж, стокилограммовая тетка, затянутая в белый халат, похожа на ангела не больше, чем ты на Кэри Гранта.

Алиса повесила трубку. Она восхищалась силой духа Ника, и ей было стыдно за собственную слабость.

Утром она поехала в больницу навестить друга. Ник демонстрировал бодрость, подшучивал над ней, рассуждал о перспективах расследования, призывал ее не сдаваться.

Алиса поговорила с врачами. «Это чудо, – заявили они. – На то, чтобы снова научиться ходить, понадобится время. Шрамов на теле останется много. Но ни одна из травм не фатальна. Пациенту повезло – лицо почти не пострадало... Ну, если не считать челюсти. В больнице ему придется провести много месяцев. Скорость выздоровления и восстановления навыков зависит только от его силы воли. Возможно, он довольствуется инвалидным креслом, но если проявит терпение и мужество, то вернется к полноценной жизни».

Алиса чувствовала себя отвратительно. Она готова была сражаться, но сил у нее не было. Чтобы жить дальше и продолжать поиски, ей требовался Ник с его юмором и оптимизмом.

Она не стоит и кончика пальца своих мужчин. Лаки. Ник. Боже, как же хочется покоя.

38

Последний из четырех

23 ноября 1964

Индиана-авеню, 318, Вашингтон

Два дня спустя, под вечер, в четыре часа, телефон зазвонил во второй раз.

– Это мисс Алиса Куин?

– Да.

– Я Ральф Финн.

Дрочила!

От неожиданности Алиса задохнулась, велела себе успокоиться и говорить медленно, чтобы не допустить оплошность, ведь они с Ником не один месяц называли этого человека только обидным прозвищем.

– Ральф... – произнесла она, выдержав паузу. – Наконец-то! Мы так давно вас ищем.

– Знаю. Буду говорить без околичностей. Я позвонил с одной-единственной целью – потребовать, чтобы вы прекратили давать эти нелепые объявления! Неужели вы не понимаете, что бесчестите меня, через столько лет после войны?! У меня жена и дети, я делаю все, чтобы газета не попала им в руки, но вы обязаны уняться, мисс Куин! Вы действуете недостойным методом.

– Простите, мистер Финн, но вы не оставили нам выбора, не отреагировав на первые объявления.

– Ладно, у вас получилось, вот он я. Теперь усвойте: хватит! Я не желаю ничего слышать об истории с договором и не дам показаний против Оскара Арлингтона. Уясните это. Я не желаю видеть свое имя и фотографию на первых страницах газет: Ральф Финн, известный также под прозвищем Дрочила, обвиняет сына сенатора Арлингтон в неисполнении обязательств по договору.

– В суде незачем упоминать ваше прозвище военного времени.

– Ничего не выйдет. «Дрочила обвиняет» – шикарный заголовок, и вы не справитесь с журналистами. Если меня спросят, я отвечу, что ничего не знаю об этой истории.

– Ральф... Вы не можете... Вас было четверо, больше о контракте никто не знал. Трое мертвы! Восстановить справедливость под силу только вам.

– Вы очень точно описали ситуацию, мисс. Жив я один и умирать не хочу! Арлингтоны – могущественный клан, и я уверен: меня не тронули, потому что я затаился.

– Но Оскар Арлингтон мертв.

– Он – да, но не его семья! Мать, другие родственники. Не советую вам нападать на этих людей. Мы слишком ничтожны и слабы, они нас раздавят. Хотите судиться с Арлингтонами – пожалуйста, но без меня. Просите умереть за вас? По какому праву?

Алиса подумала о Нике на больничной койке, вспомнила безумный грузовик и взрыв в квартире. Ральф Финн прав, давать свидетельские показания опасно. С чего она вдруг решила, что может требовать от этого человека рисковать жизнью? А если она настоит, а он согласится и станет очередной жертвой, сумеет ли она простить себя? Но и отступить нельзя.

– Расскажите хотя бы мне, Ральф. Покажите договор, я должна знать, что точно произошло. Забудем о суде и показаниях против Арлингтонов, но согласитесь встретиться со мной.

– Нет, нет и нет! Я все забыл. Я ничего не знаю. Лаки никогда не просил меня быть свидетелем. Не было никакого договора! Вот вам правда. Довольны? Тогда идите к черту! Лаки мертв. Многие погибли в тот день, двадцать лет назад. Нужно забыть и жить дальше.

Лаки мертв. Как и многие другие.

К Алисе вернулась решимость.

– Нет, Ральф, это было бы слишком легко! Лаки выбрал вас – не знаю почему – из сотен солдат. Он вам доверился, и вы не можете взять и предать его. У вас было двадцать лет, чтобы отречься. Вы этого не сделали, так сдержите слово!

– Я вешаю трубку, мисс Куин...

– Наверное, вам было невесело каждый день слышать от товарищей по отряду обидное прозвище? Но Лаки выбрал вас, значит, он был вашим другом, он не издевался над вами. Я знаю, это не в его духе. Сколько их было на катере – тех, кто не кричал то и дело «Дрочила»? Помимо Лаки? Один? Двое? вспомните, Ральф, Лаки был вашим другом! Он доверял вам. И вы не можете бросить его сейчас.

Алиса почувствовала смятение собеседника.

– Мне жаль, мисс Куин, – сказал Ральф, – очень жаль, что Лаки погиб, он был отличный парень. Но у меня жена, дети, и я дорожу жизнью. Прощайте, скоро дети вернутся из школы, они не должны ничего знать об этой истории.

Ральф Финн был слабаком и трусом, и Алиса поняла, что заставить его говорить можно, только напугав еще сильнее.

– Ну что же, Ральф, тогда мы продолжим. Я имею в виду объявления. В газетах. По радио. А потом и по телевизору. Дороговато выйдет, но на кону почти полтора миллиона. Я не отступлюсь. Ваши дети слушают радио, смотрят телевизор? Вы, конечно, можете сломать и то и другое, но заткнуть рот одноклассникам точно не сумеете. Они вряд ли читают газеты, но телевизор наверняка смотрят. Хотите, чтобы дочки пережили в школьном дворе то, что вам пришлось терпеть на корабле?

Она сделала паузу, давая Ральфу время представить будущее.

– Я не отстану, Ральф. Хотите защитить себя, так расскажите все полиции. Тогда Арлингтоны ничего не смогут вам сделать, и страх исчезнет.

Финн колебался. В трубке послышались детские голоса, хлопнула дверь.

– Ладно, вы победили. Довольны, что так легко подчиняете себе людей? Я встречусь с вами – один раз! – выложу все, что знаю, и вы поклянетесь

оставить меня в покое.

– Где? Когда?

– В Вашингтоне. Скажем, в пятницу, во второй половине дня?

– Договорились. В пятницу, в три часа. Лафайетт-сквер, напротив Белого дома, там всегда полно копов, так что можете ничего не бояться.

– Довольно шутить, мисс, я этого не люблю. В кино главного свидетеля всегда убивают *до того*, как он успевает дать показания, иначе любой фильм заканчивался бы на час раньше.

– Это не кино, Ральф.

– Да уж, это гораздо хуже. Вы не были на войне, иначе знали бы: когда все кончено, нужно сделать одно – забыть.

– До пятницы, Ральф. Даю слово – объявлений больше не будет.

39

Он пройдет здесь

24 ноября 1964

Индиана-авеню, 318, Вашингтон

В третий – и последний – раз телефон зазвонил следующим утром, в 06:45. Алиса еще спала – накануне, как всегда, легла поздно.

Затуманенный мозг нашептывал: хороших новостей не жди... Не бери трубку...

Неужели произошел очередной загадочный *несчастный случай*?

Она почему-то сразу подумала про Ральфа.

– Алло, Алиса, это тетя Понни!

– Тетя Понни?

Что за Понни? Я не знаю никакой тетию.

Она попробовала сконцентрироваться, прогнать остатки утреннего тумана, обволакивающего память, но ничего не вспомнила и промолчала.

– Тетя Понни, сестра Максима! Мужа Джейн! Сестры отца Лаки. Мы виделись на двадцатилетии их свадьбы, а потом на похоронах дяди Алекса. Вспомнила? Ты какая-то сонная!

Алиса пыталась соображать максимально быстро. *Так, отец Лаки, ясно... Его сестра Джейн, ее муж Максим... Они часто виделись в Личфилде... Понни? Да-да, у Максима была сестра, малость истеричная (особенно после нескольких глотков виски) и такая заводила-затейница, вечно затягивала жуткие песни, а все подхватывали. Тетя Понни?*

Возможно... Это было так давно. Но что ей нужно?

– Понни! – воскликнула она натужно радостным голосом. – Вы невестка Джейн. Конечно, я вас помню. Как поживаете?

– Говори мне «ты», дорогая, наверное, я все-таки тебя разбудила. У нас в Личфилде время течет по-другому, понимаешь? А потом, я боялась тебя не застать. У нас все в деревне следили за процессом, все-все. Ты уж извини, что я не приехала тогда в Вашингтон, просто суд совпал с экскурсией ветеранов во Флориду. Ладно, не хочу тебя задерживать, дорогуша, тем более что я обещалась мисс Макинтайр – помнишь бывшую библиотечаршу? – бедняжка теряет разум, я сказала, что отвезу ее на овощной рынок, а там уже к девяти утра остается одна только увядшая дрянь.

– Так зачем ты все-таки звонишь, тетя Понни? – поинтересовалась Алиса.

– Ах да, прости-прости-прости, я такая болтушка, а ты наверняка занята! Это насчет твоего дела... Требуется подтверждение, но должно тебя заинтересовать. Прошлый понедельник я провела в Вашингтоне – каждый год так делаю, раз или два. Знаю-знаю, ты скажешь, что *могла бы тебя навещать хоть иногда*, но я не решаюсь, зачем тебе чужая старуха...

Алиса начала закипать, но сдерживалась из последних сил. С многочисленной родней Лаки она всегда вела себя как робкий подросток, словно и теперь, через двадцать лет после его гибели, надо доказывать, что была ему идеальный подругой.

– Ну так вот, – продолжала тетя Понни, – я сделала все свои дела и пошла выпить чаю к миссис Уотерс. Помнишь ее? Нет, что я говорю, дура старая, они уехали из Личфилда до того, как ты появилась. Ладно, неважно, это наша бывшая соседка, теперь у нее чайный салон на Луизиана-авеню. Муж умер несколько лет назад. Миссис Уотерс – женщина с характером, супруга, по правде говоря, не слишком берегла, но в остальном... Она человек очень информированный, без этого в ее бизнесе никуда. Если бы миссис Уотерс нечего было рассказать, я бы не тратила время на визиты в ее чайный салон. Перехожу к сути. Угадай, что она рассказала мне о деле Арлингтонов?

– Ну откуда же мне знать.

– Поверь, сейчас ты окончательно проснешься, дорогая! Это насчет самоубийства молодого Арлингтона. С миссис Уотерс поделилась одна клиентка, которой вполне можно доверять. Ладно, не буду ходить вокруг да около, не то мисс Макинтайр решит, что со мной случилось несчастье, и позвонит в полицию. Так вот, Оскар Арлингтон оставил прощальное

письмо, а матушка никому его не показала.

– И тебе известно, что в нем было?

– Слово в слово, дорогая! Сын сенаторши признался, что вся его жизнь состояла из лжи, и он решил положить этому конец, и что на нормандском пляже погибнуть должен был он, а погиб другой парень.

Алиса напряглась.

– Не обижайся, тетя Понни, но история похожа на домысел. Как кто-то мог узнать содержание письма? В тебе я не сомневаюсь, но ты сама сказала, что миссис Арлингтон никому письмо не показала.

– Миссис Уотерс рассказала горничная сенаторши, – обиженно ответила Понни. – Это она нашла самоубийцу – утром, в машине.

– Спасибо тебе огромное, тетя Понни, ты правильно сделала, что разбудила меня, – дело того стоило.

– Не за что, милая. Мы в деревне все тебя помним. Ладно, побежала... Увидимся на тридцатилетии свадьбы Бена и Голди.

– А... Конечно, до скорого свидания, – ответила Алиса, понятия не имевшая, кто такие эти Бен и Голди. – Еще раз спасибо!

Алиса закончила разговор в семь утра с минутами, ей не терпелось сообщить новости Нику – она поверила в невероятную историю тетушки, – но пришлось ждать до девяти.

Ник, как она и предполагала, воспринял рассказ всерьез.

– Подобные сплетни часто кажутся выдумками, а оказываются правдой. Наконец у нас появился новый след. Ах, если бы судья выдал ордер на обыск дома миссис Арлингтон. Она наверняка сохранила записку. Ни одна мать, даже самая худшая на свете, не сожжет и не выбросит прощальное послание сына. Даже Эмилия Арлингтон.

На следующий день Ник обратился к судье Каплану, который в этом деле проявлял крайнюю осторожность. Миссис Арлингтон была политиком с обширными связями, а он – рядовым судьей. Конечно, не начинающим, но и не достигшим потолка – во всяком случае, он на это надеялся. Каплан внимательно выслушал рассказ Ника о том, что в расследовании наметился новый поворот, а также о странных совпадениях.

Комментировать услышанное судья не стал. Каплан не был поборником справедливости, одним из тех рыцарей правосудия, которые нюхом чувствуют нечистоплотность коллег, не боятся призвать к ответу неприкасаемых, защищают слабых, но невиновных. Каплан хотел сделать карьеру, но умел терпеть и ждать. До сих пор в этом деле он руководствовался исключительно прагматизмом. С Эмилией Арлингтон судья был неизменно

предупредителен, но сейчас ветер явно подул в другую сторону, а если еще и всплывет неоспоримое доказательство, ситуация развернется на сто восемьдесят градусов.

Каплан напряженно размышлял. Он мог по-прежнему изображать сверхосторожного юриста, рискуя прослыть робким, даже трусливым, чинящим помехи Фемиде. А в худшем случае – продажным. Но не исключено, что ему выпал уникальный шанс – заработать имя на резонансном деле. Выступить против сенатора США очень рискованно. Материальной выгоды никакой, но при удачном исходе журналисты споют осанну его неподкупности и честности, объявят оплотом справедливости, поборником истины, ради которой он готов пожертвовать даже карьерой.

Звучит красиво.

Если появятся *убойные* свидетельства, никто не встанет на защиту миссис Арлингтон. А что будет в противном случае – если он ввяжется, а этот частный детектив ничего не найдет? Ну отберут у него дело, а потом повысят, предложив переехать в другой штат.

Правосудие в нашей стране, думал Каплан, функционирует благодаря честолюбию судей, а не их честности. Никакое место под солнцем, ни один чемодан долларов не перевесят пяти колонок на первых полосах газет с упоминанием имени. А уж о телевидении, способном сделать человека национальным героем, и говорить нечего.

И судья Каплан дал добро на обыск в доме Эмили Арлингтон. Наутро полицейские застали сенаторшу полностью одетой и накрашенной, она пила кофе и читала газету. Обыск не занял и десяти минут: хозяйка дома явно ничего не опасалась и хранила прощальное послание сына в ящике прикроватной тумбочки.

Когда полиция удалилась, миссис Арлингтон посмотрела на Марию, и та поняла, что ее работа у сенаторши окончена и им с мужем надо срочно перебираться как можно дальше от Вашингтона.

40

Лафайетт-сквер

28 ноября 1964

Лафайетт-сквер, Вашингтон

Вторая половина того дня выдалась бы на редкость приятной, если бы не ветер, залетевший повеселиться на улицах Вашингтона. Громко хлопали

звездно-полосатые флаги. Листья, окурки, бутылки из-под кока-колы, объедки и прочий мусор летели, катились и прыгали, заставляя прохожих уворачиваться. Стоявшие на посту у Белого дома гвардейцы больше не напоминали неподвижные восковые фигуры, они то и дело хватались за головные уборы – не дай бог улетят, вот будет позору. Туристы смеялись и фотографировали их.

Кое-как укрыться от непогоды удавалось только под деревьями Лафайетт-сквера. В парке обреталась разная публика. Преобладали чиновники из администрации президента – тут они обычно устраивали короткую передышку на ланч и бежали дальше по делам, а рядом, если не на тех же скамейках, сидели и лежали бедолаги всех мастей, бездомные, безработные, потерявшие семьи, в основном чернокожие. Никто ни к кому не цеплялся.

Лавочки, деревья и вид на Белый дом принадлежали всем.

Белые воротнички держали в руках газеты, но, просмотрев результаты матчей, отправляли солидные издания в урну или оставляли на лавочке, на радость какому-нибудь нищему. Иногда подобравший газету сначала проглядывал страницы, но чаще сразу заворачивал в нее бутылку. Алкоголизм – в отличие от бедности – порок, так что если хочешь выпить в общественном месте, замаскируй свой дешевый виски.

Алиса уже десять минут сидела на скамейке. За ней из густой кроны большого дерева с любопытством наблюдала белка. Алиса смотрела в другую сторону, на угадывавшийся вдалеке Белый дом.

Какой же он жалкий! Возможно, во времена архитектора Пьера Ланфана здание было видно отовсюду и впечатляло, но сегодня место, где решаются судьбы планеты, средоточие тайн и интриг, место, о котором грезит мир, терялось среди высоких построек. Казначейство, Декейтер-Хаус – Национальный центр истории Белого дома, министерство торговли и Художественная галерея Коркорана – все они выглядели куда внушительнее. Рядом с ними Белый дом казался крошечным – как измученная жизнью старушка в толпе молодых и здоровых горожан. Реши снайпер подстрелить главу государства, к его услугам были десятки превосходных позиций. Белый дом защищали лишь низкая золоченая ограда и несколько марионеток в военной форме. Да уж, это не Версаль, не пекинский Запретный город, не Кремль...

Не исключено, что Белый дом сделали таким намеренно, думала Алиса. Олицетворение американской мечты. Символ страны, где нет ничего невозможного, где даже самые могущественные граждане не являются

неприкасаемыми. Даже сенаторы. Даже Эмилия Арлингтон.

Внезапно раздался хлопок. Любопытная белка мигом скрылась в листве. Алиса обернулась, и сердце у нее забилось быстрее. Вдоль ограды парка пронесся мотоцикл, оставляя за собой шлейф черного дыма. Через мгновение его рев слился с шумом уличного движения.

Алиса испугалась – неужели что-то случилось с Ральфом Финном? Стрелка на часах приближалась к трем. А за себя не боишься? – подумала она. Охота открыта на тебя. Все несчастные случаи подстроены. Убийцей может быть любой из посетителей парка. Например, вон тот пьянчужка, или тип, что прячется за газетой, или громогласный турист за спиной... Бред! Хватит паниковать, что будет, то и будет. Нет, за себя ей не страшно. 15:03. Пора бы Ральфу появиться.

Вопль сирены снова заставил Алису вздрогнуть. Вверх по 17-й улице, лавируя из ряда в ряд, выскакивая на встречную полосу, не тормозя перед светофорами, мчалась белая полицейская машина. На улицах американской столицы к такому ралли привыкли. Если раньше режиссеры телесериалов для достоверности копировали методы сотрудников ФБР, то теперь полиция подражала героям фильмов. Каждый патрульный вел себя так, словно за спиной у него оператор. Полицейский автомобиль просто не способен ехать, не нарушая тишины и не превышая скорости. В Америке шум вообще никого не выводит из себя, больше того, придает повседневности остроту.

Алиса никак не могла к этому привыкнуть и невольно связала полицейскую машину со своим делом.

Она ошибалась. Взвизгнув покрывками, автомобиль круто повернул налево и полетел по Пенсильвания-авеню, к Фаррагут-Норт.

41

Кратчайший путь в рай

28 ноября 1964

Фаррагут-Норт, 1351, Вашингтон

Полицейская машина резко затормозила перед салоном Теда Силвы, въехав на тротуар.

Парикмахер увидел копов через стекло витрины. За долгую карьеру наемного убийцы он научился не паниковать раньше времени. Мало ли зачем явились легавые? Возможно, ошиблись адресом. Как удачно, что в

салоне сейчас всего одна клиентка – легальная! До сегодняшнего дня ни один коп не переступал порога заведения Силвы. Насчет Терезы он не волновался, она слишком глупа и ничего не поймет.

Крепко сбитый полицейский (наверняка из тех, кто беспрерывно жуёт жвачку, подумал Тед, но проверить не успел) толкнул хозяина салона в грудь, предъявил ордер, и началось... Они вспарывали сиденья кожаных кресел, купленных всего два года назад, опрокидывали мусорные корзины, выливали шампуни в раковину – «Сандрелли» по 50 долларов за флакон! – разрезали ковровое покрытие (плевать, все равно его пора менять), обезглавили все манекены.

Тед начал прозревать и от этого, как ни странно, слегка успокоился.

На пол полетела пластмассовая голова креолки с густыми черными завитыми волосами, вокруг рассыпался белый порошок.

Кто-то меня сдал, подумал Тед. Франческо? Только он в курсе. Так мне и надо! Следовало послать его куда подальше.

Парикмахер впервые поддался на уговоры кузена. «Всего на два дня, – обещал этот придурок. – Твой салон – идеальное укрытие! Лучше подземелий Ватикана и сортиров ООН». Тед согласился не из-за жалких пятисот долларов. Просто решил оказать услугу родственнику. Кроме того, Франческо мог решить, что он прячет в салоне что-то другое. Теперь Тед Силва спалился из-за дури, спрятанной в башке негритянки. Какая ирония.

Судьи сейчас лютуют, так что упекут его надолго. Копы будут запугивать на допросах, может, даже немного помнут, радуясь, что взяли мелкого дилера, но они никогда не узнают, что к ним в руки попал ключ ко множеству загадок, над которыми бьются их коллеги из убойного отдела. Члены ассоциации *Ex-voto* были фантомами, между ними и Тедом не существовало никакой связи. Значит, за исключением наркотиков, он чист как первый снег.

Но его ждет тюрьма.

Силва подумал о Елене. Жена, конечно, будет рыдать, сочтет себя опозоренной, но на свидание явится и станет проклинать Франческо, жаловаться, что на детях теперь клеймо, а потом примется успокаивать: «Они в порядке, они любят тебя, несмотря ни на что, но как ты мог?!»

Ах, Елена, если бы ты только знала.

Полицейские закончили обыск, тщательно собрали героин в пластиковый пакет вместе с обрезками волос. Тед велел рыдающей Терезе успокоиться и вручил ей ключи от салона. На сердце у него было тяжело. Парикмахерской конец! Пока ему надевали наручники и сажали в машину, он размышлял о своей карьере – настоящей карьере. С ней теперь тоже

покончено. Досрочная отставка. На свободу он выйдет уже через несколько лет, но его бизнес держится на безупречной репутации. На чистом полицейском досье. Никто не доверит даже самый пустяковый контракт опростоволосившемуся убийце – во всяком случае, ни один человек из прежней клиентуры. Да он бы и сам не взялся – по соображениям профессиональной этики. Так что финита. Карьера исполнителя желаний и молитв завершается печально по вине болтливой кузена, безмозглого тупицы, и ложно понятого чувства долга перед семьей.

Возможно, так даже лучше. Он остановился, не успев взять еще один – лишний – контракт. Бывает, гонщик уходит из спорта, получив небольшую травму и проклиная невезение, хотя не исключено, что избежал неминуемой гибели. Тем хуже для мамыши Арлингтон. И тем лучше для малышки Куин.

Полицейская машина с воем пронеслась по 17-й улице в обратную сторону, оставив позади Белый дом.

Тед Силва надеялся провести в камере лет пять. Надо наконец написать мемуары – в тишине, без внуков, требующих, чтобы дедуля поиграл с ними в футбол, без жены, то и дело спрашивающей, что приготовить на обед и ужин, заглядывающей в рукопись через плечо. В покое тюремной камеры можно будет сосредоточиться.

«Кратчайший путь в рай» – так он назовет свою книгу. А в качестве предисловия подойдет что-то вроде «Трудно быть чудотворцем». И начнет, пожалуй, так: «В то время я выполнял просьбы влиятельных людей. Творил чудеса для сильных мира сего, не способных самостоятельно осуществить задуманное».

Впервые за долгое время Тед Силва чувствовал себя счастливым, у него было легко на сердце.

Посвящение? Кретину Франческо, чья болтливость меня освободила...

42

Направление ветра

28 ноября 1964

Лафайетт-сквер, Вашингтон

– Алиса Куин?

Она обернулась:

– Да?

Перед ней стоял высокий мужчина с очень бледным лицом.

– Ральф Финн. Прошу прощения за опоздание.

– Все нормально, спасибо, что пришли. Садитесь, прошу вас.

Алиса отложила газету и подвинулась, давая ему место рядом с собой.

– Благодарю, мисс Куин, – пробормотал Ральф. – Я вам признателен за то, что объявлений больше не было. Объясните, чего вы от меня хотите.

Ральф держался очень прямо, но Алису его осанка не обманула: Финн был напуган.

– Мне нужны письменные показания. И ваш экземпляр договора.

– Ладно. Я в вашей власти...

– Вам наверняка известно, что с Эмилией Арлингтон покончено. Судья Каплан теперь на нашей стороне, у нее в доме провели обыск и нашли предсмертное признание Оскара Арлингтона.

Ральф выдохнул.

– Имея ваше свидетельство, – продолжила Алиса, – и договор...

– Насчет свидетельства... это нужно обсудить. А на договор не рассчитывайте.

– То есть как?! У вас ведь есть экземпляр?

– Он у меня *был*. По телефону вы назвали меня клятвопреступником, сказали, что я не заслужил доверия Лаки. Но я пытался исполнить свой долг перед ним! В сорок четвертом я приехал в Вашингтон, чтобы все рассказать, – у меня был ваш адрес. Консьержка дома в Рок-Крик может подтвердить. Она сказала, что от вас нет известий. Давно.

Алиса на секунду задумалась, потом спросила:

– И что вы сделали потом, Ральф?

– Ничего! Вы исчезли. Война закончилась. Я жил в пятистах милях от Вашингтона. Я не радовался, что Арлингтон вышел сухим из воды, но что еще я мог?

– А как же родители Лаки? Они остались в Личфилде.

– У меня не было адреса.

– Но Лаки вписал фамилии отца и матери в один из пунктов договора.

– Все верно, вы хорошо осведомлены. Вот только договор был уничтожен. В один из двух джипов с вещами Девятого отряда попал снаряд, тогда же, у Шато-ле-Дьябль.

– Вы не держали документ при себе?

– О чем вы! Мы должны были высаживаться прямо в воду. Естественно, договор остался в вещмешке, но ваш адрес я запомнил, а вот адрес родителей Лаки... И почему я перед вами оправдываюсь? Я сдержал слово, вот только вы исчезли. Моя жизнь продолжалась, и я решил забыть

прошлом.

Алиса растерялась. Спокойно! – приказала она себе. Показаний Финна будет достаточно – даже без договора.

– Почему вы не отвечали на наши объявления, Ральф? Дело в прозвище?

– Да... Наверное... Ну, честно говоря, нет... Дело в другом. Полгода назад я увидел Алана Ву.

– На снимке в газете?

– Нет, по телевизору. В передаче «Ищем свидетелей». Среди десятка неопознанных погибших было и его фото. Ведущий сказал, что этого человека сбила машина. Двадцать лет прошло, но я узнал Алана. И понял, что правильно поступил, не откликнувшись. Лучше прикинуться покойником, чем стать им. Понимаете?

– Вы готовы дать показания, Ральф?

– Разве у меня есть выбор?

– Нет. Ваша фамилия в списке, который лежит на столе судьи Каплана. А он настроен крайне решительно.

– Bravo, мисс Куин. Вы загнали меня в ловушку, но и в кабинете этого сурового Каплана, и в зале суда я расскажу только то, что захочу. Я последний свидетель, а Эмилии Арлингтон точно не понравится, если я раскрою правду.

– Дадите показания против сенаторши – окажетесь в лагере победителей. Течение, по которому вы плыли, уже переменяло направление, Ральф.

– Вам легко ворошить прошлое двадцать лет спустя. Терять нечего, а на кону полтора миллиона.

Не отвечай, Алиса, не спугни его.

– Я прошу об одном, Ральф: скажите правду.

– Вы еще хуже Арлингтонов. Пообещайте называть меня в суде Ральфом Финном. Только и исключительно Ральфом. Это мое условие.

– Обещаю.

Ральф все еще сомневался.

– Можем подписать договор, боюсь только, вы и его потеряете.

Алиса сразу пожалела о сказанном, но Ральф должен чувствовать ее решимость, знать, что она беспощадна – почище миссис Арлингтон.

– Вы жестокая женщина, мисс Куин. Но я сделаю, как вы просите, я любил Лаки.

– Я тоже.

Справедливость

13 января 1965

Суд округа Фогги-Боттом, Вашингтон

– Вы не представляете, ваша честь, на что в бою способен человек, – говорил Ральф Финн. – Если бы до войны или даже сразу после меня попросили залезть на что-нибудь выше двух метров, я бы не смог, я с детства боюсь высоты. А в Нормандии мы, насквозь промокшие и замерзшие, штурмовали огромную скалу под пулеметным огнем – и не чувствовали страха! Когда Лаки подорвал бетонную стену и уцелел под обстрелом, у всех нас будто крылья выросли. Мы рвались вперед без единой мысли в голове, и ничто не могло нас остановить.

Этот парень – отличный свидетель, думал адвокат Легри. Явно трусит, но справляется. Во втором акте нашего представления – главная звезда.

На заседание не вызвали уже опрошенных свидетелей, Финн солировал, воссоздавая контекст (тот самый пресловутый контекст, который нередко влияет на ход процесса), и делал это с блеском. Легри почти восхищался им, хотя миссис Арлингтон оказалась в трудном положении.

Адвокат слушал внимательно, найдя чем занять свои беспокойные руки. Он подцепил за кончик нитку из сиденья стула и накручивал ее на указательный палец так туго, чтобы остался красный след, затем осторожно вытягивал следующие пять сантиметров и мотал дальше. Легри чувствовал сладкую боль и... облегчение. Дело дурно пахнет, а он купился как новичок. Коротышка Каплан вовремя переметнулся и взял самоотвод, но адвокат так поступить не может. Легри выиграл двадцать четыре процесса, семнадцать раз добился прекращения дела. Он всегда тщательно выбирал клиентов – и вот промахнулся, его ждет фиаско. Робин терпеть не мог уголовные дела, предпочитая им финансовые махинации, на худой конец – любовные разборки, адюльтеры... Но убийства не его конек. Кроме того, клиентка с самого начала врала ему, а ложь он ненавидел сильнее всего на свете.

Адвокат чуть сильнее дернул нитку, но сдержался из страха порвать ее, а свидетель все говорил и говорил.

Разве может адвокат нормально работать, если клиентка ему не доверят? Он знает, что такое профессиональная честь, он умеет молчать не

хуже священника, которому исповедался преступник. И о чем только думала эта старая ведьма?

Ральф Финн закончил рассказ о войне, канонада стихла, рейнджеры возвращались домой. Скоро настанет черед адвоката ответчицы. Ральф свою задачу выполнил. Он, последний живой свидетель, подтвердил, что договор существовал, что Лаки и Оскар поменялись номерами, что Алиса Куин должна была получить полтора миллиона долларов. Ладно, за работу! Спасай то, что еще можно спасти.

Робин Легри встал, без малейших сожалений оборвав нитку.

– Мистер Финн, – начал он, – вы, безусловно, отдаете себе отчет в том, что являетесь единственным непосредственным свидетелем событий военной поры.

– Безусловно.

– Досадно, что нам снова, как и в прошлый раз, не предъявили никакого материального доказательства, одни только воспоминания.

– Я объяснил, что договор сгорел в джипе...

– После воистину чудодейственного взрыва!

Сидящие в зале рейнджеры зароптали: один из их товарищей погиб за рулем той машины.

Судье пришлось стукнуть молотком: тишина!

Глупо, подумал Легри. Слово «чудодейственный» подействовало на них как красная тряпка на быка, но мне трудно работать в подобных обстоятельствах. Сенаторша уперлась и не желает признать себя виновной.

– Получается, – спокойным тоном продолжил адвокат, – что единственное доказательство услышанной нами версии – ваша честность.

– Так и есть.

– Вы были близкими друзьями с Лаки Мэрри?

– Ну, близкими – это громко сказано, но мы дружили.

– Вы друг Лаки и единственный живой свидетель заключения пресловутого договора. Вам не пришло в голову, что мисс Куин могла бы выплатить вам вознаграждение из причитающихся ей полтора миллионов долларов? Ведь именно это она и предложила в обмен на показания?

Чем черт не шутит. Почему бы не попробовать грубую игру? В конце концов, в подобном улаживании проблемы нет ничего особенного. Ральф – трус, если надавить на него посильнее на публике, может дать слабину.

– Я... – Ральф аж заикаться начал от возмущения. – Я никогда ничего подобного не просил... – Ошарашенное выражение его лица свидетельствовало о полной искренности.

Жаль! – подумал Легри. Могло получиться.

Поднялся адвокат истца.

– Мой коллега безосновательно обвиняет свидетеля в продажности, это недопустимо!

Судья Картерон кивнул, соглашаясь.

Робин Легри улыбнулся и сел.

Слово взял судья:

– Документы, предоставленные нам лейтенантом Дином из Девятого отряда рейнджеров, более чем ясны: два джипа везли личные вещи солдат, и шестого июня немецкий снаряд попал в одну из машин на побережье у Шато-ле-Дьябль. – Картерон пошелестел бумагами и продолжил: – В распоряжении суда имеется и предсмертная записка Оскара Арлингтона: «Я трус. Мой ровесник погиб вместо меня на пляже в Нормандии. Я впервые в жизни решил проявить мужество, покончить с этой лживой жизнью». Эксперты подтвердили подлинность почерка и подписи Оскара. Адвокат Легри не нашел ни одного специалиста, который утверждал бы обратное. Записка настоящая.

Робин оглянулся на зал, пытаясь выдернуть из обивки еще одну нитку. Все эти люди пришли посмотреть матч-реванш, но вели себя весьма сдержанно.

Судья Картерон перешел к событиям в Блю-Хилл, к несчастному случаю с Аланом Ву.

Добро пожаловать в самую грязь, подумал Легри. Будь внимателен, Робин, попробуй ухватить полезную деталь.

Управляющий отелем, прямой сухопарый тип, давал показания очень уверенно. Он заявил, что Оливер Сноу, ночевавший в его заведении 6 мая 1964-го, – это Оскар Арлингтон. Эксперты проанализировали почерк в регистрационном журнале отеля «Гамильтон» и уверенно опознали подпись покойного сына сенаторши. Все доказательства били прямо в цель, и Робин думал уже не о деле, а о нитке, которая никак не желала вытягиваться из обивки, – вот же гадина! Адвокат снова оглянулся, надеясь увидеть приятное лицо. И увидел. Лицо Алисы Куин. Держалась она с достоинством, а уж красива была до невозможности. И почему он представляет интересы старой дуры Арлингтон, а не этой блондинки-мечты?! Уж тогда бы он точно выиграл двадцать пятый процесс подряд. Приглядевшись повнимательней, адвокат понял, что за маской невозмутимости женщина скрывает печаль. Но ведь она победила, это очевидно уже сейчас. Возможно, красавица думает, что окончание процесса лишит ее последнего смысла существования, навсегда закрыв

дверь в прошлое. Ладно, это не его проблема. Легри попытался выстроить аргументы, но мысли разбегались, он никак не мог сосредоточиться.

Судья продолжал перечислять факты. За все время, что он говорил, Эмилия Арлингтон ни разу даже не моргнула.

Адвокат Алисы Куин учился вместе с Ником на юридическом. Блестящий профессионал, Джонс согласился работать бесплатно, в память о «старых добрых временах» и ради прекрасных глаз истицы. Когда ему дали слово, он упирал на договор, на полтора миллиона долларов, утверждал, что Алана Ву сбили намеренно, и сделал это Оскар Арлингтон. В конце своей речи он намекнул на подозрительный характер цепочки несчастных случаев с Алисой Куин и Ником Хорнеттом, но, конечно же, не стал возлагать ответственность на покойного сына сенаторши.

Снова настал черед Робина Легри вступить в игру. Ради спасения того, что можно было спасти, он решил забыть о деньгах и попытаться дезавуировать обвинения в убийствах. *Недоказанных* убийствах.

– Оскар ушел из жизни, – начал он. – По своей воле. Оставил формальное объяснение: старый военный долг. Но нам дано узнать только чужую версию этой истории, взгляд на нее других людей. Солдат, которые завидовали его богатству и происхождению, которые не понимали, что он – *другой*. Проще сказать, они его не любили. А это ведь все равно что предоставить в суде слово адвокату только одной стороны. Мы никогда не узнаем, насколько правдива эта история, не исказило ли ее коллективное бессознательное. А также время. Останется неведомым, не пал ли Оскар жертвой интриг или травли, а может, и шантажа...

В зале засвистели.

– Да-да, я настаиваю: Оскар находился во враждебном окружении. И лучший тому пример – Ральф Финн, единственный свидетель обвинения. Скажите, Ральф, вы были одним из тех, кого очаровал Лаки? Его адъютантом и другом? Но вы также были парнем, уставшим от войны, злым на весь мир, так, мистер Финн? Или мне называть вас Дрочилой?

В зале снова зароптали. Ветераны Девятого отряда сочли поведение законника подлым, забыв, что прозвище когда-то придумали именно они.

Робин постарался не встречаться взглядом с Ральфом Финном и Алисой Куин. Он умел быть жестоким, если этого требовало дело, но садизм не доставлял ему удовольствия.

– Оскар находился во враждебном окружении, – повторил он, – настолько враждебном, что когда старая история выплыла на свет, Оскар

предпочел покончить с собой.

Публика снова загомонила. Это уж слишком – теперь ветеранов хотят обвинить в подстрекательстве к самоубийству! Судья внушительно откашлялся. И остался доволен произведенным эффектом. А Робин Легри продолжал:

– Мы говорим о войне. Кто вправе не то что судить – даже пытаться понять солдат? Но чьи воспоминания могут претендовать на объективность двадцать лет спустя? Я знаю одно – сейчас творится несправедливость. Оскар Арлингтон наказал себя сам, но шакалы не успокоились.

В зале уже кричали.

– Так не упустим же шанс, повесим на него все преступления. Лихач сбил Алана Ву? Это был Оскар! Из могилы он не подаст голос в свою защиту. Грузовик наехал на детектива три месяца спустя после смерти Оскара? Кто, как не он, восстал из небытия и снял машину с ручника посреди улицы? Может, и президента Кеннеди убил тоже Оскар Арлингтон?

Судья отчаянно стучал молотком, призывая публику успокоиться.

– Нет никаких улик, указывающих на Оскара Арлингтона как на убийцу. Ничто не доказывает, что шестого мая шестьдесят четвертого года они с Аланом Ву встретились. Следующую ночь Оскар провел за шесть миль от бывшего однополчанина. Как тысячи других людей. Тысячи людей, севших наутро за руль и выехавших под дождь... И даже если Оскар Арлингтон виделся с Аланом Ву в Блю-Хилл и говорил с ним, потом они могли мирно расстаться. И Оскар вернулся в отель...

– ...где зарегистрировался под чужим именем! – выкрикнул кто-то из зала.

Судья яростно грохнул молотком.

– Итак, Оскар вернулся к себе в отель, – невозмутимо продолжил Легри, – и той же ночью Алана на опасном участке дороги, в непогоду, сбил какой-то негодяй. В нашей стране ежегодно случаются тысячи подобных происшествий. В среднем одно каждые три минуты. Пока я говорил, погибли пять пешеходов как минимум. Кто виноват? Оскар Арлингтон?

Председатель строго посмотрел на главных бузотеров – Барри Монро с приятелями, – призывая их умолкнуть. Легри благодарно кивнул.

– Вот что я вам скажу, и эти слова идут от сердца: судите Оскара Арлингтона – если хотите – за обещание, данное в условиях, которые нам, к счастью, не дано познать. Но не обвиняйте в убийстве человека, неспособного себя защитить. Не обвиняйте, основываясь лишь на

совпадениях и собственном отношении к покойному. Благодарю за внимание, дамы и господа, я закончил.

Судья Картерон позволил публике выпустить пар, вволю покричать, затем решительно потребовал тишины.

Значит, я был хорош, подумал Легри. И плевать на эту деревенщину. Да, я проиграю процесс, но никто не посмеет сказать, что старина Робин сдался без борьбы!

Ожидание длилось нестерпимо долго. Главные действующие лица, Эмилия Арлингтон и Алиса Куин, сохраняли невозмутимость, являя собой разительный контраст со всеми остальными участниками действия, которые нервничали так, словно от вердикта зависела их жизнь.

Наконец судья вернулся в зал и монотонно зачитал решение. Суд постановил, что Оскар Арлингтон перед высадкой в Нормандии действительно пообещал выплатить Лаки Мэрри, либо его жене, либо родителям 1 миллион 440 тысяч долларов – если Лаки Мэрри поменяется с ним номерами смертельной жеребьевки. А посему семья Арлингтон обязана выплатить Алисе Куин эту сумму с процентами и с учетом инфляции за двадцать лет. Относительно разжалования Оскара Арлингтона и лишения его всех наград решать будет военный трибунал. В убийстве и покушении на убийство Оскар Арлингтон невиновен.

Не так уж и плохо, решил Робин Легри.

Публика взорвалась.

Одни кинулись к Алисе, другие окружили родителей Лаки, а самые хитрые поспешили покинуть зал суда, рассчитывая на интерес прессы.

Полтора миллиона! С процентами! Да это же прямо джекпот!

Во взгляде Алисы читались облегчение и радость.

Возможно, то была вовсе не печаль, а тревога за исход дела, подумал Робин Легри. Она выиграла и успокоилась. В отличие от миссис Арлингтон. Враждебный настрой зала я выдержал, но теперь мне предстоит схватка со злобным бульдогом.

Версия миссис Арлингтон

13 января 1965

Суд округа Фогги-Боттом, Вашингтон

Зал постепенно опустел, и Робин Легри подошел к своей клиентке.

– Вы скверно поработали, Грей! – сухо сказала миссис Арлингтон. – Очень скверно!

Как старая карга узнала, что его настоящая фамилия Грей, а не Легри? Адвокат пришел в раздражение. Разве недостаточно, что она никогда не называет его мэтром?

– Что именно вам не понравилось? – спросил он с профессиональной сдержанностью.

– Вы мне не поверили. Сочли, что я лгу, ваша заключительная речь прозвучала неискренне. Вы были неубедительны!

– Но, миссис Арлингтон...

Адвокат держал руку в кармане, терзая пальцами бумажный шарик, еще полчаса назад бывший страничкой из блокнота с черновиком заключительной речи.

– Мы ведь договорились отрицать вину. По всем пунктам!

– Я так и поступил...

– Нет! Вы сознательно пожертвовали солдатской честью моего сына, чтобы его не обвинили в убийстве.

– И был не прав? Эту самую честь трудно было...

– Довольно, Грей!

– Но все...

– Я хорошо вам плачу и не жду, чтобы вы присоединились к мнению большинства! Да прекратите же наконец шерудить в кармане! Нервничаете? Так закурите, ведите себя по-мужски!

Робин Легри имел немалый опыт словесных схваток и гордился своей выдержкой, но стервозная клиентка подвергла его нервную систему суровому испытанию.

– Я впервые за семь лет проиграл дело, – спокойно произнес адвокат, продолжив терзать бумажный шарик. – Скажи вы мне сразу всю правду...

– Правду, Грей? Надеюсь, вы достаточно умны, чтобы все понимать без слов! Надеюсь, вы поняли, что я никогда прилюдно не признаю, что один

из Арлингтонов мог струсить во время боя. Струсить и купить себе жизнь ценой чужой жизни! Да пусть все факты доказывают обратное, я буду отрицать. Это вопрос чести. Умирая, мой супруг Джонатан завещал мне фамилию Арлингтон. Моя единственная миссия – сохранить ее незапятнанной! Я завтра же соберу всех генералов, которые двадцать лет заходят ко мне промочить горло, и объясню, что не в их интересах лишать моего сына даже самой простенькой из наград. Вот вам правда, мэтр Грей! Ее вы должны были отстаивать в суде. Нетрудно было понять такому прожженному законнику, как вы, а? Эта маленькая гадина, Алиса Куин, сразу все просекла, она...

– Но ваше дело *нельзя* было выиграть, миссис Арлингтон, признайте это! Разве что подкупить всех. Факты – упрямая вещь.

– Факты? – Эмилия Арлингтон почувствовала – редчайший случай! – что вот-вот утратит контроль над собой. – Говорите, факты, Грей?

Она надолго задумалась, принимая мучительное для себя решение. Они все еще стояли в зале заседаний, никто не попросил их уйти, судебный пристав не решился беспокоить столь важную персону. Сенатор села, жестом пригласив Легри занять соседнее кресло.

– Хотите, чтобы я исповедалась вам, как священнику?

Грей кивнул.

– Ладно... Вы узнаете правду. Но предупреждаю – если вы хоть кому-нибудь проговоритесь...

Адвокат принял угрозу всерьез, но передернул плечами.

– До сегодняшнего дня в этой истории с долгом все были уверены, что мой сын Оскар ничего не заплатил Алисе Куин. В этом суть, не так ли? Но с чего мы взяли, что это правда?

– Ну как же... – Адвокат ни разу не задумывался об этом. – Алиса Куин заявила, что договор не был выполнен.

Легри понимал, что слова миссис Арлингтон не лишены смысла.

– Вот именно, Алиса заявила! – воскликнула сенаторша. – Есть только ее слово. Но если допустить, что Оскар отдал свой долг еще в сорок пятом, что он заплатил маленькой мерзавке, то получится, что она хочет получить деньги второй раз. Удвоить ставку в полтора миллиона долларов!

– Гипотетически такое возможно, но...

– Мэтр Грей! Слушайте внимательно. Вы первый человек, которому я решила открыть истинное положение дел. В сорок пятом году мой сын снял со своего личного счета миллион четыреста сорок тысяч долларов наличными. Помешать ему я не могла, хотя счета контролировала. Миллион четыреста сорок тысяч! Он отказался объяснить, на что пошли

деньги. Наплел бредовую историю о дорогушем коллекционном авто, я проверила и убедилась, что сын меня обманул. А между тем среди военных ходили слухи, что Оскар во время войны повел себя как трус. Но он вернулся домой и погасил свой долг этой девке Куин, что черным по белому записано в семейных финансовых документах. Можете проверить...

Черт побери! – подумал Легри. С чего бы ей заявлять подобное, если это вранье? Что она выигрывает? Ничего.

Он обвел взглядом зал. Адвокат пожалел, что потребовал от клиентки признания и в результате оказался единственным человеком, посвященным в тайны семейства Арлингтон.

– Почему вы молчали? Почему не открылись хотя бы судье?

– Признать, что Оскар расплатился, значило бы признать существование подобного долга. И обесчестить семью. Я всегда это отрицала и буду отрицать, даже если мне предъявят формальные доказательства! Я ни за что не признаюсь – публично! – что один из Арлингтонов мог выкупить свою жизнь за деньги, тем более во время войны. Оскар был единственным наследником, продолжателем рода. Моим сыном! Не уверена, что вы сумеете понять, Грей.

С чего бы? – удивился адвокат. Из-за того что я поменял фамилию, стыдясь своей настоящей?

– Итак, вы утверждаете, что Алиса Куин озолотилась сразу после войны. Это кажется...

– Прокрутите в голове всю историю, Грей, изменив одну крошечную деталь: мой сын заплатил Алисе Куин. Дела это не осложняет, напротив – многие вещи становятся кристально ясными. Сразу после войны Алиса на много лет уезжает в Австралию. Любопытно, верно? Чем был вызван внезапный отъезд? Зачем бежать от родителей Лаки и друзей в горестный момент? Возможно, она скрывалась. Полтора миллиона долларов – вот конкретная причина поспешного бегства. В одиночестве легче и приятнее тратить деньги. Исчезнуть на другом континенте и спокойно зажить другой жизнью. Кстати, ничто не доказывает – кроме ее утверждений, – что все это время она была в Австралии. Возможно, швырялась деньгами в Америке!

Страх постепенно уступал место азартному интересу, и адвокат спросил:

– Что, по-вашему, было дальше?

– Она вернулась через пятнадцать лет – очевидно, все потратила. Как – загадка. Впрочем, особы типа мисс Куин вполне способны промотать

такую кучу денег. Итак, приехав, она понимает, что никто в семье Лаки ничего не знает о договоре. Два свидетеля не объявились. Умерли или исчезли. Так почему бы не пошантажировать семью Арлингтон? Тех, кто готов на все, чтобы уберечь свою честь и не позволить позорной истории выйти наружу двадцать лет спустя. Алисе Куин даже необязательно представлять дело как шантаж. Все намного проще. Достаточно прикинуться простодушной, заявить, что она никогда ничего не получала, и потребовать свое. Она дает себя уговорить поехать во Францию, встретиться там с рейнджерами, «случайно» раскрывает свою личность, и ей тут же выкладывают историю об обмене номерами. Остается разыграть удивление невинной жертвы. Каждый немедленно становится на сторону обманутой вдовы против вероломных Арлингтонов. Безупречный план! Змея умеет пользоваться своим обаянием, и ей идет роль безутешной вдовы. Кто же откажется пожалеть красавицу.

– Все это не мешает мисс Куин искренне горевать, – заметил Легри. – Она потеряла любимого человека и поклялась погубить репутацию Арлингтонов, несмотря на все риски. Решила, что не простит Оскара и заставит его заплатить дважды.

– Не исключено. Но вы приписываете этой женщине чертовски романтические побуждения, потому что тоже поддались ее чарам. Не отрицайте, я за вами наблюдала. Даже старый боров Картерон смотрел на нее с умилением. Не ищите гадине оправданий. Она похожа на кинозвезду, у нее судьба героини романа, такие любого мужчину проведут. Слепцы! Все самцы – вы в том числе – готовы пресмыкаться перед ней. Я не удивлена вашим провалом.

Адвокат не ввязался в спор, решив наказать старуху размером гонорара.

– Думайте что хотите, Грей. Я считаю Алису Куин расчетливой интриганкой, ловкой манипуляторшей. Профессиональной лицедейкой. Ломая комедию в шестьдесят четвертом, она знает, что рано или поздно найдутся и доказательства, и свидетели. Что я буду все отрицать. Что она выигрывает. Что я не признаю вины сына и снова заплачу.

– Но почти полтора миллиона, да еще с процентами. Огромные деньги! Продолжая молчать, вы преподносите подарок врагу.

– Наша семья богата, Грей. Для нас полтора миллиона – ничто в сравнении с честью.

Бумажка в кармане превратилась в твердый шарик. Теперь адвокат катал его в ладони, это помогало думать. Дело напоминало китайский пазл, части которого могут складываться в разные фигуры, все зависит от того, как их соединить. История выглядела такой простой, такой очевидной, но

стоит выстроить факты в ином порядке – и найдется другой виновный, а цепочка останется вполне логичной. И все-таки одна сумеречная зона остается. О худшем – преступлениях, несчастных случаях – речи пока не было.

– А смерти? Аварии? Это уже не шантаж, все выглядит гораздо страшнее.

– Вы правы, Грей. Безупречному плану Алисы мог помешать только Оскар. Всего два человека знали, что долг выплачен, – он и она. Исчезнет Оскар – и девке обеспечен выигрыш. По всему выходило, что Оскар никогда никому не признавался, что заплатил, даже мне ничего не сказал. Алиса не учла, что я могу контролировать финансы сына. Повторяю, ей требовалось одно: чтобы Оскара не стало.

– Но ваш сын покончил с собой.

– И тут же объявилась мисс Куин. Странное совпадение, не находите? Вот что я вам скажу: мой сын не накладывал на себя руки. Любая мать чувствует такие вещи. Да, Оскар был трусом, и, возможно, в этом виновато мое воспитание. Но он бы себя не убил! Ему бы не хватило мужества выстрелить в себя, я уверена.

Бумажный шарик прилип к влажной от пота ладони. Старуха не врет, это очевидно.

– Оскара убили? А как же прощальная записка?

– Она тоже совсем не в его духе.

– Но эксперты подтвердили, что и почерк, и подпись принадлежат Оскару.

– Он напился в тот вечер. Любой мог подойти, забрать его оружие и под дулом пистолета заставить написать признание. А потом инсценировать самоубийство.

– И все-таки странно. – Легри не скрывал скептицизма. – Даже пьяный не может не понимать, что написать «покончу с этой лживой жизнью», – даже если тебе угрожают, значит дать отпущение грехов своему убийце.

– Кто знает... Считайте аксиомой: мой сын себя не убивал. Его смерть выгодна только одному человеку. Его записка была приманкой для меня. Она означала: «Я раскаялся, мама, ты должна верить словам красавицы, которая придет к тебе. Выдай ей полтора миллиона». Полагаю, Алиса Куин не думала, что дело дойдет до суда, она была уверена: я сломаюсь, узнав о смерти сына. Ей было неизвестно, что я уже знала. Но даже если бы дело затянулось, время работало на нее. Она ничем не рисковала. Только мы с ней знали правду, а в том, что я не заговорю, сомнений у мерзавки не возникало. Способов борьбы с мисс Куин у меня не было – во всяком

случае, законных.

Во всяком случае, законных... Адвокат насторожился. До сих пор Робин Легри не понимал, почему железная женщина Эмилия Арлингтон так пассивна, почему не реагирует на действия Алисы Куин, почему заняла выжидательную позицию. Но теперь понял с полуслова: *во всяком случае, законных*. Это сама Эмилия Арлингтон организовала «несчастные случаи» с Алисой Куин и Ником Хорнеттом! Как его угораздило вляпаться в столь дерьмовую историю? Его охватил страх. Бумажный шарик размок от пота и развалился, ошметки прилипли к ладони. Аргументы Эмилии Арлингтон выглядели до ужаса логичными, но все равно невозможно представить Алису в роли мстительной убийцы. Неужели клиентка права и она всех загипнотизировала? Он не должен ввязываться в эту темную историю. Но любопытство оказалось сильнее.

– А что с Аланом Ву? – как бы между прочим поинтересовался он.

– Об этом мне ничего неизвестно. Но догадаться не составляет труда. Тот факт, что Оскар провел одну ночь в Блю-Хилл, вызывает у меня недоумение, но Алиса Куин могла легко заманить его туда и посоветовать ему не называть портье настоящее имя. Алан Ву мешал этой твари, он наверняка знал, что Оскар Арлингтон погасил долг, иначе вернулся бы из Франции гораздо раньше. Алан был честным и решительным человеком. Почему он молчал почти двадцать лет? Никакой логики в этом нет. Ву приехал в Америку, как раз когда Алиса Куин начала осуществлять свой план, потому что был против ее намерения повторно выпотрошить Арлингтонов. Как он узнал? Возможно, от одного из рейнджеров, а может, Алиса сама с ним связалась и попробовала перетянуть на свою сторону.пустила в ход свои чары. Посулила деньги. А потом авария...

– Мисс Куин даже водить не умеет.

– По ее словам. А где доказательства?

– А как быть с объявлениями, в которых Алан Ву утверждал: «Оскар Арлингтон ничего не заплатил»?

– Почему мы так уверены, что их давал именно он? Подобное легко сфабриковать, а пришлось очень кстати!

У миссис Арлингтон на все имелся ответ. Если она говорит правду, если Оскар расплатился с вдовой в сорок пятом, ее версия – единственно возможная, это факт.

Робин Легри не сомневался, что клиентка не лжет. Алиса Куин с самого начала дергала за ниточки. Ей хватало решимости, обаяния и ума, но в этой истории главенствовали жестокость и алчность, а вот их в молодой

женщине не было.

Странная история. Интригующая, что и говорить, но слишком уж опасная.

– Что вы теперь будете делать, миссис Арлингтон?

– Заплачу. Раз суд так решил. Заплачу... И задушу Алису Куин собственными руками!

45

Рожок призраков

14 января 1965

Больница Ганемана^[17], Вашингтон

Алиса вошла в палату № 668, где лежал Ник. Лица ее не было видно за огромным букетом.

– Цветы в честь нашей победы. И будут еще. Много цветов. Пусть ваша *нимфея*^[18] ревнует!

Ник не подпрыгнул от радости – он все еще был прикован к больничной койке, хотя лицо постепенно заживало, а левая рука уже неделю как обрела подвижность. Накануне Алиса позвонила, чтобы рассказать о решении суда, но пустили ее только сегодня утром. Палата была большая и светлая, с ванной, туалетом и глубокими стенными шкафами. Не больничная палата, а гостиничный номер.

Ник был задумчив, улыбался натянуто.

Все заканчивается. Наше прекрасное приключение очень скоро счастливо завершится. Так улыбайся, сияй, ликуй!

– Ник?

Она что-то сказала про какую-то нимфею? Именно, твои новые пластиковые уши тебя не обманули.

– Извините, Алиса, при чем тут нимфея?

– Вы не читали Бориса Виана?

– М-м... Нет, хотя я без ума от французской литературы. Правда! Хоть на это больница сгодилась. Сименон на ночь, чтобы заснуть, комиксы о Тинтине, чтобы пробудиться. Это еще не Бальзак и не Пруст, но я постепенно проникаюсь.

Алиса улыбнулась.

– Какая же я глупая, «Пену дней» еще не перевели на английский, да это и невозможно, думаю. Американцы все равно не поймут.

– А вы все-таки попробуйте. Я уже три недели не смотрел футбол! Мой организм постепенно очищается от отравы. Так что там за история?

– Это метафора. Метафора болезни... Виан считал, что больному нужно приносить много цветов, тогда нимфея взревнует и перестанет расти. Герой его книги Колен разорвется на цветах, чтобы спасти жену Хлоэ.

– Брр... И как все кончается?

– Хорошо... – с секундной задержкой ответила Алиса. – Конечно, хорошо. – Она пристроила букет на краю кровати. – Пусть медсестры украсят ваш временный дом, Ник, не стану отнимать у них хлеб, – весело сказала она. – Вы понимаете, что мы победили?

– А что я вам твердил с самого начала?

– Да, все получилось благодаря вам! Теперь я могу оплатить вашу работу. Просите чего хотите.

Если бы я только смел.

– Это не горит, Алиса. Некуда торопиться. Осталось несколько тайн, так что моя работа не завершена. Почему Алан Ву вернулся в Штаты в шестьдесят четвертом? Кто пытался нас убить? Да нет, не нас – вас, Алиса! Сами видите, кое-какие хвосты еще болтаются.

– Это не главное, Ник.

– Согласен. Но мне не нравится, что за все отдувается покойный Оскар Арлингтон.

Алиса удивилась. Присела между Ником и букетом.

– В каком смысле?

– «Кто посмирней, так тот и виноват», – пояснил Ник.

– Лафонтен? – изумилась Алиса. – «Мор зверей»! В изучении французской литературы вы миновали этап Тинтина!

– Нет, это воспоминание из молодых лет. Один год я учил в лицее французский, и преподавательница-садистка заставляла нас заучивать басни. Знаете, такие, которых не понимаешь, но в памяти они застревают.

Старый враль! Давай признайся, что вчера вечером два часа пытался запомнить эти четыре несчастных слова. И все-таки едва не забыл их в нужный момент.

– Снимаю шляпу, Ник. Но одного я все-таки не понимаю: мы пять месяцев старались вывести Оскара Арлингтона на чистую воду, а теперь вы его защищаете.

Она права, ты настоящий псих. Это уже не профессиональная добросовестность, а невроз. Не пытайся затянуть дело, Ник. Расследование окончено. Все!

– Знаю. Но я люблю доводить дело до конца. Мне неприятно обвинять

самоубийцу. Честно говоря, я считаю, что Эмилия Арлингтон дешево отделалась. У нее будет золотая старость достойной женщины, удрученной трагическим концом сына. Но кто, кроме нее, мог желать вам смерти? Думаю, она с самого начала была кукловодом в этой истории. Организовала аварию для Алана Ву. Оскар был безвольным типом. Я допускаю, что мать сама вложила ему в руку служебное оружие в тот вечер, когда он вернулся мертвецки пьяным.

– Какое нам теперь до них дело, Ник? Все Арлингтоны одним миром мазаны. Для меня важно другое: благодаря вам смерть Лаки была не напрасной, они расплатились по долгам!

– Да, конечно... Вы – босс. Дело закрыто.

По его тону Алиса поняла: что-то не так.

– В чем дело?

– Чем теперь займетесь, Алиса?

– Не знаю.

Один раз, любовь моя, один-единственный и последний раз не держи меня за идиота.

– Знаете. Разумеется, знаете! Вы не из тех, кто колеблется, принимая решение. Все вы знаете, и мне очень жаль, что я не заслужил вашего доверия.

– Ладно. Скажем так: я пока не определилась. Но Лизон Мюнье пригласила меня в Нормандию. Мне очень хочется познакомиться с ней по-настоящему. Провести там какое-то время. После того как вы поправитесь, Ник.

Алиса смутилась, взяла букет и поставила его в вазу, стоявшую у окна. Ник молча смотрел на нее.

Она закрылась. Словно устрица. Окончательно. А ведь он почти уверился, что эта женщина вернулась к жизни. Но нет, больше она не будет улыбаться и корчить милые гримасы. Почему? Ты детектив, умник Ник, вот и прояви аналитические способности.

Гипотеза номер один: она находилась в мире живых с миссией, в память о Лаки. Миссия выполнена, она возвращается к призракам. Не стоило влюбляться в инопланетянку! Чао, Ники.

Гипотеза номер два: она возвращалась к жизни, пусть и медленно. Ей требовались время, покой, твоя поддержка, старина Ник. И все бы получилось, если бы грузовик не раздавил в лепешку твое лицо, а Алан Ву не погиб. Чао, Ники!

Гипотеза номер три: у этой красавицы аллергия на жизнь. Она заставила себя улыбаться и кокетничать, чтобы завоевать доверие

сыщика. Теперь он ей не нужен. Чао, Ники!

Алиса закончила возиться с цветами. Посмотрела на унылый пейзаж северного предместья Вашингтона.

Нет, гипотеза номер три смешна. Отбрасываем. Гипотеза номер два соблазнительна... Но я все-таки ставлю на номер один, так что мне жаль, старик, но с ней у тебя никогда не было и не будет ни единого шанса.

– Знаете, мне уже лучше, – сказал Ник и сам удивился.

Алиса обернулась и снова села на кровать.

– Вы свободны, Алиса. В некотором смысле. Потому что призраки никуда не делись. Это дело было отклонением от маршрута, коротким визитом в мир живых. Призраки вернулись и снова вцепились в вас. Теперь моя очередь попытаться удержать исчезающее существо.

Алиса осторожно взяла в ладони здоровую руку сыщика.

– Ник, мои улыбки были вымученными, а шутки ненатуральными. Я сама в какой-то момент поверила в новое начало жизни, я была как двигатель старой, давно стоящей на приколе машины. Увы, она застряла на первой же выбоине. Теперь моя веселость превратится в комедию, извините за каламбур. Не хочу лгать вам, Ник. На фальшивых чувствах любовь не вырастишь. Я либо буду врать, либо сделаю вас несчастным. Придется вернуться к призракам, хотя бы на некоторое время.

– Тогда вперед, дорогая. И передайте от меня привет призракам. Задайте им жару. Не уступайте ни пяди!

– Улыбнитесь мне, Ник. По-настоящему. Наше дело завершено, но конец у него счастливый, разве нет?

– Конечно, вы правы... Чувство такое странное, что и не выразить словами. Радуга на сердце.

Последние слова Ник произнес по-французски.

Оцени, Алиса, это мой последний бой!

– Красивая метафора, Ник. – Алиса покрепче стиснула пальцы сыщика. – Радуга на сердце. Грибной дождь. Этому вас тоже научила учительница-мучительница?

Никакой лицейской преподавательницы не было, Алиса, я ее придумал, чтобы произвести на тебя впечатление. Ты одна учила меня французскому.

– Нет. Но я знал, что однажды подловлю вас, Алиса. Перечитайте классиков: «Радуга на сердце», Тинтин, «Голубой лотос». Последняя страница. Тинтин покидает Чанга.

– У вас есть безумная мечта? – вдруг спросила Алиса. – Отвечайте не

задумываясь.

Ладно...

– Не задумываясь!

– Ну...

– Быстрее!

– Потом не жалуйтесь. Предупреждаю, это полный идиотизм. Я давно хочу открыть международное бюро генеалогических изысканий, специализирующееся на самых знаменитых родах. Агентство, куда принцессы, звезды, богатые наследницы – словом, мировая элита – будут приходить, чтобы проконсультроваться насчет предков.

– Продолжайте.

– Хочу стать нужным всяким уникамам. Царствовать в большом стеклянном особняке, управлять обожающими меня секретаршами и преданными детективами. И чтобы мои владения располагались в месте, где всегда тепло, у синего моря, в котором плещутся обнаженные загорелые красотки. И чтобы там была частная взлетно-посадочная полоса, где смогут приземляться самолеты знаменитостей.

– Вы все получите, Ник, это будет мой подарок.

Четвертая эпоха

1975

Взлет

Две умалишетки

Октябрь 1975

Шато-ле-Дьябль, Нормандия

Две «умалишетки» – так, любя, называли в деревне Алису и Лизон – регулярно гуляли в ландах. Каждый вторник.

Вторник – выходной день в музее, значит, можно никуда не торопиться и пройти двенадцать километров. В хорошую погоду. Они стартовали от Замка дьявола, трех руин, считавшихся остатками знаменитого владения, где маленький герцог Вильгельм проводил каникулы. С недавних пор у развалин установили деревянный щит с картой для туристов. Женщины шагали по каменистой дороге, а с полей на них, точно с балкона, смотрели коровы. Иногда чистокровка из конюшни в Ла Поммерэ сопровождала их вдоль ограды несколько сотен метров. Где-то через километр крутая тропинка перерезала нависающий над морем луг и выводила к прибрежным отвесным скалам. Мирный пейзаж нарушали блокгаузы и воронки – так и не зажившие отметины страшной войны.

Они открыли музей в 1969 году. Совсем крошечный, на первом этаже небольшого городского дома. Коридор, зал с правой стороны, два чулана слева – для хранения всякой всячины.

Название, Музей Штурма, они придумали вместе, оно звучало очень горделиво и... самонадеянно, но пока что это была скорее лавка старьевщика: каски, ружья, обувь вперемешку со штабными картами, парашютами, макетами военных операций, изготовленными одним пенсионером, участвовавшим в Сопrotивлении. Нормандцев до слез трогали довоенные открытки с видами церкви в Де-Жюмо, рынка, мощеных улиц, мужчин в кепках, позирующих на пороге дома. Жан Мюнье, отец Лизон и по совместительству мэр городка, долго хранил экспонаты на чердаке мэрии и теперь мог гордиться своим политическим чутьем и предусмотрительностью. Зная, как устроен бюрократический механизм, можно было получить гранты от департамента, государства, Европы, поощряющих открытие музеев во имя сохранения памяти. Ну и конечно, ради привлечения туристов. Пляжи пляжами, а что делать в плохую погоду? Такой музей был давней и заветной мечтой Жана Мюнье, который стыдился своей трусоватости в годы войны.

И все-таки, несмотря на энтузиазм мэра и поддержку жителей, грандиозный, как Великие пирамиды, проект все откладывался и откладывался. Алиса не задумываясь пополнила бюджет несколькими десятками тысяч франков, заслужив глубокую благодарность жителей Шато-ле-Дьябль, которые с большим восторгом раскрыли объятия американке – миллионерше и благотворительнице коммуны.

Лизон и Алиса согласились работать на добровольной основе, что благотворно отражалось на муниципальном бюджете. Музей открыл свои двери в июне 1969 года, в тот самый день, когда булочник объявил, что сворачивает дела, после чего в Шато-ле-Дьябль продолжили работать лишь кафе «Завоеватель» и Музей Штурма.

Первыми его посетителями стали, конечно, нормандцы. Едва ли не все жители провинции хоть раз да приехали в городок, чтобы заглянуть в музей. Летом, в пасмурные дни, появлялись парижане в дождевиках, позже – американцы, канадцы и англичане. Последними порог переступили немцы. В год музей посещало около тысячи человек. Цифры разочаровали Жана Мюнье, но он быстро утешился: музей никому ничего не стоил и немного отвлекал его дочь от печальных мыслей. Глядя на нее, мэр с горечью вспоминал энергичную девушку в цветастом платье, колесившую на велосипеде по ландам.

Алиса прилетела навестить Лизон в апреле 1965-го – и осталась, обретя в Нормандии покой, в котором нуждалась ее душа. Во всем мире не нашлось бы места, где она чувствовала бы себя ближе к любимому человеку.

Алиса часто писала в Личфилд, родным Лаки, и регулярно – Нику, только ее послания сыщику были намного длиннее и подробнее.

Ник Хорнетт уже семь лет жил на острове Сан-Себастьяну, неподалеку от Сан-Паулу. Его агентство оказалось успешным, быстро завоевав международную репутацию. В начале семидесятых о нем много говорили в связи с делом династии Романовых. Прямые потомки последнего русского царя Николая II хотели восстановить генеалогию рода во всей ее полноте. После Октябрьской революции члены царской семьи рассеялись по Европе, многие сменили фамилию, и через полвека отделить настоящих Романовых от фальшивых стало почти невозможно. Из писем Ника и газет Алиса поняла, что дело царской семьи оказалось куда сложнее обычного расследования. Анализы крови, антропологические измерения – уши, межзрачковое расстояние, генетические тесты, графологическая экспертиза... Продвигаться приходилось очень осторожно и деликатно.

Ник не скрывал, что для большинства его знаменитых клиентов, проживающих на райском острове, генеалогические изыскания были предлогом, чтобы устроить себе оригинальный отпуск вместо надоевшей талассотерапии или водолечения. Они загорали, плавали и несколько часов в неделю излагали свои воспоминания детективу или копались в архивах Центральной библиотеки. Вскоре подобное времяпрепровождение вошло в моду, несмотря на всю его дороговизну. Ник не раз предлагал Алисе приехать, но она неизменно отказывалась. По письмам Ника Алисе казалось, что ее друг счастлив. Вокруг него порхали деловитые секретарши. Он снова ходил, а хромал по настроению или чтобы вызвать сочувствие клиента.

Время от времени Алиса нанимала частных сыщиков, чтобы возобновить поиски загадочного лихача-убийцы из Блю-Хилл, но его след давно затерялся – как исчезали следы на тропе, петляющей по нормандским ландам.

Утес совсем зарос мхом. Стены полевых укреплений – их так и не снесли – были покрыты граффити и любовными признаниями.

Лизон рассказала Алисе, что ее отец недавно продал три блокгауза Пуэнт-Гийома вместе с большими участками прилегающих ландов швейцарским подрядчикам. Они намерены переустроить бетонные кубы в комфортабельное курортное жилье. Вид из домов потрясающий! Идея показалась Алисе странной.

Ложбины и горки, появившиеся в ландах в результате бомбардировки 1944 года, стали игровыми полигонами для мотогонщиков и свалкой старых холодильников и автомобилей. Из Пуэнт-Гийома можно было бы разглядеть бухту Изиньи и маяк в Сен-Маркуфе, но сегодня все скрывалось в дымке. Алиса вспомнила излюбленную присказку Шавантре, кузена Лизон: *если из Пуэнт-Гийома виден маяк, значит, будет дождь, а если не виден – значит, дождь уже идет.*

Услышав это впервые, Алиса улыбнулась и подумала: какой все-таки у деревенских естественный, природный юмор. Можно подумать, что смех составляет единственный смысл жизни каждого обитателя здешних мест. Все они любят острое словцо, готовы рассказать анекдот, выслушать историю соседа, а потом обдумывать ее за работой. В точности как в самом светском парижском салоне. Алису не смущали бранные словечки Шавантре, цинизм Фернана, бородатые шуточки Сиси, нудные наставления Учителя. Алиса и Лизон регулярно заглядывали в бар Рене, хотя он уже лет десять грозился закрыть заведение – из-за кризиса и по причине «идиотизма клиентуры». Посетители «Завоевателя» были двум

женщинам семьей. Идеальными родственниками, не ждущими отчета, в случае нужды всегда сидевшими за стойкой, ничего не требующими взамен и не имеющими ужасной привычки являться в гости без предупреждения. Это была семья объединившихся одиночек, претендовавшая на одно-единственное право – именовать Алису и Лизон умалишечками.

Алиса и Лизон шагали по бетонным плитам над Пуэнт-Гийомом. На солнце поблескивал мемориал – штурмовая «кошка», навечно впившаяся в камень, память о подвиге рейнджеров. Жан Мюнье самолично начищал металл каждый месяц. Здесь женщины на время расставались. Алиса брела по песку к тому месту, где убили Лаки, а Лизон углублялась в ланды, туда, где в утро высадки нашла Алана. Через полчаса они снова встречались у монумента.

Подруги редко говорили о любимых мужчинах, научившись сопрягать свои одиночества: жить в одном ритме, синхронно ощущать необходимость в уединении или желание излить душу, помогать друг другу общаться с деревенскими.

Два призрака ландов, гуляющие в строго определенное время суток. И только в дни, когда музей закрыт. По вторникам.

Два богатых и щедрых призрака.

Доллары Алисы медленно, но верно таяли. Много денег ушло на бразильский особняк Ника, чуть меньше – на музей.

В 1966-м Алиса решила передать часть своего состояния Красному Кресту, «Врачам без границ» и движениям, борющимся за демократию. Биафра, Голанские высоты, Корея, Камбоджа, Западная Сахара, Казаманс, Туарегский Хоггар, Кашмир, Шри-Ланка, Вьетнам, Ирландия, Западная Новая Гвинея, Курдистан, Панама, Сальвадор... Международные награды вроде Нобелевской премии мира очень почетны и весомы, но денег борцам вечно не хватает. Всегда нужны лекарства, перевязочный материал, требуется печатать листовки и плакаты, обустроить убежища и конспиративные квартиры, ну и конечно, покупать оружие. Алиса выписывала газеты разных стран, чтобы представлять картину мира и всегда вставать на сторону самых справедливых дел. Она нередко ошибалась, но не отчаивалась. Тратя деньги, на которые Лаки обменял свою жизнь, она, пусть и символически, отдавала ему дань уважения. Гибель любимого не только подарила лишние двадцать лет трусу Оскару Арлингтону, но и помогала куда более достойным людям.

Наступила унылая осень. Алиса предпочитала лето с его шумными пляжами. За минувшие десять лет произошли удивительные перемены: если в 1966-м в Нормандию приезжал хорошо если один иностранный турист, теперь их бывало даже больше, чем французов. Алиса усматривала в этом глубокий смысл: смещение народов свидетельствовало о том, что общество, во всяком случае Европа, движется в верном направлении – к миру.

И совершенно неважно, что утопию, о которой с давних времен мечтало человечество, творила не правящая элита в чинных салонах, а пузатые отдыхающие в каскетках и бейсболках.

В начале осени все разъезжались, побережье пустело.

Снова сойдясь у монумента, Алиса и Лизон шли домой по асфальтированной дорожке, мимо «Завоевателя». В этот вторник они встретили старую даму с четырехлетним внуком, который крутил педали велосипеда. Парижанка, одна из последних, самых стойких курортниц.

Столичные жители возводили вокруг деревни все больше вилл. Парижское шоссе скоро дотянут до Кана – обещал министр промышленности д'Орнано. Нормандия стала популярной у влюбленных, молодые парочки, которым была не по карману Венеция, приезжали сюда на романтический уик-энд. Люди постарше привозили целые выводки детей, которые совершали набеги на заросли тутовника. Никого не смущал запах коровьих лепешек, а занятые на полях крестьяне и вовсе были для горожан бесплатным развлечением. Тихие прибрежные деревни, обезлюдившие в войну, наполнились смехом и веселыми криками. Местные, конечно, ворчали, изображали недовольство, но и им было по душе, что провинция оживает.

Маленькие парижане карабкались по блокадам, ходили по Музею Штурма, трогали пулевые отверстия в стенах мэрии, спрашивали: «Папа, почему у церкви нет колокольни? Как люди попадали в эти квадратные дома над пляжем, там ведь ни окон, ни дверей, одни бетонные стены? Почему здесь нет ни одного магазина?»

С наступлением темноты Алиса и Лизон возвращались в Шато-ле-Дьябль, заходя иногда выпить в «Завоеватель».

26 октября 1975

Музей Штурма, Шато-ле-Дьябль

– Гийом, не балуйся! – прикрикнула на сына Мадлен. – Потерпи, мы скоро освободимся. Смотри фотографии!

Мальчика фотографии не интересовали. Они даже не цветные! Он хотел на пляж. Ну и что, что дождь! Родители пообещали ему море, вот пусть и ведут на пляж!

Мы здесь надолго не задержимся, думала Мадлен. Обойдем музей за десять минут и вернемся до пробок. Много времени на ржавые каски и оружие не понадобится. Ну за что мне эти воскресные мучения?! Ладно, хватит ныть, Жак давно обещал отцу привезти его сюда...

И вот они поддерживают старика Леонса под руки, а он с трудом преодолевает ступеньки.

Поглядишь на свекра сейчас и ни за что не поверишь, что во время войны он был одним из самых храбрых бойцов Сопротивления, что его специально прислали из Лондона для организации поддержки Штурма изнутри. Леонс – парашютист? Да он едва ноги переставляет.

Гийом подошел к одному из стеллажей – его заинтересовал нож, лежавший в пределах досягаемости.

– Не прикасайся! Он весь в ржавчине! – прикрикнула мать, угадав намерение сына.

Взять бы его за руку, да Жак в одиночку Леонса не удержит. Не ребенок, а сущее наказание. Подумать только, мы назвали его Гийомом, потому что впервые занимались любовью рядом с Пуэнт-Гийомом, в блокгаузе. Брр, ужас! Тот еще романтический уик-энд. У Жака тогда совсем не было денег, но молодость все компенсировала.

Леонс оступился, и Мадлен едва успела подхватить беднягу.

Как все-таки ужасна старость! А Жаку хоть бы хны, как будто Леонс не его отец, а мой. Ладно, хорошо хоть доброе дело сделали, старик все уши прожужжал о десанте.

Леонс долго разбирал пожелтевшие строчки старых газет, нервничал, спрашивал у сына и Мадлен, что там написано.

Надолго не задержимся... Я просто глупая оптимистка! Свекра теперь отсюда даже буксиром не вытащишь. Он знает, что в доме престарелых *увольнительные* дают редко, вот и тянет время! Хитрый старый партизан.

– Подведи меня вон к той карте, Жак, – попросил Леонс. – Там внизу есть кое-что непонятное. В сорок четвертом не было дороги на О-Пуарье. Полковник сидел там в засаде... Или я путаю. Потом проверю. Этот музей

– настоящая бомба, да?

– Когда мы уже пойдём, мам?

Мадлен бросила на сына суровый взгляд.

– Мне завтра в школу, – тоненьким голоском добавил маленький хитрец.

Мадлен раздобыла у смотрительницы, милой дамы, стул, и Леонс уселся перед макетом деревни, который оживляли пластиковые солдатики и цветные стрелки. Он молчал и думал о своем. О том, что те несколько недель в 1944-м были лучшими в его жизни. Мадлен расчувствовалась: в *богадельне*, во время редких свиданий, Леонс казался ей овощем, а он – герой войны. Пусть свекор еще немного побудет там, со своими товарищами... И плевать на пробки.

Ее размышления неожиданно прервал грохот, за которым последовали выброс пыли и отчаянный рев Гийома. Мальчик понял, что скоро освободиться не получится, воспользовался тем, что взрослые отвлеклись, и полез на стеллаж – вроде бы прибитый к стене, – чтобы рассмотреть немецкий пистолет. «Люгер». Не такой ржавый, как остальное оружие, и потому лежащий на самом верху.

Стеллаж не выдержал веса десятилетнего худосочного парижанина и опрокинулся на Гийома вместе с экспонатами, составлявшими четверть всех богатств музея.

Жак и Мадлен обернулись, перепугавшись за сына, и ужаснулись, увидев нанесенный им ущерб. Не всполошился только Леонс – он так глубоко погрузился в воспоминания, что наверняка принял шум за канонаду.

Алиса и Лизон, которые оставляли посетителей одних, в тишине и сосредоточенности, считая, что так люди полнее прочувствуют атмосферу музея, влетели в зал одновременно.

– Что случилось?

– С тобой все в порядке, Гийом?

– Проклятый стеллаж, давно нужно было его укрепить.

– Мама-а-а... – Гийом на всякий случай поторопился всех разжалобить.

Взрослые рассыпались в извинениях. Озорник не пострадал, но продолжал подвывать, предвидя неминуемое наказание. Мадлен еще раз попросила прощения, Жак достал чековую книжку, Лизон и Алиса уверяли, что это ни к чему, что у них есть страховка, да и сами виноваты, стеллаж едва держался, и вообще им давно пора навести здесь порядок.

Мадлен и Жак направились к выходу, волоча за собой ребенка и старика. Их ждали пробки и дом престарелых.

Алиса и Лизон переглянулись и улыбнулись, радуясь, что у них появилась работа. Они собрали рассыпавшиеся по полу экспонаты, потом занялись старым железным ящиком, который Алан нашел на берегу после войны. Пустой, но тяжелый, он стоял на нижней полке и потому не придавил мальчика. Алиса хотела открыть его и потянула за крышку. От удара дно ящика немного покосилось, и обнажилась покореженная железная пластинка.

Второе дно?

Заинтригованная Лизон дернула, но сдвинуть железку не сумела. Она достала десантный нож из кожаного чехла, висевшего у входа в зал рядом с формой рейнджера, подцепила пластинку и начала ее расшатывать. Потом ее сменила Алиса... Через сорок минут железо капитулировало, и они увидели старую папку.

Экспонаты

26 октября 1975

Музей Штурма, Шато-ле-Дьябль

Пять минут спустя содержимое папки было разложено на скатерти в столовой Алисы и Лизон. За окном стемнело.

Одна фотография.

Два сложенных листа бумаги.

Одиннадцать писем.

Фотография Алисы. Ей лет двадцать, на лице широкая улыбка. Она смотрит из-под белокурых прядей, будто дразнит фотографа. На обороте надпись: *Я буду ждать. Алиса, апрель 1944.*

Алиса улыбнулась.

– Наверное, в ноябре сорок четвертого Алан меня узнал благодаря этому снимку. Лаки взял с собой несколько штук.

– Ты такая красивая... – Лизон вздохнула.

– Была. Но Лаки это не удержало. Алан никогда не показывал тебе все это?

– Никогда. Не делился секретом. Думаю, доставал по вечерам, когда я засыпала. Он часто ложился позже меня.

Два сложенных вчетверо листа бумаги.

Женщины сидели за столом. Ни одна не хотела первой дотронуться до документов.

– Полагаешь, это экземпляры договора? – спросила Алиса.

Лизон не ответила.

– Ну, кто самый смелый? – продолжила Алиса.

Лизон решилась. Улыбнулась. Придвинулась к подруге. И они начали читать.

Дантон, 5 июня 1944

Я, нижеподписавшийся Лаки Мэрри, безумный, но тем хуже для меня, согласен обменять очередь № 148 участника высадки во время штурма

Пуэнт-Гийома на очередь № 4 Оскара Арлингтона.

Я, нижеподписавшийся Оскар Арлингтон, будучи в здравом уме и твердой памяти, обязуюсь выплатить Лаки Мэрри за вышеупомянутый обмен 1 миллион 440 тысяч долларов после возвращения в Соединенные Штаты Америки.

В том случае, если Лаки Мэрри будет убит до окончания этой войны, обязуюсь выплатить ту же сумму его подруге жизни Алисе Куин, проживающей в Вашингтоне, округ Колумбия, Рок-Крик-Резиденс, 144, или же мистеру и миссис Мэрри, Алабама, Личфилд, Хобарт-авеню, 2621.

В случае моей смерти торжественно прошу мою мать Эмилию Арлингтон выполнить условия данного договора.

Фотография Алисы Куин будет приложена к экземпляру договора Оскара Арлингтона.

Под текстом стояли четыре подписи с расшифровкой.

Лаки Мэрри, Оскар Арлингтон, Алан Ву, Ральф Финн.

Экземпляры были идентичны.

– Договоры Лаки и Алана, – прошептала Лизон. – Странно. Получается, Алан не взял документы с собой, улетаю в Америку.

– Пресловутое вещественное доказательство, которого так не хватало. Теперь Эмилия Арлингтон не сможет ничего отрицать, – продолжила Алиса.

– Подумать только, документы все время были у нас под рукой...

– И могли бы пролежать в ящике еще сто лет. Как объяснить, что вокруг этого договора столько тайн? А всего-то несколько строк.

– Несколько зловещих строк... У меня кровь стынет в жилах от официального тона. Они словно не жизнь на смерть меняют, а одну машину на другую.

– Остались письма, – почти шепотом напомнила Алиса.

На Шато-ле-Дьябль опустилась ночь. В квартире Алисы и Лизон было тихо, только осыпались на старинный нормандский буфет белые лепестки безвременника. Цветы, собранные во время прогулки, почти увяли.

Лизон долго не отводила взгляд от букета, потом сделала над собой усилие и взялась за дело.

Она выложила на столе одиннадцать конвертов, адресованных Алану. Все были подписаны круглым женским почерком. На каждом стоял штамп.

Соединенные Штаты Америки.

Четыре письма отправили из Эшленда, штат Кентукки, три – из Эффингема в Иллинойсе, четыре – из Валентайна в Айове.

– Из-за этих писем меня одолевала ужасная тревога, – дрожащим голосом произнесла Лизон. – Их писала женщина. Последняя связь Алана с Америкой... Он так и не рассказал, от кого они. Я умирала от ревности! Накручивала себя, думала, что однажды он вернется на родину из-за женщины, которая его любила.

Алиса слушала не перебивая.

– По сути, я оказалась права. Он признался, что уезжает из-за нее. И не вернулся! Я долго думала почему. Кто она, его американка? А теперь мне страшно узнать правду. – Она издала короткий натужный смешок. – Сейчас мы наконец пойдем, зачем Алана понесло в эту дикую глушь!

Лизон открыла первый конверт, со штампом Эшленда. В правом верхнем углу стояло: *Эшленд, 21 января 1946*. В левом она прочла адрес: *Кентукки, Эшленд, Бичер-стрит, 51б*.

Текст письма начинался словами «Дорогой Алан». Пелена слез не позволила Лизон разобрать следующую строчку. Сейчас она хотела только одного – узнать имя соперницы. Она посмотрела в конец письма.

Послание подписала *Алиса Куин*.

Воскресенье подходило к концу. Часы показывали 23:00. Алиса и Лизон не ужинали. Так и сидели – молча, неподвижно. В тусклом свете однорожковой люстры тени от мебели удлинялись, принимая странные очертания.

Алиса Куин!

Лизон перестала понимать что бы то ни было.

– В чем дело, Лизон? – встревожилась Алиса.

Подруга не ответила. Она хотела сначала прочитать, понять. Должно же быть этому какое-то объяснение...

Лизон быстро пробежала письмо глазами.

Дорогой Алан,

Пишу, чтобы успокоить вас и поблагодарить. Оскар Арлингтон выплатил свой долг, 1 миллион 440 тысяч долларов наличными. Невероятная сумма! Он выглядел смущенным, даже пристыженным. Вынуждена признать, что Оскар проявил некоторую деликатность, хотя внутренний голос твердит: «Лаки погиб из-за него!» Не знаю, не знаю...

Лаки сам поставил на кон свою жизнь. Наверное, я мало его любила... Но теперь слишком поздно. Спасибо, что написали Оскару Арлингтону и напомнили о долге передо мной. Он сам мне об этом сообщил и дал ваш нормандский адрес. Оскар утверждает, что все равно заплатил бы. Не знаю, правда это или подействовали ваши угрозы всем все рассказать. Да это и неважно.

Мне хотелось познакомиться с вами. Понять, как разворачивалась операция в июне 1944-го. Почему в голову Лаки пришла эта безумная идея? Оскар Арлингтон назвал вас другом Лаки. Спасибо, что взяли на себя труд ответить, но если больше не захотите писать, я пойму. Свой долг свидетеля Лаки вы исполнили. Я хотела связаться с вами еще по одной причине. Если возникнет нужда в деньгах, обратитесь ко мне, очень вас прошу. Через несколько недель я уеду из Вашингтона – слишком много здесь тяжелых воспоминаний. Мой новый адрес вы найдете в письме. Сейчас я нуждаюсь в уединении и собираюсь попутешествовать. Не представляю, что буду делать с кучей денег. Может, отложу на потом – вдруг вкус к жизни вернется или появятся дети.

Примите мою вечную благодарность. Мне показалось, что вы счастливы в новой жизни. Ответьте, если захотите рассказать. Надеюсь, нас ждет удача.

Алиса Куин

Лизон выронила листок – словно он обжег ей пальцы.

– Алиса... – с ужасом в голосе прошептала она. – Получается, все эти годы Алану писала ты! Значит, ты не ездила в Австралию? Оскар расплатился с тобой после войны... Почему ты ничего мне не сказала? Зачем потребовала, чтобы Арлингтоны заплатили второй раз?

Алиса вскочила.

– Что за бред? Что ты несешь, Лизон?! – Алиса схватила листок, прочла и подняла глаза на подругу. – Это не мой почерк, сравни это письмо с теми, что я посылала тебе! И я никогда ничего подобного не писала!

Лизон встрепенулась. Слава богу! Конечно, это не Алисин почерк! Она не останется запертой в погребке наедине с кошмарами.

– Какая же я дура, Алиса! Конечно, это совсем другой почерк! Чужой...

– И вовсе ты не дура.

– Еще какая... Но я ничего не понимаю. Что за женщина выдает себя за тебя? Она хочет все забыть, считает Оскара *почти симпатичным*.

– Я не знаю, кто она, но уверена, что объяснение наверняка имеется.

Они достали остальные письма и принялись читать.

Эшленд, 18 марта 1948

Дорогой Алан!

У меня все в порядке, спасибо, что пишете так регулярно. Жизнь у нас в стране перестраивается. Прошло четыре года. У меня уже несколько месяцев новый спутник жизни. Я и не думала, что сумею за такое короткое время забыть. Странно, как быстро все меняется в Америке. Во Франции наверняка тоже. Не думаю, что когда-нибудь вернусь туда, слишком много воспоминаний, и не самых лучших. А у вас как будто все в порядке. Пишите мне.

*С дружеским приветом,
Алиса Куин*

Эффингем, 23 февраля 1950

Дорогой Алан!

Простите, что редко давала о себе знать в последние годы, но время просто летит. Видимо, некоторые ваши письма, адресованные в Эшленд, остались без ответа.

Мы продолжаем путешествовать по США, как вы сами видите по нынешнему адресу. Я поняла, что хочу родить детей, на чем давно настаивает мой друг. А у вас так и не появился наследник, хотя война давно кончилась. Только вы меня с ней и связываете. Но Нормандия так далеко.

*Ваша
Алиса Куин*

Эффингем, 13 марта 1954

Дорогой Алан!

В последнем письме я сообщила, что хочу детей. Сегодня нашему мальчику уже три года! Я посвящаю ему много времени, но это не оправдывает меня за то, что так редко пишу вам. Теперь ваши письма больше не будут теряться.

Жизнь здесь у нас продолжается.

Маленькой сестренке Майкла исполнилось два года, ее зовут Дженни, и она прелесть.

Извините, что пишу коротко и банально, и поверьте, что я чувствую ностальгию, что хрупкая связь между нами очень важна и помогает мне не забывать. Вам тоже?

Алиса Куин

В остальных письмах не оказалось интересных деталей. Последнее было датировано 12 сентября 1963 года.

– Если их писала не ты, – спросила Лизон, – то кто? Что за женщина эта другая Алиса? Кто сумел занять твое место и получить полагающиеся тебе деньги?

Алиса задумалась.

– Нет, невозможно, – наконец сказала она. – У Оскара Арлингтона были мой адрес и фотография. Так написано в договоре. Он обязан был передать деньги лично в руки Алисе Куин! И у меня нет сестры-близнеца! Оскар был не настолько туп, чтобы отдать огромную сумму незнакомке. И вот что очень странно: самозванке во всех деталях известна история с договором.

– Одну тайну это объясняет, – заметила Лизон. – Я спрашиваю себя, почему Алан решил проверить, заплатил ли Оскар Алисе, только в 1964 году. Ты была в Австралии, но он мог связаться с родителями Лаки в Личфилде. Мог, но не сделал этого! Письма все объясняют: Алан искренне верил, что дело сделано, и не знал, что пишешь ему не ты, а самозванка!

– Ну конечно! – воскликнула Алиса. – Разумеется! Я поняла, Лизон! Арлингтон был куда умнее, чем мы думали. В сорок пятом Алан пишет ему, чтобы напомнить о долге и пригрозить скандалом, если он не подчинится. Об этом речь идет в первом письме. Как мог отреагировать Оскар? Он знает, что должен заплатить, иначе Алан его опозорит. Ему могло быть известно, что я исчезла с горизонта, – без следа, но дела это не меняло. В договоре был пункт о родителях Лаки, а они по-прежнему жили в Личфилде, и связаться с ними не составляло труда. Короче, плати – или все узнают, что ты трус. Что мог предпринять Арлингтон? Подкупить свидетелей или устранить их... Ральф Финн – не проблема, он не подавал признаков жизни. Оставался Алан. Он в Нормандии, и его ликвидировать трудно. А подкупить...

– Невозможно! – горячо заверила Лизон.

– Да, и Оскар это знает. Знает и не станет рисковать. Так что же остается? Позволить Алану рассказать все прессе, военным, матери? Не имея новостей от Алисы, Алан наверняка напишет в Личфилд. Придется платить! Альтернатива проста: иди в банк или готовься к скандалу...

Лизон была так захвачена рассуждениями подруги, что даже рот приоткрыла.

– Однако, если хорошо подумать, – продолжила Алиса, – решение у Оскара одно. Одно-единственное! Простая идея, почти без риска. Алан далеко, во Франции, и, судя по всему, останется там надолго, навсегда. Я

испарилась – тоже надолго. Почти все тогда думали, что я забила в какую-нибудь дыру и покончила с собой. Следовательно, достаточно написать Алану письмо от имени Алисы Куин и уверить, что миллион четыреста сорок тысяч долларов выплачены. Текст должен быть составлен ловко, не повредит даже предложить Алану денег. Простое почтовое отправление – и дело в шляпе!

– Ты права, это был бы идеальный выход для Арлингтона. А мой Алан не имел причин сомневаться в подлинности письма.

– Верно. Оскар почти не рисковал – при условии, что Алан останется в Нормандии, а я никогда не всплыву.

– Но Алан мог связаться с родителями Лаки.

– Конечно... Он бы так и поступил, поэтому Оскар продолжал писать Алану. Время от времени. Давал новые адреса, рассказывал новости от имени Алисы Куин.

– И проверял, не уехал ли Алан из Франции.

Лизон чувствовала себя опустошенной, выдохшейся и не понимала, хорошую новость они узнали или плохую. Она встала, чтобы вскипятить воду, спросила, хочет ли Алиса чаю. Боже, как же ее поразило имя в конце письма! На несколько секунд она поверила в бессовестный обман и теперь сгорала со стыда. Хорошо, что у Алисы железная логика.

– Прости меня, – сказала она. – Наговорила глупостей, вообразила бог весть что.

– Ничего, я не обиделась.

Они помолчали.

– Значит, ты думаешь, что эта вторая Алиса – призрак, придуманный Оскаром Арлингтоном? – спросила наконец Лизон. – Переезды с места на место, рождение детей, вся эта жизнь в письмах – миф? Считаешь, Оскар сам их писал?

– Возможно. У него был округлый женский почерк, эксперты-графологи неоднократно подчеркивали это на процессе. Мне легко представить, как он придумывает себе вторую личность. Женскую. Впрочем, автором посланий могла быть и Эмилия Арлингтон. Ник всегда считал, что за ниточки дергает она. Сенаторша достаточно хитра, чтобы придумать подобную многоходовку.

Лизон сделала маленький глоток обжигающего чая.

– Нужно послать одно из писем твоему другу Нику. Под его началом работает куча детективов, они мгновенно все выяснят.

– Хорошая идея.

– Получается, что Алан, прилетев в Штаты, искал в Эшленде, Эффингеме, Валентайне и Блю-Хилл призрака... Все-таки странно. В каждом городке он проводил по несколько дней, хотя у него были точные адреса и имена детей фальшивой Алисы. Если все детали были выдуманы, адреса случайны, а описания местности взяты из энциклопедии, Алан немедленно бы это заметил. И кто-то же получал *его* письма.

– Арлингтоны могущественны. У них наверняка были сообщники, или они использовали адреса пустующих домов.

– Не исключено. А может, кто-то действительно играл твою роль. Подружка Оскара Арлингтона... Его любовница, почему нет! В любом случае – не призрак, а женщина во плоти, имеющая двух детей, жившая в Эшленде, Эффингеме, Валентайне. Иначе к чему придумывать столько деталей? Именно эту женщину, этих детей пытался найти Алан. Ты сама говорила: Алан бродил вокруг школ.

– Этот вариант тоже нельзя исключать... но Оскару было проще все сделать самому.

– Конечно, и все-таки Алан искал конкретного человека! – не сдавалась Лизон. – Искал и нашел – иначе был бы жив! Автор писем обнаружился в Блю-Хилл. Фальшивая Алиса Куин! Алан погиб, потому что узнал правду. Кто поджидал его в конце пути? Оскар Арлингтон?

Лизон одним глотком допила горячий чай и издала короткий нервный смешок.

– Оскар, переодетый в женское платье, совсем как в фильме Хичкока «Психо»! – Лизон глубоко вздохнула. – Алиса...

– Я знаю, Лизон. Ты хочешь пройти по следу Алана.

– Да. Эта тайна – моя. И мстить тоже мне! Тебе знакома дорога от Эшленда до Валентайна, Алиса. Вы с Ником ничего не нашли, но на этот раз все иначе – мы знаем, что ищем. Женщину, супружескую пару с двумя детьми, Майклом и Дженни... И у нас есть точные адреса!

– Я бы тоже хотела снова проделать путь из Эшленда в Валентайн, – сочувственным тоном произнесла Алиса. – Встретиться с моим двойником – той Алисой Куин, какой я бы никогда не могла стать. Счастливой и богатой женщиной, забывшей Лаки, вышедшей замуж и родившей детей. Мне с трудом верится, что подобная женщина могла бы жить на свете!

– Мы пойдем по следам Алана! – Лизон встала, почувствовав прилив вдохновения. – У нас есть все, чем он располагал в шестьдесят четвертом. Одиннадцать писем, три адреса... След в след, поняла?

Лизон мысленно строила планы и вдруг вскинулась:

– Но нам не хватает главного!

Алиса вопросительно посмотрела на подругу.

– Почему Алан внезапно сорвался с места именно в шестьдесят четвертом? Что за открытие он сделал?

– Алан обнаружил подлог, – уверенно заявила Алиса. – Узнал, что двадцать лет ему писала не я. А значит, долг не погашен и нужно вернуться в Америку, чтобы разобраться и все исправить... Только так можно объяснить короткие объявления в газетах. Что, если самозванка допустила оплошность? Выдала себя каким-нибудь противоречием. Алан не получал письма перед самым отъездом?

Лизон покачала головой:

– Нет. Я тысячу раз спрашивала у почтальона, не передавал ли он Алану письмо тайком от меня.

– А за несколько дней до вашего расставания не было неожиданных встреч?

– Ни одной, уж ты мне поверь! Я десять лет прокручиваю те события в голове!

За полночь обе женщины захотели спать, вернее, побыть в одиночестве, каждая в своей комнате. Лизон разложила письма по конвертам и убрала их в папку. Алиса взяла свою фотографию, перевернула, еще раз прочла: *Я буду тебя ждать. Алиса, апрель 1944.*

Ее лицо просветлело.

– Ну конечно... Лизон, я знаю!

– Что знаешь?

– Как Алан все понял! Как узнал, что я не писала этих писем! Почерк на обороте фотографии – мой, вот подпись настоящей Алисы Куин. Достаточно сравнить, чтобы убедиться в подлоге. Взгляни.

Лизон посмотрела.

– Оскар или любой другой человек не мог знать, что у Алана есть образец моего почерка, – начала объяснять Алиса. – Твой возлюбленный ни разу за двадцать лет не сличил почерк в письмах и на обороте фотографии, потому что не имел причин сомневаться. Думаю, он сделал открытие случайно, в очередной раз достав документы, хотя это могло случиться сразу, в сорок шестом, или через десять лет, или через тридцать. Или никогда.

– Он не захотел поговорить со мной, – горестно произнесла Лизон.

– Алан сообразил, что только Арлингтоны были заинтересованы в обмане, он осознал опасность. Потому и решил не вмешивать тебя.

В тот вечер свет в комнатах над музеем горел еще очень долго. Ни Лизон, ни Алиса не спали.

Лизон размышляла о серьезных и одновременно очень простых вещах. Она всю жизнь говорила правду, не боясь последствий, и до сих пор поступала так по отношению к глупому мэру – своему отцу. Почему мужчины вечно все усложняют и врут? Боятся, что их не поймут или сочтут смешными?

Как может отец доверять тупицам-избирателям?

Что за комплекс заставлял Оскара Арлингтона думать, что мать не простит ему трусости во время войны?

Почему Алан так мало ей доверял?

Жизнь могла бы быть такой простой...

49

Прощальный кофе

2 ноября 1975

Кафе «Завоеватель», Шато-ле-Дьябль

Над Шато-ле-Дьябль занималось ясное утро, туман растаял. Засидевшиеся посетители бара не могли больше сваливать нежелание заняться делами на холод или дождь. Алиса и Лизон сидели за столиком у окна и пили кофе.

– Так когда точно вы уезжаете, дамы? – спросил Учитель.

– Через неделю, – ответила Алиса. – Десятого ноября.

– Какие вы, однако, стремительные. Разумно ли срываться с места из-за одиннадцати пожелтевших писем?

– Разумно ли? – воскликнул Шавантре и так стукнул кулаком по столу, что едва не опрокинул пепельницу. – Да у этих умалишенок и слова такого в словаре нет!

– Мы телеграфировали Нику Хорнетту, нашему детективу, – сказала Алиса. – Держим его в курсе. Сообщили маршрут. Он, кстати, знает его лучше меня и присоединится, как только сможет.

– Сами видите, мы очень разумны! – вмешалась Лизон.

– Вы две безумные идиотки, – буркнул Шавантре. – Зачем ворошить прошлое? Неужели так трудно забыть все раз и навсегда?

– Да! – хором ответили они и рассмеялись.

– Нельзя и несчастье превращать в привилегию! – возмутился

Шавантре. – Не только у вас есть повод лить слезы. А если глаза у человека такие же прекрасные, как у вас обеих, нужно однажды перекрывать кран!

Умалишетки только улыбнулись, чего и добивался Шавантре.

– Мы тут дни напролет болтаем всякие глупости, но жизнь и нас не пощадила. Каждый поимел свою долю несчастий!

– Это не значит, что можно по утрам *утешаться* кальвадосом, – съязвил Фернан Приер, – хотя почему бы и нет...

– Ты чертовски прав, – подтвердил Рене. – Мое кафе выполняет общественную миссию! В этом убогом мире я помогаю людям забывать о бедах. Как городской психиатр! Мне должны платить пособие!

– В ваших словах есть доля правоты, Рене, – прокомментировал Учитель. – Уровень самоубийств выше всего в сельской местности. Чаще всего это делают в лесополосах. Специалисты объясняют феномен отчужденностью.

– Рад, что вы это сказали, Учитель, – просиял Рене. – Могу назвать многих парней, повесившихся в своих собственных амбарах! И все жили в местах, где не было ни кафе, ни бара. А в Шато-ле-Дьябль висельники не водятся.

– Ни одного! – возбужденно подтвердил Шавантре. – Скоро страховщики будут оплачивать каждый стаканчик кальвадоса!

Лизон и Алиса снова улыбнулись. Им будет не хватать болтовни этих нормандских остряков.

– Сегодня утром меня от вас в дрожь бросает, – пожаловался Сися.

– С чего бы это? Расстраиваешься, что уезжают две красивые женщины? – поинтересовался Шавантре.

– Ему все равно, – вмешался Фернан. – Наш Сися предпочитает голландок, которые купаются голяком на пляже Черных Коров!

Сися побагровел. Об этом пляже не принято было говорить. На него распространялось табу, а дружки все растрепали, да еще при Лизон. Мерзавцы! Как она будет вспоминать его в Америке?

Сися сделал неловкую попытку реабилитироваться:

– Я там купался задолго до всяких голландок.

– И потом, голландки – товар сезонный, как арбузы, – внес свою лепту в разговор Фернан. – По осени их почти не бывает.

– Ну да, все бегут... – Рене покачал головой. – Первыми это делают женщины. Голландки – летом. Американки – осенью. Этой зимой я тоже «спрячу ключ под крыльцом». Все, конец! В Шато-ле-Дьябль оставались лишь бар да музей. Музей закрывается! Мне незачем торчать тут одному.

Фернан говорит по-английски

3 ноября 1975

Тайсонс-Корнер, штат Вирджиния

Со спины ее можно было принять за мужчину: рубаха в крупную красную клетку, узкие джинсы, высокие кожаные сапоги, кряжистое тело, сложенные за спиной руки сжимают стек. Поза неподвижная, как у статуи.

Да, Эмилия Арлингтон напоминала мужчину, но ей было все равно, что о ней говорят. Она и прежде, идя на заседание, почти не красилась, а теперь, оставив политику и переехав на свое ранчо Тайсонс-Корнер в Вирджинии, жила среди слуг, которых помнила детьми.

Плывать она хотела на свой внешний вид! Важен лишь Теннесси, гнедой чистокровный жеребец, его сейчас готовят к скачкам в Ричмонде, которые состоятся через четыре месяца. И жеребец будет к ним готов! Случившийся в начале сентября вывих лодыжки остался дурным воспоминанием, а потому нужно много работать, тренироваться утром и после обеда, несмотря на все возражения талантливого, но упрямого до тупости жокея Рода Кинли, который утверждает, что Теннесси необходимо щадить.

Щадить! Это за несколько-то недель до Гран-при. Стоит ей отвернуться, и этот кретин так и поступит. Но она не отвернется.

– Миссис Арлингтон, телефон! – крикнул молодой Дэвис. – Телефон! Миссис Арлингтон!

– Я слышу! – откликнулась отставная сенаторша. Она неохотно отвела взгляд от манежа, грозно посмотрела на Рода Кинли, как преподаватель, которому потребовалось отлучиться из аудитории во время лекции, вошла в дом и сняла трубку. – Слушаю...

– Это Фернан. Фернан Приер. Ну, помните, Фернан из Шато-ле-Дьябль. Я должен был вас предупредить. Вы сказали, вдруг что произойдет...

– Ну и?..

– Лизон Мюнье и Алиса Куин собирают чемоданы и летят в Америку! Они нашли старые бумаги... Кажется, что-то важное.

Фернан в деталях рассказал все, что знал о содержимом папки, обнаруженной в старом железном ящике, назвал даты, адреса и добавил:

– Дамы все оставили в деревне на случай, если...

– Благодарю, господин Приер, вы хорошо поработали. Полученные от

вас сведения полностью подтверждают мое видение этой истории.

Она замолчала, и Фернан испугался, что американка повесила трубку.

– Мадам!

– Да?

– А как насчет... ну... вы понимаете?..

– Что я должна понимать?

Миссис Арлингтон говорила безжалостным тоном, который нагонял страх на всех ее подручных, но достоинства при этом не утрачивала.

– Насчет чека...

– Вы о своих чаевых?

– Ага...

– Разве мы не договорились?

– Вообще-то да...

– Что-то изменилось?

– Да вроде нет...

– Тогда я не понимаю, зачем напоминать мне об этом. Вы все получите, как было условлено. Хотите еще что-то сказать?

– Э-э-э... Нет.

– Вы оказали мне бесценную помощь, господин Приер. Будет еще информация, не стесняйтесь, звоните.

– Конечно... Спасибо, миссис Арлингтон. До свидания.

Телеграмма от Ника пришла с опозданием. Шавантре получил ее на следующий после отъезда Лизон и Алисы день. Сыщик выражал восторг по поводу обнаружения злосчастных договоров, сообщал, что занят делом неких центрально-африканских князьков, сложным, но обещающим хороший гонорар. Он постарается закончить как можно скорее и присоединится к женщинам на полпути между Эшлендом и Валентайном. В конце Хорнетт пошутил: «Дорогу, конечно же, не забыл, все тело ее помнит и заранее трясется от страха!»

Апартаменты в отеле «Рамада Инн»*11 ноября 1975**Вашингтон*

Лизон считанные разы покидала Нормандию, о чем и сообщила Алисе в самолете. Раз или два она ездила в Париж, ну и конечно, совершила паломничество в Лурд. Лизон не отправилась в Америку на поиски Алана не только из-за недостатка средств, но и потому что боялась неизвестности. Что она знала в жизни? Только Шато-ле-Дьябль с горсткой домов, где была королевой. В любом другом месте Лизон чувствовала себя маленькой потерявшейся девочкой.

Поздним вечером самолет приземлился в Вашингтонском национальном аэропорту, по соседству с Пентагоном. Лизон не увидела ничего, кроме ярких огней, неприязненного взгляда таможенника и широченной улицы с бесконечным потоком автомобилей, мчащихся в разные стороны. Алиса небрежно махнула рукой и остановила такси. Темнокожий водитель поставил вещи в багажник и быстро домчал их до гостиницы. На фасаде горели красные неоновые буквы: «Рамада Инн». Усатые коридорные в бордовых костюмах показались Лизон слишком уж улыбчивыми и потому подозрительными, она почему-то решила, что это пуэрториканцы. «В чем ты подозреваешь незнакомых людей? Забыла, как злилась на отца, который терпеть не мог цыган и, стоило табору показаться на краю деревни, готов был сразу обвинить их во всех смертных грехах?!» Строгое внушение не подействовало, ощущение неуверенности никуда не делось. В коридорах гостиницы лежали ковровые дорожки цвета фуксии, лифт был отделан роскошно, но наверх полз еле-еле.

Маленький ключ от номера крепился к массивному каучуковому брелочку с железной окантовкой. Номер оказался трехкомнатными апартаментами с тремя кроватями, тремя телевизорами, тремя мини-барами и кухней.

– Он огромный, Алиса! – воскликнула Лизон.

– Здесь все такое, – ответила подруга. – Гигантомания бодрит американцев. Гостиничные номера – не исключение. Когда принесут завтрак, увидишь размеры кофейных чашек, изумишься толщине газет. Жители этой страны вечно боятся, что им будет мало, и не могут

остановиться. Успокаиваются, только соря деньгами. Увидишь завтра: машины, дома, улицы – все огромное. И люди толстые!

Лизон мгновенно уснула на кровати, которая в ширину была больше, чем в длину. Разница во времени и волнение сделали свое дело.

На следующее утро, открыв глаза, она обнаружила, что Алиса стоит рядом полностью одетая и улыбается.

– Отдыхай, – сказала Алиса. – Для моей маленькой нормандки путешествие оказалось слишком утомительным. А я прогуляюсь, возьму напрокат машину, куплю карту и сниму деньги. Много времени это не займет. Заказать тебе завтрак? Во Франции уже далеко за полдень!

Лизон кивнула. Потянулась на роскошном ложе и подумала, что путешествия и американский комфорт ей начинают нравиться. Она входит во вкус.

Алиса ушла, а пять минут спустя в дверь постучали. Лизон решила, что принесли еду, ринулась к чемодану, выхватила из кучи вещей пеньюар, надела его и застегнула все пуговицы. Не хватало еще, чтобы усатый пуэрториканец с пронзительным взглядом решил, будто она с ним кокетничает.

– Сейчас, подождите минутку!

Эту фразу она произнесла по-английски и восхитилась своим нахальством. Слова, выученные за годы жизни с Аланом, как по волшебству всплыли в памяти.

Она открыла дверь.

Это оказался не официант. На пороге стояла строгая пожилая дама с волосами, стянутыми в высокий пучок. Несмотря на возраст, держалась она очень прямо.

– Лизон Мюнье?

– Да...

– Я Эмилия Арлингтон. Мне необходимо с вами поговорить.

У Лизон закружилась голова. Она жестом пригласила посетительницу войти.

– Думаю, вам нужна моя подруга, но она вернется не скоро.

– Нет, я хотела встретиться с вами, без свидетелей, и специально ждала на улице, когда уйдет Алиса Куин.

– Но... – Лизон внезапно испугалась. – Как вы узнали, что мы остановились в этой гостинице? Мы прилетели сегодня ночью.

– Я люблю быть в курсе. Привычка политика. Не бойтесь, я хочу только поговорить. Можно присесть?

Лизон смотрела на незваную гостью с недоверием, а та опустилась на стул, не дожидаясь приглашения. Лизон пыталась собраться, чтобы противостоять напору экс-сенаторши. В дверь снова постучали – на сей раз это был завтрак, действительно обильный, как и обещала Алиса, а официант вовсе не выглядел подозрительным.

– Что вам нужно? – спросила Лизон, надеясь, что голос не дрожит.

– Просто выслушайте меня. Я расскажу *мою версию* уже известной вам истории.

Лизон нервно закружила по номеру.

– Я предпочитаю дождаться возвращения Алисы.

– Выслушайте меня, маленькая дурочка! – раздраженно воскликнула Эмилия Арлингтон. – Мне за восемьдесят, бояться вам нечего. И перестаньте вести себя как все, не верьте Алисе Куин. Да сядьте же наконец! И не тряситесь! Ешьте ваш завтрак, если хотите, но слушайте внимательно.

Такой мне и описывали эту женщину, с тоской подумала Лизон, села и налила себе кофе в большую чашку.

Миссис Арлингтон достала из сумки листок бумаги. Копию банковской выписки.

– Обратите внимание на одиннадцатую строку в колонке расходов. Что вы видите, мадемуазель Мюнье? Снято: один миллион четыреста сорок тысяч долларов, наличными. Дата: 10 января 1946 года. Владелец счета: Оскар Арлингтон.

– Ну и что?

– А то, что Оскар расплатился с долгом в сорок шестом году! Мой сын отдал Алисе Куин миллион четыреста сорок тысяч долларов.

– Надеетесь убедить меня при помощи клочка бумаги?

– Ознакомьтесь с оригиналом можете в «Северном Кэпитал Банке». И не только с ним, но и со всеми операциями нашей семьи за семьдесят лет. Сотня лицензированных банковских служащих смогут их подтвердить.

Лизон не желала слушать эту женщину, ее доводы. Алиса предупреждала: Эмилия Арлингтон всемогуща, ни одно ее слово нельзя принимать на веру.

– В вашей истории кое-что не сходится, миссис Арлингтон. Как объяснить случившееся с вашим сыном в шестьдесят четвертом, если он все урегулировал с Алисой?

Старая женщина усмехнулась: рыбка на крючке!

– Сами поймете, если дадите себе труд подумать.

Эмилия Арлингтон последовательно, пункт за пунктом, изложила свою версию событий – второй раз, первым ее услышал Робин Легри десять лет назад, сразу после суда. Сомнения насчет пребывания Алисы в Австралии, идея заставить Арлингтонов заплатить еще раз, умение загипнотизировать, очаровать окружающих, хитрые уловки, позволяющие перетянуть всех свидетелей на свою сторону, и, наконец, кодекс чести семьи Арлингтон, не позволяющий открыть правду о подстроенном убийстве Оскара. Об Алане Ву не было сказано ни слова.

– Я знаю, что мой сын не покончил с собой.

Лизон очень нервничала, но пыталась рассуждать логически:

– Намекаете, что вашего сына убила Алиса? Это просто смешно!

– Почему вы не верите, что она могла решиться на подобное? Думаете, она недостаточно сильно его ненавидела?

– Вы выставляете Алису Куин жадной до денег стервой, считаете, что она за пятнадцать лет все промотала и захотела получить еще столько же? Ужасно глупо с вашей стороны! Мы живем вместе десять лет. Она почти ничего не тратит на себя, а ее деньги помогают людям. Алиса и не думает изображать скорбящую вдову, она до сих пор помнит и любит Лаки.

Миссис Арлингтон задумалась, потом сказала:

– Возможно, вы правы и она заставила нашу семью платить исключительно из ненависти.

– Зачем было ждать двадцать лет? Алисе плевать на богатство, вам тоже.

Сенаторша торжествующе улыбнулась.

– Не исключено, что сначала Алиса не замышляла ничего, кроме шантажа, для того и громоздила одну ложь на другую. Она могла даже считать себя вправе поступать подобным образом, рассуждая так: «Разве смерть Лаки не стоит больше, чем миллион четыреста сорок тысяч? Пусть богачи заплатят, Оскар остался жив благодаря Лаки, пусть поделится деньгами с его вдовой». Дело зашло дальше, чем планировала Алиса. Она встретила с моим сыном, а он отказался платить по второму разу. Образовался замкнутый круг. Несколько раз она чудом избежала смерти, вовлекла в эту историю людей, которых любила, но никто не смеет безнаказанно нападать на Арлингтонов! Быть может, ваша подруга осознала, что оскорбила, запачкала память Лаки Мэрри, что ненависть завела ее слишком далеко. Алиса – не легкомысленная дурочка, потому и не тратит деньги на пустяки. Но печаль этой женщины – маска!

Лизон почувствовала, что почва уходит у нее из-под ног.

– Я провела собственное расследование. И Алиса вовсе не та идеальная

женщина, какой пытается себя выставить.

– Вам не все известно! – выкрикнула Лизон, в отчаянии цепляясь за то, что считалось секретом. – Две недели назад, в Нормандии, мы нашли еще доказательства. Два экземпляра договора. И письма!

– И что же в этих письмах? – невозмутимо спросила миссис Арлингтон.

– Ну...

Лизон вдруг показалось, что сенаторша все знает. Но откуда? Она почувствовала себя загнанной в угол. И зачем только Алиса оставила ее одну?

– Ну так что же? Письма подтверждают мои выводы, так? В них наверняка черным по белому написано, что мой сын погасил долг после войны. И кем письма подписаны?

Она знает! Эта женщина – дьявол.

– Алисой Куин, – прошептала Лизон. – Но...

Бедняжка вовсе не отрекалась от подруги. Старая ведьма знает, следовательно, она и есть автор фальшивок.

– ...написаны они не почерком Алисы! Может, их посылал ваш сын, иначе откуда бы вам знать?

– Все секреты продаются, милочка, их можно купить даже на расстоянии. И все же не забывайте – мой сын заплатил в сорок шестом. Позвоните в банк, если до сих пор сомневаетесь. И скажите, почему вы считаете письма подделкой? Вам не приходило в голову, что почерк изменен не в письмах к Алану, а в тех, что вы получали от Алисы через двадцать лет после войны, – в письмах, призванных убедить вас в том, что с Аланом переписывалась самозванка. Вы уверены, что знаете, какой почерк подлинный?

– Да! – выкрикнула Лизон. – В письмах, которые получала я, почерк тот же, которым Алиса надписала свою фотографию для Лаки. Он отдал ее Алану вместе с договором в сорок четвертом, еще до всей этой истории!

Нет, Эмилия Арлингтон не загонит ее в угол.

– Вы повторяете аргументы, которые внушила вам Алиса. Но пораскиньте мозгами! Вы живете вместе уже десять лет. У нее было время подстроить чудесное обнаружение бумаг.

– Зачем Алисе весь этот спектакль? Через десять лет...

– Ради экземпляров договора, разумеется. Пока их никто не видел, дело нельзя было считать закрытым. Ваша мисс Куин прекрасно знала, что мои детективы продолжают копать.

Лизон хотела бы заткнуть уши. Позвонить, чтобы примчался пуэрториканец и вышвырнул дьяволицу.

– Вам не кажется странным, что Алан не взял с собой документы? – не сдавалась миссис Арлингтон.

Да, это было странно, но Лизон считала, что Алан боялся рисковать.

– Все дело в том, что он не оставлял папку, иначе вы бы ее нашли. Она была при нем в Америке, и это уже здесь кто-то забрал ее у Алана, привез в Нормандию и ловко подсунул вам.

Пусть она замолчит! – взмолилась Лизон.

– И этот кто-то – убийца Алана. Кто он? Или она? Кто, кроме Алисы, мог повернуть подобное? Кто, кроме нее, мог убить Алана?

Ну где же Алиса? Она должна быть здесь, защищаться, доказывать, что все это клевета. Наверняка есть другое, логичное, объяснение.

– Почему, по-вашему, Алан вернулся в Америку? – спросила Эмилия Арлингтон.

– Из-за надписи на снимке, – механически ответила Лизон. – Почерк на фото отличался от почерка в письмах.

– И Алан вдруг заметил это через двадцать лет? Любопытно! В тот самый момент, когда Алиса Куин приступила к осуществлению своего плана. Нет, все гораздо проще. Только мой сын и Алан Ву знали, что долг погашен, а значит, Ву следовало заткнуться или... исчезнуть. Под каким-то предлогом Алиса выманила его в Соединенные Штаты. Телефонный звонок, телеграмма. Она могла предложить ему поучаствовать в афере, он отказался стать сообщником, не захотел держать рот на замке. И она его устранила.

Лизон собрала остатки сил и бросилась в бой:

– Это *ваш* сын ночевал в отеле в тот день, когда Алана сбила машина в нескольких милях от Блю-Хилл! А оказался он там из-за объявлений, в которых говорилось: «Арлингтон не заплатил...»

– Вы зря считаете Оскара дураком, – возразила мучительница. – Убил Алана, но в Вашингтон не вернулся, а заночевал в гостинице, так, что ли? Полная чушь.

– Он зарегистрировался под чужим именем!

– В Блю-Хилл всего пять отелей, так что Оскара обязательно вычислили бы. Моего сына заманили туда, чтобы сделать козлом отпущения.

– А объявления?

– Я проверила – все они пришли в газеты по почте. Их мог составить любой. Знаете, выставить человека чудовищем совсем не трудно, если все заранее уверены в его виновности.

Лизон услышала шаги в коридоре и на секунду понадеялась, что

возвращается Алиса, но человек прошел мимо, открылась и захлопнулась дверь соседнего номера.

– А грузовик, сбивший Ника Хорнетта? А взорванная квартира Алисы? Еще один ее *спектакль*?

– Нет. – Эмилия Арлингтон оскалилась. – Нет. Алиса не оставила мне выбора, она знала, что я буду молчать. Но эта женщина убила моего сына! Что ею двигало, ненависть или алчность, не знаю, но она его убила. Я должна была защитить честь Арлингтонов. Должна была отомстить.

– Убирайтесь! – взорвалась Лизон. – Я вам не верю!

– Задумайтесь, мадемуазель Мюнье, дайте себе труд. Только моя версия объясняет все. Я понимаю, как вам трудно, но попытайтесь осознать – ваша подруга убила человека, которого вы любили.

Эмилия Арлингтон протянула Лизон банковскую выписку:

– Оставляю вам этот документ, изучите его. Когда у вас не останется сомнений, придется смириться со всем остальным.

– Уходите!

– И последнее, мадемуазель Мюнье. Я вам верю. Вы ни в чем не виноваты. Возвращайтесь в Нормандию. Я твердо намерена уничтожить эту гадину Алису Куин. И устраню всех, кто попытается мне помешать. Против вас я ничего не имею, но советую понять наконец, кто ваш настоящий враг.

Лизон схватила счет, смяла его в комок и произнесла срывающимся голосом:

– Оставьте меня в покое!

– Подумайте. Спокойно подумайте. Как поступила я сама. И придете к такому же выводу. Манипуляция, опасная манипуляция. Ладно, ладно, ухожу...

Алиса вернулась через сорок пять минут и застала подругу неодетой, сидящей в кресле перед телевизором.

– Глядите-ка, – весело воскликнула она, – наша француженка быстро переняла американский стиль жизни. С утра пораньше смотришь тупое шоу! И к завтраку не притронулась. Скоро полдень, а ты все еще в халате...

Она вдруг заметила бледность Лизон.

– Бедная моя, никак не перестроишься? Если хочешь, остановимся у аптеки. Машину я арендовала, после обеда можем стартовать в Эшленд. Надеюсь, проблем не возникнет, хоть права я получила во Франции, а здесь никогда за руль не садилась. Ты меня не слушаешь, Лизон?

Алиса подошла ближе, наступила на бумажный шарик и наклонилась, но поднять его не успела.

– Не трогай! – отчаянно вскрикнула Лизон, схватила смятый листок и сунула в карман. Потом, не говоря ни слова, ушла в ванную, включила душ и долго плакала.

Лора Стерн*12 ноября 1975**Эшленд – Валентайн*

Алиса вела «форд-флитвуд», чувствуя радостное возбуждение. Ей стоило огромного труда найти этот коллекционный автомобиль, но у нее получилось.

Она вспоминала, как десять лет назад они с Ником ехали по этой дороге, и на каждом перекрестке рассказывала Лизон что-нибудь смешное: «Здесь мы никак не могли обогнать парня, который тащился как черепаха, а тут радио затрещало, захрипело, просто ужас!»

Лизон не отвечала. Вела себя как сомнамбула. Она промолчала о визите Эмили Арлингтон и теперь чувствовала себя предательницей. Мысли путались, она все глубже увязала в зыбучих песках отчуждения.

Алиса убила Алана.

Это невозможно, нелепо! Лизон пыталась убедить себя, что старуха оклеветала подругу, а если и нет, она ничего не хочет знать, предпочитает ложь правде. Господи, нет, что за глупости, Алиса ни в чем не виновата! Так почему бы не рассказать ей все?

Потому что...

Лизон чувствовала себя бесконечно одинокой в этой огромной машине, так далеко от Шато-ле-Дьябль и друзей – настоящих, тех, кого знала всю жизнь. Америка принесла ей только горе, отобрала тех, кого она любила. Алана, а теперь и Алису... Отец был прав – ей не следовало покидать родную деревню. Прекрасных принцев не выносит прибоем на побережье Нормандии! Приключения не для нее. Лучше бы вышла замуж за Сисю – он об этом всегда мечтал! Завели бы детей, прожили всю жизнь вместе и умерли в один день.

Смерть...

Эмилия Арлингтон где-то рядом. Она убьет их – раньше или позже. Тогда все закончится и наступит покой.

Пусть взорвет эту машину на пустынном шоссе, пусть все случится мгновенно, чтобы они не мучились. Чтобы больше не думать, кто друг, а кто предатель. Убей нас! Убей меня первой, если хочешь.

– Лизон, ты нашла на карте Эшленда Бичер-стрит? – Не дождавшись

ответа, Алиса забеспокоилась: – Лизон! Лизон, ты меня не слушаешь?

– Конечно... – тусклым голосом отозвалась подруга.

– Очень похоже, что ты болеешь. С самого приезда с тобой что-то не так. Плохая из тебя путешественница. Придется заглянуть в аптеку, а может, и к врачу.

– Не стоит, я в порядке.

Некогда скромный Эшленд теперь стоял на пересечении автомагистралей, став деловым центром из стекла и бетона. Но Бичер-стрит находилась на окраине. Дверь дома № 51б открыл небритый молодой мужчина с младенцем на руках.

– Как вы сказали? Куин? Нет, я ее не знаю, никогда не слышал.

– Она жила здесь с сорок шестого по пятидесятый, – сказала Алиса.

Парень присвистнул.

– Тогда понятно. Мы тут всего три года. Вам нужно обратиться к нотариусу, он теперь живет в Мэрридже, это соседний городок. У него милая секретарша, она в курсе всех его дел.

Алиса легко отыскала Мэрридж и контору местного нотариуса. Секретарша приняла их очень любезно.

– Сейчас посмотрим, – сказала она, выслушав Алису. – Итак, вас интересует, кто тогда жил в доме № 51б? Давно это было, но мы храним все сведения, ничего не уничтожаем.

Девушка поднялась на стремянку и сняла с верхней полки картонную коробку. Открыла крышку и достала папку, где лежал одинокий листок бумаги.

– Посмотрим... Сорок шестой год. Есть! Лора Стерн. Домохозяйка. Родилась двадцать пятого апреля тысяча девятьсот двадцать шестого. Прожила по этому адресу четыре года. Других сведений не имеется.

– Ничего о муже? – спросила Алиса.

– Нет, мы записываем только данные арендатора, который платит за дом. Были ли у нее муж и дети, сказать не могу.

Они побродили по Эшленду, но ничего полезного не узнали. Другой город, другие люди.

Они вернулись в центр, зашли в маленький сквер, находившийся по соседству с Музеем сельскохозяйственной техники.

– Он еще старомоднее нашего Музея Штурма! – надеясь расшевелить Лизон, сказала Алиса. – Мы идем по следам Алана. Десять лет назад он

тоже узнал адрес, побывал у нотариуса и выяснил имя – Лора Стерн. Кто она такая, эта Лора? Призрак? Нет. Призраки не вносят арендную плату за дом целых четыре года. На следующем этапе мы наверняка выясним много больше. Едем в Эффингем!

Лизон промолчала.

– Разница во времени ни при чем, милая, верно? Что происходит? Ты ведь хотела, чтобы мы занялись расследованием.

– Ничего со мной не происходит, – тихо сказала Лизон. – Я с тобой. Просто у меня меньше опыта в подобных делах. И места эти ты знаешь... Кажется, очень хорошо знаешь.

– Пожалуй, – ответила удивленная Алиса. – Но вообще-то не так уж и хорошо. Мы с Ником тратили на каждый этап не больше нескольких часов.

Переночевав в том же отеле, где Алиса с Ником останавливались десять лет назад (фасад здания недавно покрасили, управляющий тоже был новый), они выехали рано и засветло оказались в Эффингеме, таком же пустынным, как прежде. Статуя генерала Линфорда все так же охраняла покой главной площади.

В доме № 18 по Хайвуд-стрит давно никто не жил, о чем свидетельствовали выбитые стекла и заросший палисадник. Алиса рискнула зайти во двор.

– Посмотрю поближе, мало ли что.

Лизон осталась на тротуаре. Второй день она жила как в аду, помимо своей воли все время наблюдая за подругой. А вдруг это она писала Алану? Что, если Алиса и Лора Стерн – одно и то же лицо? Ведет себя так, словно впервые попала в здешние места, но вдруг прикидывается? Вот что она бродит вокруг этого заброшенного дома? Может, только изображает интерес, а сама испытывает ностальгию? Лизон злилась на себя, понимала, что ведет себя недостойно, – и продолжала подмечать детали и толковать их. Недавно, на перекрестке, Алиса автоматически повернула направо, чтобы попасть на Хайвуд-стрит. А почему не налево, откуда она знает дорогу?

Лизон устыдилась и начала корить себя: какая разница, куда повернула Алиса, хотела бы что-то скрыть, притворилась бы, что заблудилась. Лизон чувствовала, что сходит с ума, и едва не крикнула: «Лора!» – проверить, не обернется ли Алиса.

В саду не нашлось ничего интересного, и они пошли назад по длинной, застроенной кирпичными домами улице к площади Генерала Линфорда. Алиса решила навестить старушку, с которой разговаривала десять лет

назад, но их встретила запертая на большой навесной замок дверь.

На другой стороне улицы стукнули ставни, и Алиса с Лизон обернулись.

В окне появился мужчина лет семидесяти и удивленно уставился на них.

– Что вы хотите? – спросил он, надевая очки. – О, я вас помню, вы тут уже были.

У Лизон бешено заколотилось сердце. Алиса молчала.

– Десять лет назад вы приходили с мужчиной, так? У меня прекрасная память! Я днями сижу у окна, с тех пор как меня спровадили на пенсию. В пятьдесят лет, представляете! Вы снова приехали к Моне?

– Да... Если она живет в этом доме.

– Жила, – поправил старик. – Бедняжка умерла три года назад.

– Как жаль.

– Еще как жаль. Грустно видеть закрытые ставни, если в окне полвека мелькала соседка. Все ее звали Моной – за загадочную улыбку. А что у вас к ней за дело?

– Мы ищем кого-нибудь, кто жил здесь лет двадцать пять назад...

– Уже нашли! Я прожил тут всю жизнь. Дети уехали на юг, жена перебралась в большой город, но я держался, как генерал в осажденной крепости.

Алиса объяснила, что они ищут Лору Стерн, которая жила в Эффингеме между 1950-м и 1958-м, с двумя детьми.

– Трудно сказать, – задумчиво произнес мужчина. – В пятьдесят седьмом, до закрытия кожевенного завода – хозяева, чертовы ублюдки! – здесь было в три, а то и в четыре раза больше народу. Люди приезжали, уезжали. Говорите, маленький ребенок? Вам нужно поговорить с Дженнифер Торинг. Сошлитесь на меня. Дженнифер всю жизнь проработала учительницей. Живет она совсем рядом, в маленьком домике между складскими ангарами с какой-то химической отравой. Не захотела переселяться. Раньше ее дом стоял в полях, а теперь мимо проносится тысяча грузовиков в день! Но протестовать некому, из жителей остались одни старики.

Четверть часа спустя Алиса и Лизон брели по пыльной дороге и вскоре увидели маленький, почти кукольный домик с яркими ставнями, цветастыми шторами и сохнувшим на веревке бельем.

– Входите же, входите поскорее, – позвала с порога мисс Торинг. – Внутри намного тише.

Алиса в очередной раз изложила цель их приезда.

– Лора Стерн? – переспросила бывшая учительница. – Мальчик родился в пятьдесят первом? Сейчас посмотрю.

Она поднялась по скрипучей лестнице на второй этаж и вскоре вернулась с классным журналом красного цвета.

– Это за пятьдесят седьмой год, – пояснила учительница. – Так вас интересует Стерн? Да, вот он. Майкл Стерн, шесть лет...

К последней странице скотчем был приклеен большой коричневый конверт с групповой фотографией.

– Обычно я подписывала на обороте имена всех детей. На имена-то у меня память не очень, а вот лица я всегда хорошо запоминала. Кажется, вот Майкл Стерн. На снимке не видно, но он был рыжим. Обычный мальчик, спокойный, довольно способный. У его матери тоже были рыжие волосы. Верно?

– Я не знаю, – ответила Алиса.

– Красивая женщина, насколько я помню, стройная. Лица не опишу, но она была хороша. Немного похожа на вас... – Учительница посмотрела на Алису. – Мои коллеги-мужчины на нее засматривались, когда она забирала сына после уроков, но у нее имелся спутник жизни, я помню.

– Мы продвигаемся, Лизон, продвигаемся! – Алисе хотелось подбодрить подругу. – Рыжеволосые мать и сын... Ты спишь?

– Нет-нет, я слушаю.

– Когда мы с Ником ехали в Валентайн, я всю дорогу спала. Подумать только – Лора Стерн, женщина из плоти и крови. Она и не думала прятаться. Может, была любовницей Оскара Арлингтона? Боже, да что с тобой такое? – Алиса съехала на обочину. – Объясни наконец, в чем дело, Лизон! Ты сама не своя с тех пор, как мы прилетели, и как будто что-то скрываешь от меня. Словно тебя что-то гложет!

– Надеюсь, ты не переворачиваешь все с ног на голову... – едва слышно пробормотала Лизон, уткнувшись лбом в стекло.

– Что ты там бормочешь? Мы проехали почти тысячу миль, дело движется, а ты в прострации!

Лизон выпрямилась. Она была на грани нервного срыва и не сводила глаз с ночных бабочек, разбивающихся о лобовое стекло.

– Что ты ищешь, Алиса?

– То есть как – что я ищу?!

– Зачем ты гонишься за этой рыжеволосой женщиной? Минуту тридцать лет, все давно в прошлом. Дело в деньгах? Но у тебя они есть.

Месть? Ненависть? Я не понимаю.

– Что происходит, Лизон? Это ведь твоя идея. Ты захотела отправиться в Америку. Ради Алана...

Лизон чувствовала себя мотыльком, летящим на гибельный свет.

– Алиса, у тебя были друзья в Австралии? Почему ты никогда о них не рассказываешь? У тебя осталась с ними связь? Ты ведь жила там дольше, чем в Нормандии.

Алису удивил внезапный напор, но она обрадовалась, что подруга ожила.

– В Австралии я вела очень одинокую жизнь, Лизон. Постоянно переезжала с места на место, скрывалась, как только переставала быть невидимкой, когда торговцы начинали со мной здороваться, соседи задавали вопросы, коллеги зазывали в гости. Я хотела исчезнуть, из-за Лаки. Понадобилось много лет, чтобы я вернулась к жизни.

– Получается, в Австралии тебя никто толком не знает?

– Нет... – Алиса улыбнулась. – Для австралийцев я такая же загадка, как Лора Стерн для нас с тобой.

Лизон снова прижалась к стеклу мокрой от слез щекой.

– Если не хочешь разговаривать – не беда, дорогая. Поспи. Поверь, мы выйдем на след. Женщина с двумя детьми не может исчезнуть. Ты выглядишь такой потерянной без своей любимой Нормандии. Все эти годы во Франции ты поддерживала меня. Заставляла встречаться с твоими друзьями, ходить в бар, гулять в ландах. Без тебя я бы давно превратилась в безумную старую деву. Теперь моя очередь, доверься мне, Лизон.

Смотри не потеряй меня... – подумала Лизон.

«Форд» тронулся с места.

Она и правда чувствовала себя четырехлетней девочкой, которую мать впервые привела в детский сад, велела дать руку незнакомой женщине и ушла. Зачем она тут? Почему ее бросили?

Часа два они ехали молча, потом Алиса сказала, что очень устала, они остановились в первом же мотеле, а с рассветом снова тронулись в путь и были в Валентайне еще до полудня. Городок совсем не напоминал уютный туристический уголок из воспоминаний Алисы. Сикоморы с голыми ветвями уныло отражались в озере. Солнце не соизволило появиться на небе и просушить воздух. Наверное, Алиса была необъективна, но это место ассоциировалось у нее исключительно с грузовиком-убийцей.

Молодая учительница мисс Генри очень хотела помочь им, но ничего не знала. Дольше всех в школе работала ее коллега, приехавшая в город семь лет назад. Зато в школе есть архив! Она провела их к старомодным

шкафам, занимавшим полкоридора. Записи хранились в идеальном порядке.

– Так, тысяча девятьсот шестьдесят второй... Майкл и Дженни Стерн... Вот их фотографии. Хотите взглянуть? Милые, правда?

Дом № 2681 по Танлоу-Хай – адрес, указанный на конвертах. Улица оказалась тупиком на холмах, прямо над плотиной. Они въехали во двор, где чета пенсионеров выпалывала траву на гравийной дорожке.

Появление незнакомок внесло разнообразие в тусклую повседневность стариковской жизни. Вряд ли ведущий телевикторины, сулящий миллионы за правильный ответ, обрадовал бы их больше.

– Люди, жившие в доме до нас, они вас интересуют, да? – спросил старик.

– Ну да, они ведь только что это сказали, пеня ты беспамятный! – возмутилась его жена. – Мы видели их всего раз, пересеклись случайно. Мы приехали немного раньше, чем договаривались, уж очень хотелось поскорее вселиться в дом над озером, а они собирались уезжать. Мы провели вместе часа два. Сидели вон на той скамейке позади вас, пока грузчики носили вещи. Двенадцать лет назад это было.

– Да, пришлось подождать, – вмешался старик. – У них, кстати, была чертова прорва вещей. Пианино, картины, всякие голые статуи, шикарная мебель...

– Да что ты в этом понимаешь! – снова возмутилась его жена.

– Не обращайтесь на нее внимания... – Старик подмигнул Алисе и Лизон. – Она-то не помнит.

– А как они выглядели? – спросила Лизон.

– Рыжие! – воскликнул муж, по-детски радуясь, что опередил жену.

– Да, – подтвердила та, – и женщина, и детки рыжие.

– А я что говорю? Мамаша была красавицей, и вся такая... гм... аппетитная, вот как вы, мисс!

Алиса смущенно улыбнулась.

Лизон смотрела на озеро – ее словно тянуло вниз, кружилась голова, а ведь в Шато-ле-Дьябль она гуляла по скалам, по самой кромке обрыва.

– Пора тебя в богадельню сдать, – сурово сказала старуха. – Там с тобой цацкаться не станут, похабник несчастный. Вы уж извините его, он таким не был.

– Нечего ругаться, им нужны подробности, вот я и рассказываю, что помню. Муж был одного с ней возраста, темноволосый, обычный. Не такой интересный, как она...

– Лучше вспомни их фамилию!

– Стерн? – спросила Алиса.

– Точно! Стерн. Сама я никогда бы не вспомнила.

– А они не сказали, куда едут? – спросила вдруг Лизон.

Старик кивнул:

– А как же, сказали.

– Нет, не сказали, – не согласилась с мужем старушка.

– А я говорю – сказали! Уже перед самым отъездом. Я поболтал с парнем. С красоткой-то опасно было, гарпия моя следила за мной. Но вот название места вылетело из головы.

– И с чего бы ему откровенничать с тобой?

– Не сбивай меня. Черт, не могу вспомнить!

– Блю-Хилл! – выпалила жена. – Они решили переехать в Блю-Хилл, что в Оклахоме!

Ну конечно, подумала Лизон. Там все и закончится.

Больше в Валентайне подруги ничего не узнали. Они так устали, что заночевали в заведении мисс Парк, а утром следующего дня отправились в Блю-Хилл.

У людей, выбиравших название для деревни, было замечательное чувство юмора. Мало того, что голубой цвет не присутствовал ни в каком виде, так еще вокруг, до самого горизонта, не наблюдалось ни единого холма, даже намека на возвышенность.

Сейчас городок представлял собой одну длинную улицу, по сути – отрезок национального шоссе 108. На задах высоких узких домов пестрели палисадники, редкие перпендикулярные дороги вели к окрестным деревьям.

Жители использовали внушительный арсенал средств, чтобы принудить автомобилистов сбрасывать скорость. Въезд украшала монументальная деревянная арка, обвитая плющом, совсем как в средневековом городе или замке. Следом – ярко-красные «лежачие полицейские», а чуть дальше начинались обманки того же цвета. На тротуарах, у самой кромки, привлекали взгляд картонные дети в натуральную величину: казалось, еще секунда – и малыши в шортах кинутся под машину, чтобы перейти на другую сторону.

А вдруг с Аланом действительно произошел несчастный случай? – думала Лизон. Банальная авария на скоростном шоссе. Очень удобная авария, решившая проблему. Господи, как же хочется вернуться домой, в Нормандию, и все забыть!

Мэри Таннер была вроде цербера у школьной ограды. Ни один ребенок не сумел бы проскользнуть мимо нее и выскочить на шоссе 108. Алиса и Лизон поздоровались, и она охотно вступила в разговор.

– Помню ли я тех, кто учился здесь больше десяти лет назад? Я охраняю эту калитку на три года дольше! При мне не произошло ни одного несчастного случая во время перемены, я не выпустила со двора никого из детей. За тринадцать лет – ни одного! Кого вы ищете?

– Майкла и Дженни Стерн.

– Шестьдесят третий, шестьдесят четвертый, – мгновенно ответила Мэри Таннер. – Они недолго здесь прожили, но я помню, потому что это были первые годы моей работы. Два милых рыжих ребенка. Девочка – умненькая и бойкая для своего возраста. Ее брат Майкл поспокойнее. В общем, ничего особенного. Их мать – тоже рыжая – не работала, вела дом. Я ее видела, они жили недалеко, за площадью Рузвельта. Дома там снесли и построили кинотеатр. Ребята шли домой пешком, если не было дождя, и меня это, честно говоря, слегка тревожило, хотя Майклу к тому моменту исполнилось двенадцать.

– Можете описать мать? – спросила Лизон.

– Вряд ли. Я видела ее только под зонтом, а волновали меня проезжавшие мимо машины. Муж – не уверена, что они были официально женаты, – появлялся совсем редко. Он работал на стройке, тут недалеко. Занимался канализацией. Семья уехала, когда строительство закончилось. Куда? Об этом мне ничего не известно, они не сказали и вестей о себе не подавали.

Алиса и Лизон сели в машину и доехали до насыпной, цвета охры, парковки. За ней находился маленький кинотеатр «Рузвельт». Белое здание украшали уродливые афиши «Крестного отца 2» и «Челюстей». Стая голубей и воробьев кормилась у дверей остатками попкорна, который выметали из зала после сеанса.

Они вышли, постояли рядом со своей винтажной машиной, оглядывая окрестности.

– Вот ведь глупость! – вздохнула Алиса. – Мы не можем просто взять и потерять след! Куда-то же они уехали, эти Стерны? У ее детей были друзья...

– Это конец путешествия, Алиса, – отозвалась Лизон. – Алан тоже больше ничего не нашел. Думаешь, что едешь в крошечный городок в одну улицу, который можно промахнуть на скорости в сто километров в час, но

он оказывается тупиком, конечной остановкой. А национальное шоссе – картонной декорацией. Все, приехали!

– Я знаю, что ты чувствуешь, – сказала Алиса.

Лизон хотелось завизжать: «Нет! Не знаешь!» Путешествие вот-вот закончится, она так устала.

Здание мэрии стояло между кинотеатром и большой детской площадкой. За ним Эмилия Арлингтон и бросила свою машину с открытой дверцей, а сама укрылась за деревом, пристроив на нижнюю ветку винтовку *Garand M1*. Позиция была выбрана идеально: Алиса неподвижно стояла метрах в ста напротив нее. Промахнуться просто невозможно.

Эмили Арлингтон было восемьдесят три года, но рука у нее твердая, как прежде. Она не дрогнула два месяца назад, когда пришлось пристрелить чистокровку Смоки, который едва не затоптал Дэвиса в конюшне. Она пустила пулю в голову жеребцу, превратившемуся в демона, а уж эту мерзкую тварь уничтожит не раздумывая! Глупая нормандка пусть живет, она ни в чем не виновата.

Прицелиться в сердце суки, преследующей ее мертвого сына.

Выдохнуть, нажать на спусковой крючок.

Конец

16 ноября 1975

Блю-Хилл, штат Оклахома

По городку разнесся сухой хлопок.

Стая птиц, кормившаяся у кинотеатра, взметнулась в воздух, забыв о грязно-белых шариках попкорна.

Все замерло.

Звук донесся от деревьев, росших на другой стороне парковки.

– Там! – крикнула Лизон, ясно различив коренастый силуэт и блеск металла.

Алиса обернулась.

Силуэт медленно отделился от дерева, и подруги узнали Эмилию Арлингтон. Она как будто пыталась опереться на свое оружие. По голубой ткани расплывалось красное пятно.

Кровь!

Сенаторша пошатнулась, выронила винтовку, хотела ухватиться за дерево, не сумела и тяжело рухнула на землю.

– Чуть не опоздал, – сказал кто-то, и голос показался Алисе знакомым.

Женщины повернулись.

От детской площадки к ним шагал Ник Хорнетт. Запыхавшийся, но улыбающийся. Он слегка постарел и совсем поседел, что очень шло к его загорелому лицу.

– Не хочу вас пугать, дорогие, но мы чудом избежали смерти. Старуха едва меня не опередила, я выстрелил за секунду до нее...

Сыщик подошел к дереву, наклонился над миссис Арлингтон, она была без сознания. Рана выглядела устрашающе, но не была фатальной.

– Что вы тут делаете, Ник? – спросила Алиса.

Ты все такая же красавица, любимая. Бледновата, но хороша. Воздух Нормандии тебе к лицу. Зато я мог бы предложить бразильский загар.

– Разве не вы меня вызвали? – удивился Ник. – Неужели моя телеграмма не дошла? Ну вот он я...

– Ровно в тот самый момент, когда она собиралась выстрелить? Просто чудо.

– Не совсем. Я уже пару дней не отстаю от вас ни на шаг. И не спускаю

глаз с мегеры.

– Но зачем, Ник? Почему вы не дали о себе знать?

Потому что я профессионал, Алиса.

– Учусь на своих ошибках. У меня остались плохие воспоминания о прошлой поездке, тогда за нами следили от Вашингтона до Валентайна, вот я и подумал, что враг решит применить ту же тактику. И не ошибся – старушка Арлингтон лично преследовала вас. Оставалось ждать и вступить в игру в нужный момент. Я хотел взять ее на месте преступления.

– Значит, вы все время были у нас за спиной?

– Да, мне нравится роль ангела-хранителя. Я не терял из виду ваш «Флитвуд», но был деликатен, как человек-невидимка. Мне приятно, что вы выбрали эту машину, Алиса. Свою я продал за сто тридцать долларов, а вы наверняка за аренду заплатили намного больше.

– Но тогда почему вы сказали, что чуть не опоздали? – не успокаивалась Алиса.

Все так же внимательна к словам.

– Теперь можно признаться. В этой треклятой деревне одна улица – поди спрячь машину! Я оставил ее на отшибе, вернулся пешком, а эта гадина испарилась! Заметил ее в последний момент, под деревьями, остальное было делом техники. Я могу попасть в муху, летящую в миле. Отчет устраивает, босс?

– Вполне, Ник. Познакомьтесь, это Лизон.

Они обменялись рукопожатием.

Лизон все еще трясло.

– У нас будет время узнать друг друга как следует, – сказал Ник.

Алиса пошла в мэрию вызвать «скорую», а Ник с Лизон понесли Эмилию Арлингтон к машине. Пуля попала ей в плечо, и она уже очнулась.

– Куин... – прошипела она. – Почему Господь всякий раз защищает ее?

– Потому что Он защищает невинных, – ответил Ник.

– Заткнитесь, Хорнетт! Вы продали душу дьяволу!

– Сами заткнитесь, или я вас брошу.

Сенаторша поморщилась от боли, когда ее без особых церемоний уложили на заднее сиденье.

– «Скорая» будет через пять минут, – сообщила вернувшаяся Алиса.

– Вы ничего не знаете, Хорнетт! – с ненавистью прокричала Эмилия. – Поговорите с этой нормандской идиоткой. Она все знает – и молчит!

Алиса и Ник посмотрели на Лизон.

– Что вы ей наговорили?! – выкрикнула Алиса. – Это вы довели Лизон

до такого состояния?

– Я всего лишь сказала правду. Спросите у нее сами...

Она закрыла глаза. Уже слышался вой сирены: «скорая помощь» неслась, не обращая внимания на картонных детишек. Санитары погрузили сенаторшу, и машина умчалась.

С минуты на минуту должны были появиться полицейские. Алиса и Ник вопрошающе смотрели на Лизон. Какое сомнение старая дрянь поселила в душе француженки? Причин молчать больше не было, и Лизон рассказала все – монотонно, механическим голосом, словно ее устами говорила Эмилия Арлингтон.

Сыщик то и дело прерывал Лизон, восклицая: «Вот ведь старая сука!»

– Ник, позвольте ей закончить... – мягко попросила Алиса.

Лизон показала смятую копию банковской выписки, но документ Ника не заинтересовал.

– Как можно было поверить в этот бред?! – кипятился он, глядя в глаза Лизон. – Версия карги выстроена на одной-единственной детали: Оскар Арлингтон якобы заплатил в сорок шестом году. Где доказательства? Выписка! И она думает, что мы это проглотим! Капитал банка на восемьдесят процентов состоит из денег семейства Арлингтон. Она завтракает и обедает с банкирами, играет с ними в гольф. В Америке вряд ли отыщется нечто, заслуживающее меньше доверия, чем финансы любого политика! – Ник с брезгливой гримасой изучил выписку. – Ни исправлений, ни одной даже самой пустяковой пометки... От этой бумажки за версту несет подлогом.

Все, наивная ты нормандка, я прыгнул выше головы!

Запальчивость Ника успокоила Лизон. Он прав, конечно же прав! А она идиотка. Дура набитая. Предательница, усомнившаяся в Алисе...

– Так дело в этом, Лизон? – с бесконечной нежностью в голосе спросила Алиса. – Не беспокойся, я докажу, что жила в Австралии начиная с сорок пятого года, что не получала никаких денег, не возвращалась, чтобы отправлять письма Алану, никого не убивала. Я работала, платила за квартиру. Ты получишь доказательства.

– Ну и гадина! – не мог угомониться сыщик.

– Будьте конструктивнее, Ник! С самого начала, с первой встречи с Эмилией Арлингтон, мне кое-что не давало покоя: она казалась искренней. Во всяком случае, в своей ненависти ко мне. Миссис Арлингтон уверена, что Оскар не убивал себя, и все, что она изложила Лизон, совсем не похоже на ловко состряпанную ложь.

Лизон взглянула на Алису. Ведь она почувствовала то же самое, потому и усомнилась.

– Старуха потеряла связь с реальностью, – хмыкнул Ник. – Она долго убеждала себя и в конце концов поверила, что права. Эмилия могла быть искренней – и заблуждаться. Ну разве сенаторши самолично отстреливают врагов? По мне, так это чистое безумие!

У Лизон стало легко на душе.

Их разговор прервало появление шерифа. Они отправились в его офис, чтобы дать показания. Дело затянулось, после беседы с ними шериф решил связаться с Госдепартаментом. Ответивший чиновник был уклончив, посоветовал все задокументировать и прислать в Вашингтон полное досье. Копий не делать.

Алиса, Лизон и Ник провели в Блю-Хилл три дня, опросили всех жителей, но Стернов мало кто помнил. И никто понятия не имел, куда они подались.

– Проведем здесь отпуск? – спросил Ник под конец третьего дня.

Тем вечером он выглядел страшно разочарованным. Рухнул в ротанговое кресло и задумался. Алиса и Лизон пытались читать.

– Из этой истории вышел бы классный роман, согласны, девочки? Нет? Вам все равно? Проблема в том, что необходим ударный финал. Только представьте возмущение читателя, если я брошу его затерянным в оклахомской глуши. Мол, прости, приятель, последняя глава отсутствует. Мы никого не нашли. Недоволен? Сам ищи! А как найдешь, сообщи, и я напишу продолжение. Второй том!

Женщины смотрели на Ника, не зная, что сказать.

На следующее утро они решили вернуться в Вашингтон. Ник вел свой кабриолет с переделанными педалями и рулем – правая рука и нога плохо гнулись и затекали после долгого пути. Алиса и Лизон держались следом, чуть приотстав, и пытались говорить о чем угодно, только не о проваленном расследовании.

Ник напряженно размышлял. У них есть все части пазла, так почему ему кажется, что их можно сложить иначе и получится более логичная картина?

Нужно все разобрать и взглянуть на детали под другим углом.

Я считал старуху виновной. Готовой на все, чтобы избежать скандала. Она виновата в том, что знала о долге Оскара, но не заплатила. Убила Алана Ву, подтолкнула сына к самоубийству, пыталась прикончить

нас – и все во имя пресловутой чести семьи. Эта версия событий выглядела самой правдоподобной, но если принять во внимание интуицию моих спутниц, да и твою собственную, и если Арлингтон не врет, что тогда получается? Нет, нельзя рассуждать как сенаторша, я должен исходить из того, что правду говорит Алиса!

Прошло десять лет. А она все так же хороша. Мы по-прежнему понимаем друг друга с полуслова. Значит, любовь никуда не делась? Это вряд ли, Ники. Мало перемешать ингредиенты, необходимо нечто большее. Твоя любовь к Алисе жива, но пылает не так жарко, как прежде. Еще не зола, но уже угли. Хочешь раздуть пожар, приложи усилия, подбрось дров. Эй, старик, ты уходишь в сторону. Вернись на землю. Итак, предположим, что правду говорят обе. Возможно ли такое? В 1946-м Оскар действительно выложил 1 миллион 440 тысяч долларов, но заплатил не Алисе, она ничего не получила. Что из этого следует? Гипотеза № 1. Оскар отдает деньги подружке. Например, Лоре Стерн. Она растит его детей, о которых никто не знает. Но зачем он снял со счета именно эту сумму? Хотел обмануть свою властную мать? Забавно... Гипотеза № 2. Оскар считает, что передает деньги Алисе, но дело имеет с аферисткой, Лорой Стерн, которая его попросту надула. Исключено: у Оскара есть экземпляр договора и фотография невесты Лаки. Впрочем, это легко обойти. Есть возражение посерьезнее: изобразить Алису, чтобы захватить полтора миллиона, мог лишь человек, знавший историю с договором во всех деталях. Так кто она – Лора Стерн? Напрашивается единственный вывод, старик...

Четыре часа спустя Ник мигнул фарами, и машины заехали на парковку, не дотянув семьдесят миль до Литл-Рока.

Алиса и Лизон пили за столиком чай, Ник – кофе, стоя перед большой картой штата Арканзас.

– Мы будем в тридцати милях от Топики. Помните, кто там живет?

– Нет, – Алиса покачала головой. – Элвис Пресли?

– Уточняю – вопрос имеет отношение к нашему делу.

– Лора Стерн? Вы знали – знали с самого начала, а говорите только сейчас! Гадкий шутник.

Ник улыбнулся.

Не раздувай угли слишком усердно, Алиса, огонь может ожить! А я не в том возрасте, чтобы прыгать в костер.

– Как же мне не хватало вашей язвительности, дорогая. Мои бразильянки – загорелые красотки, но с португальским у меня все еще

туго, так что поболтать не с кем. В Топике живет не Лора Стерн, а наш старый друг Ральф Финн. Дрочила. Во всяком случае, десять лет назад, когда шел процесс, он там жил. У меня в досье должен быть точный адрес. Заглянем повидаться?

– Ну... – с сомнением протянула Алиса.

– Это почти по дороге. Я ведь никогда его не видел. Когда вы с ним встречались в Вашингтоне, я валялся на больничной койке.

– Я помню, – кивнула Алиса. – Пришлось надавить, чтобы он дал показания. Ладно, Ник, вы правы, это достойное завершение нашего ностальгического турне. В путь!

Топика оказалась хаотичным городом без собственного лица, похожим на своих провинциальных собратьев, которые росли слишком быстро. Путешественники час искали квартал Черри-Уэст, где жил Ральф Финн.

– Нику, как всегда, пришла в голову блестящая идея! – сказала Алиса. – С нашим везением наверняка окажется, что Ральф переехал семь лет назад.

Дорогу им объяснила дама, выгуливавшая собачку.

– Дом шестьдесят три? Направо, потом еще раз направо. Последний дом в конце тупика. Не заблудитесь.

Они легко нашли нужный дом.

Припарковались.

Увидели.

Алису и Лизон охватило странное чувство – вот он, конец следа. Здесь, в этом тупичке, они получают ответы на все вопросы, не дававшие им покоя столько лет, здесь узнают разгадку всех тайн. В доме 63 по Черри-Уэст.

Ник заглушил мотор.

Ты гений, дружище. Гениальный детектив. Слегка туповатый, уж слишком долго соображал. Но это лучшее дело в твоей карьере!

Юная девушка пыталась удержать равновесие на роликовых коньках, младшая сестра ехала следом на велосипеде. Мать смотрела на них из сада, развешивая белье.

Ничего особенного. Обычный городской проулок. Вот только волосы у женщины и девочек были рыжие.

Убедительное доказательство

20 ноября 1975

Черри-Уэст, 63, Топика, штат Арканзас

Алиса и Лизон выбрались из машины. Они окончательно перестали что-либо понимать. Пазл рассыпался.

Женщины молча смотрели на Ника, боясь допустить оплошность.

Зато сыщик казался абсолютно уверенным в себе.

Рыжеволосая женщина и очень похожие на нее девушка и девочка помладше смотрели на чужаков. Женщина улыбнулась. Других домов в тупике не было, и она, похоже, приняла их за туристов.

Будь осторожен, Ник, ты не имеешь права на ошибку.

– Вы Лора Стерн?

– Да.

– Меня зовут Ник Хорнетт, а это Алиса Куин и Лизон Мюнье.

Взгляд Лоры застыл. Безмятежное лицо помертвело.

Она была уничтожена. Выглядела как человек, в один миг лишившийся всего, как приговоренный к смерти, за которым явились надзиратели.

– Пойдемте в дом, – бесцветным голосом сказала она. – Девочки, вы еще погуляйте, но далеко не уходите. Мне нужно поговорить с этими людьми.

– Кто они? – спросила старшая.

– Они...

Боясь расплакаться при детях, Лора резко повернулась и пошла в дом.

Гостиная ошеломляла роскошью, но роскошь эта была какая-то странная. Неуместная. Картины, мебель, ковры, скульптуры... Все слишком элегантно, антикварное, утонченное, чтобы быть подлинным в таком заурядном доме.

И тем не менее подделок в комнате не было, а обстановка обошлась в целое состояние.

Хозяйка и гости устроились на угловом диване цвета ряски.

– Как вы меня нашли? – спросила Лора Стерн.

– Перебрали все другие варианты, остался единственный.

– Ну конечно... – Она кивнула. – Я знала, что этот день наступит. Всегда знала... Четверть века я тряслась от страха – за себя, за Ральфа,

особенно за детей, но пять лет назад начала верить, что все позади. Думала, что мы в безопасности, что давняя история забыта. Вы должны были появиться раньше! Не теперь! Это слишком жестоко.

Не делай резких движений, детектив. Поджарь ее на медленном огне. Она еще ни в чем не призналась. А ты понял едва ли десятую часть всей истории... Не торопись.

– Больше вам бояться нечего, – сказал Ник.

– Может, так даже лучше. Уж больно тяжело хранить подобную тайну. – Она с отвращением обвела взглядом гостиную.

– Облегчите душу, Лора. Расскажите нам все.

Женщина колебалась.

Стоп-стоп-стоп, Ник! Сначала надо загнать ее в угол. Осторожно, не то она сообразит, что тебе ни черта не известно, и выскользнет из сетей. Эту газель нужно парализовать, убедить, что все потеряно и бегство не выход, а самоубийство...

Пауза длилась, тишина становилась невыносимой.

– Можете все отрицать, миссис Стерн, – заговорила Лизон. – Отпирайтесь, молчите, рассказывайте сказки, возможно, вы обманете правосудие и избежите наказания. Но сумеете ли вы избавиться от нас с Алисой? Сумеете ли прожить хоть один день с миром в душе? Мы настроены решительно, у нас никого нет, нам некого защищать. И мы не оставим вас в покое, пока не признаетесь. Ваше единственная надежда, что мы пойдем и попытаемся простить.

Вот ведь чертовка! Кто просил давить на нее, Лизон.

Лору Стерн тирада Лизон впечатлила.

– Вы правы, – сказала она. – Я выдала себя, услышав ваши имена. Оказалась не готова. Я не знаю точно, что вам известно, но рано или поздно вы выясните все, так почему бы мне не облегчить душу. Одному богу ведомо, что еще способен сотворить Ральф.

Ого, Ники, ты можешь идти гулять, твои дамы, похоже, и сами во всем разберутся.

– До войны Ральф был нормальным парнем, – начала Лора. – Не лучше, но и не хуже других... У нас было много планов, мы мечтали о простой, обычной жизни. С фронта он вернулся другим человеком, хотя с виду был все таким же спокойным, милым и немного робким. Но я чувствовала, что в его душе поселились ненависть и ярость. Наверное, во всем виноваты ужасы войны... А еще Ральф поумнел. Знаете, мисс Куин, он очень любил Лаки. Он рассказал мне историю о договоре между Лаки и Оскаром Арлингтоном. В сорок пятом, почти сразу после его возвращения, мы

поехали в Вашингтон. У нас был ваш адрес, но консьержка сообщила, что вы исчезли, испарились, не подавали о себе вестей после отъезда в Нормандию. Она сказала, что ходили слухи, будто вы покончили с собой, что разыскивали вас только родные, а про Оскара Арлингтона она ничего не знает.

Ральф был жутко удручен. Мы отправились выпить в кафе у Потомака. Никогда не забуду тот день. Ральф впервые выпустил свой гнев на волю: «Какая гнусность! Арлингтон выйдет сухим из воды. Не заплатит ни цента! Эти богачи вечно отделиваются легким испугом, а такие, как мы с Лаки, хлебаем дерьмо!»

Я попыталась успокоить его, убедить, что Оскар может отдать долг родителям Лаки, но он меня не слышал. На целую минуту ушел в себя – и придумал план! Очень простой... «Черт, Лора, если нам хватит смелости, мы провернем фантастическое дело. И без малейшего риска. Оскар не знаком с Алисой Куин. Лаки дал ему фотографию, но она сгорела в джипе вместе с экземплярами договора и имуществом рейнджеров. Ты снимешь пустующую квартиру Алисы Куин, и нам останется только ждать. В один прекрасный день явится Арлингтон, позвонит в дверь и спросит: “Вы мисс Алиса Куин?” Ты ответишь: “Да-да...” Он вручит тебе полтора миллиона, ты произнесешь две-три прочувствованные фразы о Лаки, и вы расстанетесь».

Ральф все говорил и говорил, он уверовал, что план безупречен. «Если Оскар не придет – вряд ли ему хочется платить! – ты отправишься к нему сама, напомним о долге, пригроишь обратиться в газеты и устроить скандал. Гарантирую – через неделю он приползет, держа в зубах полтора миллиона долларов! Придется оставить на почтовом ящике и на двери фамилию Куин, но не волнуйся, никто не обратит внимания. Подозрений ни у кого не возникнет. Алан Ву погиб в Нормандии. Алиса Куин наложила на себя руки. Оскар не станет кричать о таком на всех углях. Да, историю знают другие рейнджеры, но у них нет ни доказательств, ни адреса Алисы, ни ее фото. Слухи к делу не пришьешь. Все быстро обо всем забудут. Нельзя упускать этот шанс, другого не будет!»

Алиса так изумилась, что ненадолго забыла об отвращении к мошеннице и желании отомстить.

– Вы должны мне верить, – продолжила Лора. – Я возражала против этой аферы, говорила, что мы не воры и что нас обязательно поймают и посадят. Ральф в ответ твердил: «Обокрасть негодяя – не то что честного трудягу! У Арлингтонов денег куры не клюют, заставим их заплатить и отомстим за Лаки. И – главное – это так просто, Лора, так просто!» В конце

концов я дала себя уговорить. Поначалу мне казалось, что план Ральфа сработает, но я помнила, зачем мы поехали в Вашингтон. Клянусь вам, Алиса, сначала у нас были самые честные намерения, но вас не оказалось и...

– Бросьте! – жестко оборвала ее Лизон. – Вы собирались предупредить Алису? О да – за процент от полутора миллионов!

Лора Стерн пожала плечами.

– Ах, если бы вся наша вина заключалась только в этом мелочном расчете. Ну так вот, Алиса, я поселилась в вашей квартире и через неделю отправилась к Арлингтону. Против воли, но пошла. Напятила белокурой парик – на случай, если он запомнил, что девушка на снимке была блондинкой. Вообще-то мы не особо опасались, я тогда была очень даже хорошенькая. Мы встретились в Джорджтауне, я следила за Оскаром и подошла к нему в магазине. Сказала: «Меня зовут Алиса Куин. Не заплатите через неделю – ждите скандала на весь Вашингтон. Журналисты, военные, политики – все узнают правду». Он в ответ пролепетал: «Я забыл адрес...» Ральф говорил, что Арлингтон трус и поплывет, если на него надавить. «Постарайся вспомнить, толстяк, это в твоих интересах!» «Рок-Крик? – проблеял он. – А номер дома не вспомню». Я посоветовала: «Пораскинь мозгами или поищи фамилию на почтовых ящиках! Срок – неделя, и ни днем больше!»

У Арлингтона не было причин сомневаться, что я и есть Алиса Куин. На следующий день он явился со всей суммой, пробыл у меня около часа, плакал, умолял простить, называл себя последним трусом. Сказал: «Я знаю, деньги не заменят вам Лаки, но не сердитесь на него, он не понимал, что делает! Я буду рядом, и если вам что-нибудь понадобится...» Потом рассказывал о войне, о ненависти солдат, вспомнил, как обзывали Ральфа. Я уверена: злобным муж стал именно из-за этого мерзкого прозвища.

В тот день Оскар Арлингтон был кем угодно, только не подлецом. Он боялся смерти и хотел выжить любой ценой. Как и все остальные. Вот только они были бедные, а он богатый. Ему было что предложить. Я следила за процессом по газетам. Люди считают, что Оскар негодяй. И виноваты в этом тоже мы.

– Теперь я понимаю его мать, – сказала Лизон. – Она знала сына. Знала, что он сожалел о смерти Лаки, что хотел искупить вину, что заплатил. Эмилия возненавидела шантажистку Алису Куин. Вот только фальшивую.

Ник видел свое отражение в висевшем на стене зеркале. «Дорогущее, но безвкусное», – рассеянно подумал он.

Какой я кретин! Все ясно как день, а мне потребовалось десять лет,

чтобы догадаться.

– Что было дальше? – спросила Алиса. – Как вы поступили с деньгами? Ваша жизнь изменилась?

Лора печально улыбнулась.

– О да, изменилась. К худшему. Мы почти ничего не потратили. Накупили вот этой красоты, а три четверти суммы до сих пор в чемоданчике. Мы боялись много тратить. Боялись выдать себя. Ральф продолжал работать на стройках. Мы думали, что однажды наше время придет, да и у детей будет наследство.

– Довольно лирики, – перебила ее Лизон. – Расскажите, когда в этой истории появился Алан.

– Оскар Арлингтон рассказывал мне о нем. Ну, о том, что он не умер, что вы спасли его и он остался в Нормандии. Алан написал Оскару и напомнил о договоре. Это была первая песчинка в отлаженном механизме плана! Алан Ву жив и может свидетельствовать. Я попросила у Оскара французский адрес Алана, сразу поняла, что нужно обратиться к нему от имени Алисы. Успокоить его.

Лизон хотелось вскочить, схватить одну из бронзовых статуэток и устроить погром. Но только спросила:

– Почему вы продолжили писать Алану?

– Ральф считал, что Алиса должна время от времени подавать признаки жизни, иначе однажды он может написать родителям Лаки или начнет искать нас. Маневр на упреждение – так муж это назвал. Мы боялись заводить друзей, никого не звали в гости – Ральф не хотел, чтобы люди увидели дорогую обстановку: «Мало ли что они подумают!» И письма стали для меня отдушиной, успокаивали меня. Я рассказывала о рождении Майкла, о школе... Это было как окно в мир. Из-за профессии Ральфа мы часто переезжали. Он строил автомобильную развязку в Эшленде, участвовал в модернизации завода Мерилла в Эффингеме и возведении Валентайнской плотины.

Ты чертов идиот, Ник! Знал ведь, что Дрочила – строитель, видел все эти объекты, но не сопоставил факты, не догадался.

– Вы же не станете утверждать, что Алан был вашим единственным другом, когда вы жили в золотой клетке?! – в сердцах воскликнула Лизон.

– Думайте что хотите, мне все равно. Я уже говорила, что мы никому не доверяли. Я оставила девичью фамилию, и жилье мы всегда оформляли на мое имя, так что по документам никто не смог бы связать Лору Стерн с Ральфом Финном. Ни одна живая душа не знала о подлоге. Ральф был вне подозрений. А потом, в шестьдесят четвертом, в Америку вернулся Алан.

Не знаю как, но он понял, что писала ему самозванка.

Алиса достала из сумочки свою фотографию, которую надписала для Лаки.

– Через двадцать лет Алан додумался сличить почерки.

Лора вздохнула с облегчением.

– Вот оно как. А я десять лет терпела обвинения Ральфа. Он твердил, что я допустила промах в одном из писем, что его план был безупречен, а я все испортила. Дальнейшее вам известно. Алан пошел по нашему следу – Эшленд, Эффингем, Валентайн, Блю-Хилл...

– Да, а мы повторили путь Алана, что оказалось нетрудно благодаря его объявлениям в газетах.

– Мы почувствовали, что Алан Ву вот-вот найдет нас. Явится к Лоре Стерн и обнаружит, что розы в саду подрезает его однополчанин Ральф Финн. Муж встретился с ним, а когда вернулся, сказал, что дело улажено. Мол, деньги творят чудеса, с их помощью всего можно добиться. Вы не обязаны мне верить, но...

– Значит, вы были не в курсе? – спросил Ник.

– Только поначалу. Потом он признался. Ральф окончательно перешел на темную сторону. Он понимал, что вряд ли купит молчание Алана, и придумал дьявольский план. Позвонил Оскару, назвал Аланом и запугал его разоблачением в газетах. Он велел ему немедленно приехать в Блю-Хилл и остановиться в отеле под чужим именем, чтобы сохранить конфиденциальность. Оскар сел в самолет, потом взял напрокат машину, всю ночь провел в номере и, естественно, ни с кем не встретился, а утром уехал. Растерянный и напуганный.

– А Ральф Финн в ту ночь убил Алана, – сказал Ник.

Лора опустила голову.

– Ваш муж сотворил идеального подозреваемого, а сам остался невидимкой, его никто не мог заподозрить. Но ведь Блю-Хилл – деревня. Оpozнай кто Алана, легко вышли бы на Финна.

– Но этого не случилось, – заметила Лора. – Даже я не сразу сообразила, что пострадавший – Алан Ву.

– Вы просто не хотели знать! – бросила Лизон.

Она ощущала удивительную перемену – ненависть наполнила ее новой силой.

– Что было дальше? – спросил Ник.

– Ральф успокоился, но тут появились вы, Алиса. Воскресли. Возникли из небытия. Поехали в Нормандию, и ветераны рассказали вам о договоре.

– Но как об этом узнал Финн?

– Он следил за однополчанами. Не напрямую, через знакомых. Ральф превратился в параноика, ничего не оставлял на волю случая, пытался просчитать все ходы.

– Итак, Ральф выяснил, что Алиса жива, все знает и предъявит счет Арлингтону, – сказал Ник. – А Оскар, желая оправдаться, расскажет, как отдал деньги женщине, которую принял за Алису Куин. Катастрофа! Так все было?

– Так. Ральф отправился в Вашингтон, а вернувшись, сказал, что опять откупился.

– И вы снова поверили? – удивилась Алиса.

– Нет. Он это понял и все мне выложил. Сказал, что несколько дней следил за Оскаром, чтобы осуществить задуманное. Нужно было опередить вас, не допустить вашей встречи с Арлингтоном. Потом была церемония награждения в «Шератоне». Оскар напился. Ральф был в зале, стоял в углу, за спинами однополчан. Ехал за Оскаром до дома. Думаю, сначала он хотел просто убить его, не представляя дело как самоубийство, но, увидев, как Арлингтон плачет и кается, решился на импровизацию. Знаете, потом я поняла, что Ральф гордится тем, что сделал, и очень испугалась. Он пересел в машину к Оскару, и тот его сразу узнал. Ральф сказал, что пришел отомстить за Лаки, назвал его подлецом и трусом, недостойным носить медаль, раз вместо себя послал на смерть товарища. Арлингтон только кивал. Ральф пригрозил, что завтра же свяжется с прессой и разоблачит его. Что у него один выход – признаться. Оскар хоть и был не в себе, воспротивился, сказал, что это убьет мать. Тогда Ральф вырвал у Оскара пистолет, приставил к его виску и заставил поклясться, что завтра он расскажет правду матери, а потом и всем остальным, но признание напишет сейчас, при нем. Продиктовал ему текст и заставил расписаться. Пьяный Оскар даже не понял, что написал прощальное письмо самоубийцы.

– И потом Ральф его застрелил?

– Да.

– Миссис Арлингтон была права, – прошептала Алиса. – Она знала – всегда знала, – что ее сын не убивал себя.

– Да, – кивнул Ник. – Но она тоже угодила в ловушку Ральфа. Он оставался в тени, и она сочла виноватой вас, Алиса.

– Я все узнала из газет, – снова заговорила Лора. – Для нас самоубийство Оскара было удачей, но я разучилась верить в чудеса и пристала к Ральфу с расспросами. Терзала его, грозилась уйти и забрать детей. Он сдался. Признался в убийствах Оскара Арлингтона и Алана Ву...

Я ужаснулась не только поступкам мужа, но и его хладнокровию, тому, как естественно он себя чувствует в мышеловке, как произносит, беспечно пожав плечами: «Это было единственное решение». Ральф превратился в чудовище. Но что я могла? Пойти в полицию? Я с самого начала была сообщницей Ральфа. Что случилось бы с нашими детьми? Я оказалась в западне, вот и предпочла убедить себя, что все это наваждение, что оно прошло и больше не вернется. Я старалась думать только о домашних заданиях детей, об обедах и ужинах, об уборке. Мне казалось, что я преуспела. Нашему сыну Майклу уже двадцать четыре, у него хорошая работа в нью-йоркском магазине, торгующем электроприборами, он, разумеется, ничего не знает. Поверьте, я не Бонни Паркер^[19].

Лизон смотрела на Лору с ненавистью.

– Вашей младшей дочери ведь нет десяти, так? Ральф признался вам в шестьдесят четвертом. Вы назвали мужа чудовищем. Так как вы могли снова лечь с ним в постель и зачать ребенка?

Нику захотелось исчезнуть.

– Это касается только меня, – глухим голосом ответила Лора, изо всех сил пытаясь не разрыдаться. – Вряд ли можно говорить об изнасиловании жены мужем. И все-таки...

– ...об этом можно забыть! – закончила за нее Лизон. – Не появись мы, вы бы так и жили, стараясь не думать, защищая детей, дом, мебель. Ради всего этого можно и потерпеть домогательства мужа, не самая большая плата за благополучие.

– Вам нужна была правда, – равнодушно сказала Лора, – теперь вы ее знаете. Да, мой муж – чудовище. А я его жена. Полагаю, мы с вами ровесницы. До войны мы были одинаково веселы и счастливы. А кто мы теперь? Женщины, изуродованные войной. Ваши мужчины погибли, мой стал убийцей. Сомневаюсь, что моя жизнь была счастливее вашей.

– Что было дальше, после убийства Оскара? – Ник решил перевести разговор на другую тему.

– Вы и сами знаете, – ответила Лора. – Ральфу пришлось откликнуться на объявления, иначе кто-нибудь из соседей выдал бы его. Кроме того, он ничем не рисковал, потому что из четырех человек, знавших про подписанный договор, трое были уже мертвы.

– Ральфа мы не подозревали, – сказал Ник. – Обвиняли во всем Эмилию Арлингтон. А она обвиняла Алису. Считала, что Алиса вознамерилась заставить ее сына заплатить еще раз и убила Оскара, когда тот отказался. Ральф, сам того не подозревая, придумал и осуществил идеальный план.

Ник снова посмотрел в зеркало.

А ты не так уж и плох в роли детектива, старик. Единственный мужик, уцелевший – ну ладно, почти уцелевший – в компании мстительных фурий, чья ненависть опаснее ножа.

– Хотите, я покажу деньги? – спросила Лора. – Они здесь, в чемодане на шкафу, осталось около миллиона. Видите, как глупо. Во всем виновата проклятая бойня! Ладно, прошлого не вернуть, содеянного не исправить.

Она встала, посмотрела в окно, за которым сгущались сумерки.

– Ральф вот-вот вернется. Звоните в полицию – неизвестно, как он отреагирует, увидев вас.

Алиса не шелохнулась. Она выглядела спокойной, но сил еще на один крестовый поход у нее не было. История обернулась цепью поступков, изначально совершенных из благих побуждений: Лора Стерн и Ральф Финн хотели лишь вывести Оскара на чистую воду, Эмилия Арлингтон защищала честь семьи, сама Алиса хотела почтить память Лаки, Лизон – выяснить, что случилось с Аланом...

Лора посмотрела на часы – такие же нелепо дорогие, как и обстановка гостиной.

– Он уже должен быть здесь, не понимаю. Извините, я позову детей. – Она открыла окно и крикнула: – Девочки, идите в дом. Папа скоро придет.

– Он уже пришел! – крикнула Дженни.

– Что значит – уже пришел?

– То и значит. Минут пятнадцать назад. Увидел машину с вашингтонскими номерами и спросил, что за люди на ней приехали. Потом прижал палец к губам, сказал: «Тсс...» – и вошел через подвал, а потом вышел с чемоданом, ну, с тем, который нельзя трогать. Сказал, что уезжает, потому что хочет приготовить тебе сюрприз. Сел в машину и уехал...

– Больше он ничего не сказал? – спросила ошеломленная Лора.

– Ни слова. Но поцеловал нас.

– Становится холодно, идите в дом, милые.

Лора осторожно закрыла окно. Задержала тюль и шторы.

Нику оставалось одно – вызвать полицию.

Треклятая жизнь... Лора – потрясающая женщина, такая же сильная, как Алиса и Лизон. Ее судьба свернула не туда, и она осталась на руинах жизни, но страха в ней нет. Мужчинам обязательно нужно покорить вершину, чтобы потом рухнуть в пропасть. А женщины просто живут на самом краю этой пропасти и смотрят в бездну, поглотившую мужчину...

За дело, друг. Раз уж в этой истории тебе отведена роль палача, столкни эту женщину в ее бездну.

Ник подошел к телефону.

Лора обняла дочерей, прижала к себе так крепко, что им стало неловко.

55

Завершение истории

Эмилию Арлингтон доставили в центральную больницу Оклахома-Сити и успешно прооперировали. Хирург был доволен – жизни пациентки ничто не угрожало. Природа наделила экс-сенаторшу редкостной силой: едва очнувшись от наркоза, она объявила, что немедленно возвращается на свое ранчо. Врачи, разумеется, возражали, но миссис Арлингтон плевать хотела на их мнение.

Домочадцы встретили ее цветами и аплодисментами. На столе в гостиной была сложена тонна газет. Первые полосы пестрели заголовками, посвященными Эмилии Арлингтон. *Бедовая Джейн*^[20], *Мамаша Далтон*^[21], карикатуры. Мнения разделились: одни считали ее месть священной, другие утверждали, что она безумна.

Целыми днями Эмилия Арлингтон читала газеты, рана ее воспалилась, но хозяйка поместья запретила пускать врачей. Поместье осаждали журналисты, несколько особо пронырливых сумели снять миссис Арлингтон, взобравшись на деревья. На самой знаменитой фотографии старая женщина сидит на веранде в кресле-качалке, лицо ее мокро от слез. Америка изумилась: железная леди из Вирджинии плачет? Немыслимо.

Репортер не стал уточнять, что на цветной версии снимка различимо облако красноватой пыли, – в тот момент в загоне перед домом тренировали жеребца Теннесси. Глаза Эмилии Арлингтон слезились от пыли.

Она продержалась до Кубка Ричмонда, мартовским воскресным днем поехала на скачки, молча насладились победой своего жокея Рода Кинли и вернулась домой едва живая.

Наутро дворецкий Дэвис нашел ее лежащей на полу спальни. «Скорая» доставила миссис Арлингтон в реанимацию Колумбийской клиники, но она не хотела больше жить и умерла на операционном столе. Это случилось 22 марта 1976 года.

Ральфа Финна так и не нашли. Лору Стерн – ей пришлось отвечать за двоих – приговорили к двенадцати годам тюремного заключения за

мошенничество и сокрытие убийства. Вышла она через семь лет и три месяца, в сентябре 1982-го.

Ее сыну Майклу уже исполнился тридцать один год, Дженни было под тридцать, Бетти – шестнадцать. Опекун над младшей доверили сестре Лоры, и тетка неустанно твердила, что их мать – монстр. Неудивительно, что дети не захотели с ней общаться.

Лора не сдавалась, приходила к лицу и однажды увидела Бетти через решетку ограды. Дочь показалась ей совсем взрослой и невозможно красивой.

Она окликнула ее. Бетти обернулась. Посмотрела на мать – холодно, брезгливо – и вернулась к подругам.

Тед Силву выпустили быстро. Выждав некоторое время, он снял все деньги со счета ассоциации *Ex-voto* и увез семью на Гавайи, где их жизнь потекла в счастье и довольстве. В начале 1980-х Тед получил два предупреждения – у него случилось два тяжелых сердечных приступа. Он понял, что надо поторопиться, и втайне от всех дописал историю своей жизни, которую начал сочинять в камере. Отставной парикмахер запечатал рукопись в конверт, присовокупив крупную сумму денег, и отослал издателю с условием опубликовать книгу через неделю после его смерти.

Умер Тед Силва утром 22 августа 1984 года, чистя зубы. Он успел последний раз взглянуть в зеркало на счастливого коротышку, мужа и отца семейства, который очень скоро превратится в великого и легендарного исполнителя желаний Теда Силву.

На похороны съехалось множество людей. Прибыл весь семейный клан, из разных городов Америки.

Сразу после похорон Елена Силва, прихватив изрядную сумму, села в самолет и отправилась к издателю. Она выкупила рукопись мужа, вернулась на Гавайи и сожгла ее в камине, даже не подумав прочесть.

Она давно поняла, как связаны неожиданные отлучки мужа с громкими заголовками газетных статей о необъяснимых несчастных случаях. Окончательно она убедилась в своей правоте, когда узнала, какое богатство Тед нажил, держа скромную парикмахерскую. Елена сочла, что ее это не касается, – если бы муж счел нужным, он бы еще при жизни все ей рассказал. То, что хотела, она узнавала, шпионя за Тедом, и исполняла это мастерски. Теперь она – глава семьи и должна позаботиться о будущем детей, поэтому и для них, и для всех окружающих Тед останется заурядным мастером ножниц и расчески. Посмертная репутация важнее посмертной славы.

Ник вышел в отставку в 1986-м. Ему исполнилось шестьдесят, но он много путешествовал, благо раскрученное агентство не нуждалось в его личном руководстве. Друзьями он обзавелся во множестве стран, его приглашали погостить принцы, президенты, эмиры и миллиардеры. Репутация у некоторых была не самая безупречная, зато все были блестяще образованны, обаятельны и имели широкие связи. Ника они ценили за чувство юмора и благородную простоту.

Пекин и Сан-Паулу, Лос-Анджелес и Париж... Ник наслаждался жизнью. Как-то раз, в скромном аэропорту острова Тимор, скучая в ожидании рейса до Джакарты, он неожиданно встретился взглядом с индонезийской актрисой, неизвестной за пределами родной страны. Ник воспарил, воспылал, пустил в ход все свое обаяние и очаровал красавицу. Путешествовать он стал реже, найдя умиротворение рядом с женщиной намного моложе и гораздо богаче себя. Тридцатисемилетняя звезда владела одним из тринадцати тысяч островов, составляющих индонезийский архипелаг.

В Нормандию, повидаться с Алисой и Лизон, Ник за минувшие годы летал четыре раза. В пятый раз он полетел во Францию в сентябре 1993-го – на похороны.

Лизон и Алиса вернулись в Нормандию и продолжили жить как прежде: работали в музее, по вторникам гуляли в ландах, пили кофе или чай в «Завоевателе». Они старели, никто больше не оборачивался им вслед. Алиса и Лизон превратились в обычных вдов, печальных и спокойных, – какими и положено быть дамам в шестьдесят лет.

Лизон всегда была более хрупкой, она и стала первой добычей болезни, но рак наткнулся на отчаянное сопротивление. Болезнь предприняла несколько попыток, нанесла урон поджелудочной железе, но Лизон не одолела, ибо ей предстояло довести до конца еще одно, самое важное дело.

Она ждала. Ждала последнего визита.

Остатки средств Алиса потратила в начале девяностых годов. Она посылала много денег в Восточную Европу. Ее тревожил проект строительства АЭС в нескольких километрах от Шато-ле-Дьябль, на тех самых пляжах, где в 1945 году высадились союзники. Парижский депутат, продвигавший проект, сулил золотые горы: работу всем желающим и сказочное снижение налогов местным коммуна! Алиса отдала последние деньги на борьбу со строительством атомной станции, и все побережье, включая Пуэнт-Гийом, объявили заповедной зоной, историческим

наследием.

После этого воистину исторического события рак, уставший бороться с Лизон, переключился на Алису, и она не выстояла. Ей было почти семьдесят, пятнадцать лет из них она прожила сиротой, пять лет была абсолютно счастлива, следующие пятьдесят лет вспоминала былое. Картины прошлого расплывались, покрывались патиной, тускнели, подобно старым фрескам. Алиса стала многое забывать и очень переживала. Вот и уступила болезни.

Последние дни она провела в мечтах о скорой встрече с душой Лаки, которая давно ждала ее между пляжем и Пуэнт-Гийомом – там, где его сразила немецкая пуля.

Глаза Алисы закрылись навсегда 29 сентября 1993 года.

Лизон осталась одна. Деревня Шато-ле-Дьябль, какой она ее знала, тихо умирала, уступая место другой. В восьмидесятых владелец бара Рене переехал на юго-запад и не подавал о себе вестей. «Завоеватель» купил какой-то бретонец и превратил его в шикарную харчевню для туристов, быстро заслужившую солидную репутацию. Фернан Приер выставил свою кандидатуру на муниципальных выборах 1983 года, проиграл молодому инженеру из Кана и с досады в следующем же году переехал в Шаранту. Шавантре умер в хосписе в Байе в конце 1989-го, последние два года он никого не узнавал – даже Лизон.

Молодой мэр выстроил у обрыва тридцать дачных домиков для жителей Кана, тоскующих по природе. «Или коттеджи, или АЭС!» – объявил он сразу после выборов. Жители деревни предпочли первое. Но вскоре начались оползни, и первая линия домов оказалась под угрозой. Владельцы пытались продавать их, терпели неудачу, подавали на мэрию в суд. Сегодня большинство коттеджей пустует, совсем как блокгаузы.

Лизон ждала. На этом свете ее удерживала только надежда на встречу с Ральфом Финном. Она была уверена, что однажды он явится.

Почти все рейнджеры хотя бы по разу побывали в Пуэнт-Гийоме и обязательно заходили в маленький музей. Лизон на всю жизнь запомнила лицо убийцы Алана и представляла, как тот будет выглядеть в старости. А вот он никогда ее не видел и не знал, что жена бывшего однополчанина работает в музее.

Если он вернется в Шато-ле-Дьябль, она его сразу узнает. И тогда...

Лето 1994-го выдалось хлопотным. На пятидесятилетие Высадки съехалось много народу, в музее было не протолкнуться. Лизон переживала, что Ральф вряд ли прилетит из страха быть узнанным

ветеранами. Еще одно лето прошло впустую.

56

Уход

1 декабря 1994

Пуэнт-Гийом, Нормандия

Лизон узнала Ральфа, как только он переступил порог музея. Она была готова и ничем себя не выдала – он увидел улыбчивую старую даму, явно обрадовавшуюся посетителю.

Он осмотрел экспозицию – старые открытки, макет – и остался равнодушным. Музей показался ему жалким. Кого все это может заинтересовать, кроме рейнджеров, высадившихся в 1944-м на побережье Нормандии? Да и тех в живых осталось хорошо если половина.

Лизон вела себя осторожно, беседы не заводила, сидела на стуле у входа в зал.

Ральф понял, что ничего не чувствует. Он слишком долго выжидал. Двадцатилетний парень, что играл в солдата, тот, которого товарищи прозвали Дрочилой, стал ему чужим. Много времени утекло, он познал иные, куда более сильные эмоции. Военные воспоминания давно не бередили душу, трогали не сильнее художественного фильма. Но ему до чертиков надоело таскаться по отелям с единственным спутником – чемоданом. Так не все ли равно, где скучать.

– Где тут у вас можно поесть? – спросил он у Лизон, покидая музей.

– В харчевне на углу, – ответила она. – Заведение не из дешевых, но популярное. Обслуживают, правда, неторопливо.

– Автобус будет только во второй половине дня, так что время у меня есть.

– Вы приехали на автобусе? – поинтересовалась Лизон. – Значит, до Пуэнт-Гийома не добрались?

Ральф покачал головой. Он чувствовал себя уставшим.

– Они поставили там странный памятник, – продолжила она. – Станный, но впечатление производит. И вид на пляж сверху открывается потрясающий. Но вы, наверное, помните?

Симпатичная мадам, подумал Ральф, и голова вроде работает как надо, а это редкость среди тех, кто пережил войну.

– Это далеко отсюда?

– Два километра. Но если напрямую через ланды, то поменьше.

– Мои бедные ноги не осият такое расстояние. Боюсь, придется воздержаться. Ничего, воспоминания у меня, знаете ли, не самые лучшие.

Лизон позволила ему выйти на улицу.

Она не импровизировала: Ральф уже угодил в ловушку. Она предвидела все его возможные реакции, знала, что и в какой момент сказать.

– Я могу вас отвезти, если хотите, – крикнула она, открывая дверь.

Ральф остановился. Он колебался.

– Не стесняйтесь, вы будете не первым. Ветераны, навещающие нас, постарели, у каждого свои недуги, а мне только в радость помочь. Много времени это не займет.

Лизон улыбнулась. У нее была ослепительная улыбка постаревший голливудской звезды золотого века кинематографа. Женщины редко кокетничали с Ральфом.

– Буду рад, – наконец согласился он.

Все получилось легче, чем я могла надеяться, подумала Лизон. Он ничего не заподозрил.

Они сели в маленький ярко-красный «рено-твинго», не пробежавшее и тысячи километров. «Баночка йогурта» неожиданно показалась Ральфу удивительно удобной и совсем не тесной. А старушка-то оригиналка, выбрала молодежную тачку! – усмехнулся он про себя.

Они тронулись.

– Вы были в Девятом отряде рейнджеров? – спросила Лизон.

Ральф ограничился кивком.

– Я знала нескольких солдат, которые участвовали в высадке. Одного очень близко. – Голос женщины дрогнул.

Они съехали на грунтовую дорогу, но скорость Лизон не сбросила, и Ральф ухватился за ручку над окном. Боль в спине мешала сосредоточиться.

Неуместное лихачество, с досадой подумал он. Что она там говорит?

– Возможно, вы тоже его знали? – спросила Лизон.

Чертова таратайка! Почему эта безумная не притормозит? Боль в спине стала невыносимой. Какое ей дело до моих воспоминаний?

– Его звали Алан. Алан Ву.

Ральф, не пытаясь скрыть растерянность, резко повернул голову:

– Алан Ву?

Лизон не смотрела на Ральфа. Она резко вывернула руль, и машина запрыгала по ландам.

– Лизон Мюнье, – пробормотал Ральф. – Я должен был догадаться!

Расслабился, потерял бдительность...

Машину трясло все сильнее, позвоночник отчаянно вопил, но Ральф знал, что если соберет волю в кулак, то сможет перехватить руль, дернуть ручник или открыть дверцу и выпрыгнуть. Решаться нужно было немедленно. Может, он успеет объяснить женщине, что вся эта история была одним большим недоразумением, что он не хотел никого убивать, что сожалеет о содеянном, что двадцать лет вел жизнь бродячего пса.

Ральф промолчал. И ничего не сделал.

Они оставили позади покинутые хозяевами коттеджи. Прибрежные скалы были совсем близко.

– Я долго ждала вас, Ральф...

Лизон прибавила скорость.

– Моей вины тут нет, – едва слышно произнес Ральф. – Алан был хороший парень. Но...

– Я знаю. Он обещал вернуться, сказал, что мы обвенчаемся, заведем детей. Да, Алан был очень хорошим человеком. За это я его и полюбила.

Сбоку промелькнул блокгауз. Время еще было, но Ральф не шевельнулся.

Впереди, до самого горизонта, простиралось небо.

Последние три метра ландов шли под уклон. Ярко-красный автомобиль взлетел на невысоком травянистом трамплине и сорвался с обрыва.

Несколько мгновений они парили над пустынным пляжем. А потом камнем рухнули вниз.

Об авторе

Профессор географии в Руанском университете Мишель Бюсси – сегодня один из лучших детективщиков Франции. С 2015 года Бюсси уверенно входит в тройку самых успешных писателей Франции. В его детективах нет жестокости и леденящих душу описаний, но есть погружение в психологию, нетривиальные сюжеты и романтическая атмосфера. Книги Мишеля Бюсси уже вышли в 31 стране на 29 языках.

Все герои Бюсси, даже эпизодические, выглядят невероятно рельефными и настоящими. Не перегружая повествование и не отвлекая читателя от сюжета, Бюсси ухитряется в то же время создать внутри своего романа плотный и живой мир, который можно потрогать, рассмотреть с разных сторон, понюхать, в конце концов.

Мир, который пугает, умиляет, волнует и трогает.

Галина Юзефович

«Следы на песке» – первый роман Мишеля Бюсси, который спустя десять лет он значительно переработал. Поразительно, с какой точностью он описывает Нормандию, где развивается часть действия. И, как всегда, главным двигателем его истории являются чувства.

Стремительные диалоги, лаконичный язык, сюжет, который совершает настоящие виражи, – отличный детектив!

Europe1

Мишель Бюсси – самое яркое имя в современной французской беллетристике. Чтобы опередить таких мэтров, как Гранже, Пеннак, Гавальда, Варгас, нужно быть действительно незаурядным автором.

Bibliobs

Бюсси запомнится читателю совершенно не прямолинейными сюжетами, романтической атмосферой Нормандии, которая, по словам автора, не уступает Лазурному Берегу по красоте, а также изощренным психологизмом.

Афиша.Daily

Примечания

1

Подпись к исторической фотографии, сделанной 6 июня 1944 года Робертом Ф. Сарджентом, помощником главного фотографа во время высадки десанта в Омаха-Бич. – *Здесь и далее примеч. перев. и ред.*

2

«Самый длинный день» – американский черно-белый фильм (1962, две премии «Оскар») о высадке союзников в Нормандии в 1944 г., снятый по книге Корнелиуса Райана. Над картиной работало несколько режиссеров: Кен Эннакин снимал британские и французские сцены, Эндрю Мортон – американские, Герд Освальд и Бернхард Викки – немецкие.

3

Омаха-Бич – кодовое название одного из пяти участков вторжения союзников на побережье оккупированной Франции в ходе операции «Оверлорд» (*англ.* повелитель) во время Второй мировой войны. Высадка произошла на берегу пролива Ла-Манш, близ города Лонгвиль. Операция открыла Западный фронт в Европе.

4

Замок Дьявола.

5

Тобруки – скругленные бетонированные доты, в которых могли разместиться пулеметчик, минометный расчет или даже башня танка. Тобруки соединялись подземными тоннелями.

6

На вершине скалы немцы соорудили восемь бетонированных казематов и четыре полевые позиции для 75-мм и 88-мм орудий, державших под

обстрелом каждый метр пляжей.

7

Имеется в виду фильм «Отчаянное путешествие» (1942, режиссер Рауль Уолш), в котором сыграл Эррол Флинн (1909–1959), звезда Голливуда и секс-символ 1940-х.

8

Жак Превер (1900–1977), «На школьном уроке». Перевод Анатолия Яни.

9

Арлингтонский дом – особняк, расположенный на берегу реки Потомак, на территории Арлингтонского кладбища в Вашингтоне. Построен в 1802–1817 гг. приемным сыном Джорджа Вашингтона Дж. В. Кертисом.

10

Кассиус Клей, он же Муххамед Али (1942–2016) – легендарный американский боксер.

11

J'ai trois quins – «Уменятриайвы» (фр.).

12

Branle-pouc – «Нукапукни» (фр.).

13

J'aisixcats – «Уменяшестькошек» (фр.-англ.).

14

J'aidouzevac – «Уменядвенадцатьотпусков» (фр.).

15

Районы Вашингтона и небольшие города вблизи американской столицы, где живут правительственные чиновники и богатая публика.

16

Говардский университет – американский частный, исторически «черный», университет в Вашингтоне.

17

Христиан Ганеман (1755–1843) – основатель гомеопатии.

18

Скрытая цитата из «Пены дней» Бориса Виана («Ну да, нимфея, или, если угодно, водяная лилия, в правом легком. Профессор сперва думал, что там всего лишь какой-то зверек. Но оказалась нимфея».).

19

Бонни Паркер и Клайд Бэрроу – знаменитые грабители, действовавшие во времена Великой депрессии.

20

Марта Джейн Каннари Берк, более известная как Бедовая Джейн (1852–1903) – американка эпохи освоения Дикого Запада, профессиональный скаут, участница Индейских войн с коренными жителями континента на поле боя.

21

Ма Далтон, Мамаша Далтон – героиня комикса «Лаки Люк» (1946–1947) бельгийского художника Мориса де Бевера и сценариста Рене Госинни.